

Империя в ладони

Никитин Сергей

ЧАСТЬ 1.....	2
Глава 1.....	2
Глава 2.....	3
Глава 3.....	5
Глава 4.....	5
Глава 5.....	8
Глава 6.....	10
Глава 7.....	12
Глава 8.....	14
Глава 9.....	17
Глава 10.....	19
Глава 11.....	24
Глава 12.....	26
Глава 13.....	31
Глава 14.....	34
Глава 15.....	39
Глава 16.....	41
Глава 17.....	43
Глава 18.....	46
Глава 19.....	48
Глава 20.....	51
Глава 21.....	54
Глава 22.....	58
Глава 23.....	61
Глава 24.....	64
Глава 25.....	66
Глава 26.....	67
Глава 27.....	71
Глава 28.....	74
Глава 29.....	78
Глава 30.....	81
Глава 31.....	84
Глава 32.....	86
Глава 33.....	88
Глава 34.....	93
Глава 35.....	100
Глава 36.....	103
Глава 37.....	107
Глава 38.....	109
Глава 39.....	111
Глава 40.....	113
Глава 41.....	116
Глава 42.....	121
Глава 43.....	123
Глава 44.....	126
Глава 45.....	130
Глава 46.....	133

Чем больше происходит в жизни изменений,
тем меньше она меняется

ЧАСТЬ 1

Глава 1

3 ноября 1901 года питерское небо с утра застлили толстые, заварные облака. К вечеру пошел дождь. Под зеленоватыми газовыми уличными рожками - островки света, а вокруг в густеющих сумерках блестит мокрый булыжник мостовой. Полновесные капли падают с зонтов редких прохожих. Мокро горбятся на своих облучках изящные извозчики. Пронеслось несколько лихачей с крытыми рессорными колясками на резиновом ходу. Донеслось – «Гони к «Маркизу!»». Проехало черное авто с кавалергардским офицером в очках-консервах, дохнуло выхлопными газами и грузно крякнул клаксон. В разрывах тумана смутно проглядывала противоположная сторона улицы.

Алтуф стоит в тени арки, возле уже закрытого оптического магазина Файнберга, что в самом конце Лиговки, и как затравленный волк наблюдает за молодым парнем, по виду рабочим. Тот идет, слегка пошатываясь, верно после работы он на часок-другой заглянул в монополюку и даже забыл стряхнуть с новенького, ворсистого полупальто пепел от бесчисленных папирос.

«Эко дело, фортануть такого! - подумал Алтуф - Парень, видать здоровый, но в кармане наверняка целковый, а то и поболее будет. Ха! У него... Да сейчас у меня будет. Было ли вашим, что станет нашим! А то битый час мокнуть под дождем за так, да и с утра ни капельки. Хорошо еще хоть дворник от дождя спрятался, а то уже бы городского по мою душу кликнул».

На вид Алтуфу можно дать и тридцать и пятьдесят лет. Синеватые мешки под заплывшими глазками и лицо цвета желтого пластилина выдавали в нем человека распущенного и много пьющего. Он имел привычку перед ответом пожимать плечами, тем самым обнаруживая, что внутренне он оценивает человека, задавшего вопрос, а не сам вопрос и может запросто солгать. Сейчас Алтуф все время подносит левую руку к воротнику потертого пальто, словно пытаясь оттянуть поднятый воротник и вздохнуть полной грудью.

Мимо, громко разговаривая и бранясь, прошли две шабашницы. Следом дама в накинутах поверх светлого пальто клеенчатом плаще с капюшоном. В руке у нее пузатый саквояжик светло-коричневой кожи. «Черт, в парадное вошла. А жаль. – Подумал Алтуф. - Таковую дамочку-то потрясти, милое дело».

Парень привалился к тумбе, прямо на афишу – «26 ноября в зале Дворянского собрания состоится сольный концерт г-жи П. А. Одинцовой-Владимирской. В программе...».

«Пусть проблуется» - брезгливо подумал Алтуф – «После зайду сзади. Оно даже хорошо. Если что - тумба прикроет. Так много сподручнее будет... ухватить фарт за одно место!». Алтуф усмехнулся, до чего все просто – тюкнул по голове железным штырем, завернутым в холстину и при деньгах. Можно смело нырять в полуподвальчик Рытина. Даже если память у парня сохранится, так ведь это ж будет уже каша и полная белиберда.

Но тут смотри в оба - городовые на Лиговке народ отвесный, на подбор, от двух с половиной аршин, и ходят, как ломовые лошади. Приключений с ними лучше не искать: придавят, сплюнут и дальше пойдут. А то в околоток потянут, вот и дивись тогда ихней скорости и устройству. Верно, к неприятностям не привыкать, но и на рожон лезь не стоит. На днях Шурку-Хабалку, что с Нарвской, здесь с пером взяли. Дохвалился своей финкой перед барышней. Предлагал ей колье бриллиантовое ему за так подарить. Бриллианты оказались фальшивыми, зато филеры настоящими. Но если шугаться, то тогда и жить невозможно.

«Глядеть - не иметь...» - и Алтуф метнулся к парню. Вскользь увидел белое пятнышко шрама чуть повыше уха... Рассчитанным движением тяжело ударил сзади... Хрясь! Картуз с

головы парня слетел и брызнула кровь. Как хороша чужая мощь, когда она повержена. У Алтуфа нежно защемило под ложечкой. Он любил эти мгновения ни с чем несравнимого торжества своего и даже порозовел от удовольствия. Без него и хлеб колючий и сахарин Фальберга кислит и водка склизкая. Состояние жизни в полусне... И задрожали колени. Но не от страха.

Буйно взлетающий вверх лоб и золотые вихри волос, точь-в-точь поле пшеницы, но только окровавленные. Мучительный, словно что-то ожидающий взгляд... Парень завалился набок, засучил ногами и затрясся всем телом. С ужасом посмотрел на Алтуфа блекнувшим взглядом. Лежит он, а левый глаз его плачет и скатился розовый пузырек и побежал струйкой по лбу.

Откуда-то сверху, из окна мебелирашек, взвизгнула баба.

-Господи! Уби-и-вають!..

Какой-то прохожий пристально посмотрел на Алтуфа.

-Т-с-с!.. Чего zenки-то вылупил? – Исподлобья зло прошипел Алтуф. – Не видишь приятно дурно? Хочешь помочь? Или получить успокоительное?

Прохожий тут же испуганно отвернулся и, уткнув подбородок в грудь, заспешил прочь.

-А черепок-то хлипкий у тебя, паря, оказался. Видать вовсе отходишь. Ну да и черт с тобой!

Алтуф сощурил глаза, нагнулся и быстро зашарил по карманам.

В карманах трупя оказалось рубль с мелочью. «Ну что же, - подумал Алтуф, - неплохо сработано. Есть на что повеселиться, а если нырнуть в собачий лаз, что под аркой в дощатом заборе проходного двора, то уйду быстро».

Перед лазом простирается огромная грязная лужа, через которую переброшена хлипкая доска. Но думать некогда и, озираясь по сторонам, - прыг! – немного вперед, налево и в дырку... Лишь дворовые коты испуганно шарахнулись и снова тишина и морозящий дождь.

Глава 2

Чайная Рытина, что на Коломенской, всем вертепам вертеп. Публика - рвань несусветная, беспаспортная и беспарточная, на гоге у Макокина что с Дровяной, и воры всех категорий - шмары, коты, бродяги любого пола и возраста.

Все пьяные буйства в чайной моментально прекращались силою тяжелых кулаков самого господина Рытина. Городовые обходил это жиганское место стороной, да и ветошных, а если говорить по-простому – не уголовников, обычно не бывало.

После новогоднего пожара – когда в результате бурного веселья, шутка ли! - 1900 год встречали, от чайной остались лишь стены, окна без рам и табурет, что под бочонком для воды у дверей стоял - помещение восстановили и даже приукрасили, но оно вновь обросло липкой грязью. Пол уложили неровный, скрипучий и странно покачивающийся. Ни разу немытый он многоцветно оброс грязью и заржавел, как прошлогодняя листва.

Прямо перед входом возвышается уродливая гипсовая копия статуи Асмодея, хранителя секретов и спрятанных сокровищ, а также, как утверждает в иудейской легенде, главного строителя храма Соломона.

В углу залы свалены корзины из-под пива. Над стойкой в переднем углу весит загаженный мухами, ярко размалеванный, рекламный плакат: «Непромокаемые калоши промышленного общества «Треугольник»...». Над стойкой буфета круглосуточно горит трехлинейная керосиновая лампа, дающая больше чаду, нежели свету. За стойкой узкая дверца, оклеенная замасленными обоями, во вторую комнату. В ту комнату вход Алтуфу заказан. В ней находится своего рода клуб - там собираются блатные отдохнуть от дел и хеврой¹ назначались деловые свидания.

За угловым столом сидят подзаборники с красными глазами кроликов, зашедшие погреться и в надежде выпить на дармовщинку. Они жадно оглядели Алтуфа, хотя прекрасно знают, что поживы от него не жди. Но на всякий случай приветливо замахали руками:

-Эй, фартовый! Давай к нам! У нас одно место свободно.

¹ Хевра - городская воровская организация. (все прим. для редактора)

Алтуф брезгливо повел плечами, молча подошел к буфету и выбросил из кармана рубль.

-Дай чайник спотыкаловки, а на остальное пирог с селедкой и папирос.

Половой равнодушно, взбросил глаза на Алтуфа и вяло спросил:

-Какой тебе водки - с красной или белой головкой?

-Знамо дело с красной, еще спрашивает!

-На гривенник налить, штоль? Так на закусь не хватит, а ты еще и папирос требуешь...

-Вот тебе рубль. Ты что, Сенька, ослеп, или пьян?

У Сеньки смуглая кожа и крючковатый нос, что делает его похожим на филина. Волосы черные и жесткие, причесыванию они не поддаются, и потому всегда лохматые. Голова сидит крепко и надежно, как наконечник стенобитного орудия. И такой он весь - прочный, тяжелый и неспешный. Он медленно наклонился и достал из-под прилавка большой медный чайник - открытая торговля водкой здесь была запрещена полицией.

-Селедки ныне нету. Разве что собачья колбаса... да огурчиков солененьких парочку могу дать.

-Ну, гадство... Ладно, давай что есть. Не видишь с похмелья уташничает меня. А ты даже сказать по-человечески ничего не можешь. Видать слишком умный, сплошные умности. - Разозлился Алтуф. Его бесила вечная неповоротливость и медлительность Сеньки.

-А шел бы ты... Кошкоед. Много вас тут упырей всяких, да еще с претензиями. Сейчас вот хозяина кликну. - Сенька стал медленно впихивать два грязных пальца в рот, чтобы свистнуть Рытину с его тяжелыми кулаками.

-Да ладно тебе. Чего хозяина-то беспокоить? Да ты чего створожился-то? Ты лучше горчички прихвати, а сверху поплый этак перчиком.

-То-то же. Кошкоед. - И Сенька, кусая губы и что-то бурча себе под нос, стал доставать заказанное.

Взяв чайник с водкой, граненый стакан в подстаканнике и закуску Алтуф сел за столик. Ночь брала свое, и чайная постепенно наполнялась посетителями. Кое-кто из них не гнушался поздороваться с Алтуфом.

Поздно ночью, когда все столики были заняты, к Алтуфу подсели два мужика. На вид тюли деревенские, но в обращении вежливые:

-Любезнейший, можно к вам?

Перебивая все ароматы чайной, в воздухе повеяло чем-то свежим и благородным.

-А прыгайте. - Алтуф важно выпятил нижнюю губу и махнул рукой. - Чего там... Места хватит.

Тот, что спросил сел в раскорячку и широко оскалился щербатым ртом:

-Мимо шли, дай, думаем, заглянем на огонек. Но тут как-то мрачновато...

-И водка в чайнике, - ввернул второй и падко облизнулся, - она хоть настоящая?

-Ага... С градусом. - Алтуф хмыкнул и закурил. - А вы чего, не тутошние?

-Да нет. Мы со Псковской губернии, из деревеньки Горбунки приехамши.

-Работу ищем. Вот ноне чуток скалымили.

-Ну и как там, в деревне?

-А нечего... Птицы свищут, овцы блеют... только в Питере лучше. Да и денжат можно подзаработать.

-Деньги-то у нас найдутся, - с готовностью похлопал себя по тощему карману щербатый, тускло звякнула медь.

-Ну, будем, мужики. За встречу и со свиданичком. - Алтуф смачно опрокинул содержимое стакана в глотку и занюхал рукавом. Обжигающая вонь ударилась о желудок, поднялась обратно, пытаясь вырваться наружу вместе со съеденной собачьей колбасой и снова провалилась в желудок. Алтуф перевел дух и сплюнул на пол, стараясь попасть в рыжего таракана.

Разговор завязался. Через полчаса они стали уже закадычными друзьями и скидывались на новый водочный чайник, который решили выпить в гостях у новых знакомцев Алтуфа - щербатый

посулил выставить на заедалово шмат деревенского сала и малосольных помидорчиков да со всей прочей вариацией. Чайник решили умыкнуть – перелить из него водку было не во что.

Глава 3

Десять утра, с колокольной Николаевской церкви раздался мелкий перезвон, возвещающий о начале литургии. После пьяной ночи в ночлежке у новых приятелей голова Алтуфа раскалывалась на мелкие части. Что за приятели и как он попал в свою комнату рабочего барака бумажной мануфактуры Курнакова, Алтуф помнил смутно и отрывисто. Расплывчато помнилось и вчерашнее убийство. Но это ничуть тяготило его, но беспокоило, что нет денег. Ни копейки. Даже на похмелку ничего не осталось.

Перспектива открывалась удручающая – дожидаться долгого вечера, подловить пьяного на Лиговке, или нет... сегодня лучше у Путиловского. А там... Да что загадывать, что там? Может будет пусто, а может подфартит, и разживешься целковым. Да как еще добаться-то? Нет даже на конку, а кондукторы мужики цепкие. Алтуф судорожно вздохнул. Теперь бы этот рубль. Тогда можно смело нырять в полуподвальчик Рытина. Взять чайник водки на три четверти, колбасы собачьей, а лучше пирога лавочного с грибами и луком, да папирос штучных. И хороводиться всю ночь.

Свет керосиновой лампы под абажуром из оберточной бумаги блекло освещает грязные стены в засаленных обоях ярко расцвеченных бурыми пятнами раздавленных клопов. Круглый колченогий стол, накрыт местами прожженной клеенкой и несколько простых, не крашенных табуреток. Окно комнаты плотно занавешено ситцевыми занавесками и, вероятно, форточка никогда не открывалась. Жилье, как камера Крестов – 7 шагов в длину и почти 3 в ширину, насквозь пропахло табаком, мокрой тряпкой и подгоревшей картошкой.

Алтуф тяжело вздохнул и вытряхнул из кармана пальто последнюю папиросу. Но из заходящегося спазмами желудка к горлу подкатил горький комок. Тыльной стороной ладони он вытер щеки и лоб, встал и быстро прошелся, сжимая и разжимая кулаки, стараясь дышать в такт. Не помогло. Он ткнул окурок в блюдо с кукоженным огрызком соленого огурца. Выбежал в узкий коридор барака, прислонился горячим лбом к прохладной стене, пытаясь совладать с приступом тошноты. Темный коридор с единственным оконцем вдали, резко отдавал неохотно просыхающими портянками и прелой махоркой; смесь запахов убийственная по своей природе. На мгновение Алтуфу почудилось, что обшарпанный, с симптомами какой-то отвратительной кожной болезни дощатый пол идет волнами. Даже потолок стал ниже.

Сердце забилося быстро и сильно, кажется, что еще немного и кровь неудержимо хлынет к голове и выжмет мозг. Придерживаясь рукой за стену, Алтуф тяжело опустился на корточки.

-Бог мой, что так-то? - проговорил он вслух, едва ли понимая, смысл своих слов.

Шаркающий шум шагов, что пробивались сквозь гулкие толчки крови в голове, заставил его замереть. Кто-то шел к нему медленно, неуверенно, словно в потемках на ощупь. Внутри похолодело, мощным разрядом тока пронесся по телу страх. Алтуф неуклюже кинулся к двери своей комнаты. Закрыть. Забаррикадировать. Кто! Кто может прийти к нему? Или опять похмельные видения начинаются?.. Но в дверь уже толкнулись, да так, что кривоглазый фанерный шкафчик, что стоит в углу, жалобно застонал.

Глава 4

Дверь рывком распахнулась и, близоруко шурясь, в комнату ввалился прилизанный с бегаящими хитрыми глазками на круглом, холеном лице господин. Вид у него благодушно-озабоченный: как бы со вкусом и ни в чем себе не отказывая убить время.

-Простите великодушно и будьте добры, подскажите, не здесь ли проживает мосье Алтуф?

-Чего надо-то? Вы из полиции? Так паспорт у меня справный.

Несмотря на оформленный по всем правилам вид на жительство, Алтуфу почудилось, что даже продавленный диван под ним испуганно напрягся.

Незнакомец расстегнул пальто, элегантно покроя, снял мягкую фетровую шляпу, оправил галстук и присел к столу:

-Хе! Ну что вы! Я, так сказать, ваш коллега. Ну-у... в некотором роде. Мне вас рекомендовал половой Сенька из живописки Рытина, как весьма порядочного и делового человека. У вас можно побеседовать келейно? Впрочем, что мы сразу о деле. Вероятно стоит немного выпить. Так сказать за знакомство. Как вы? Не против?

В руке незнакомца неизвестно откуда появился полуштоф водки «Афанасий». Алтуф судорожно сглотнул. Страх немного отступил. В предвкушении похмелки приятно заняло под ложечкой, Алтуф облизнул пересохшие губы и неожиданно пискляво чихнул:

-Ну что глаза разинул? Как не выпить с хорошим человеком! Не жмись к плетню, а коль принес, так наливай. У нищих холуев нет.

Алтуф насилу дождался, пока незнакомец наливал водку в щербатую кружку, и вылил в себя ледяное пламя «Афанасия». Сердце зашелестело в ушах, не понимая как ему биться. Но дышать стало легче.

-А тебя-то как кличут?

-А никак. Просто Фрикур.

В беззаботных манерах Фрикура, в уверенном его поведении, есть что-то подкупающее, что-то внушающее доверие.

-Ну тогда, Фрикур, давай еще по одной... чтобы не охрометь. Чего шуришься?

Алтуф икнул, вытащил из услужливо протянутого Фрикуром портсигара дорогую папиросу мануфактуры Мосолова и мокро, слюняво закурил:

-А ты, Фрикур, чего хотел-то? Чего подтек-то?

-Есть у меня одна недурственная мыслишка, дело верное. Внакладе не будешь. Но поговорим спокойно и рассудительно немного позже.

-Позже так позже. Смотри, чтоб без неожиданностей. А дела та у нас... стакан засадить, скатку скатать да штык пристегнуть...

-И то верно!.. Лег - свернулся, встал - встряхнулся! Умный ты человек, Алтуф. Эх, плоть человеческая! Иных уж нет, а тех долечим... Давай еще по одной! По целительной! - Фрикур почти дружески подмигнул.

Выпили.

-Народ-то где? – Спросил Фрикул. - Такое впечатление, что весь барак пустой.

-А-а... Эти с шести утра ушедши. Ишачат... Работники, мать их... Вечером припрутся, пустой картошки нажрут и в койки. Поутру снова на мануфактуру. Так каждый день без роздыху.

Лицо Фрикул озарилось приятнейшей улыбкой, будто он услышал нечто давно жданное и горячо желаемое, он небрежно махнул рукой:

-Быдло оно и есть быдло. Пускай поденщики ломаются за полтинник в день, но мы-то с тобой птицы высокого полета. Верно, Алтуф?

Фрикур оказался при деньгах и не скупился. Он ободряюще кивал, со всем соглашался и производил впечатление больного на всю голову. Алтуф уже прикинул, как зайти сзади и шваркнуть нечаянного гостя по больной голове железный штырем. После распотрошить, а тело выкинуть на задний двор. Судя по всему, денег при нем немало. Может рублей этак пятьдесят или даже «катенька». Дело наклевывалось фартовое.

Алтуф сладенько жмурил глазки, потирал клинышек коротких рыжеватых волос между большими залысинами и уже нетерпеливо видел себя в обществе юной мулатки, что по случаю приглядел в заведении мадам Потапчук. Не девка, а одно слово – шоколадный бутончик.

«Сейчас ты у меня, вспотевший соловей, запоешь, но ни хором и не под гитару» - одно веко Алтуфа прикрылось больше, чем другое и выглядел он зловеще и решительно. Но упрямо не расплескивалась мысль, что может этот финтик и впрямь предложит денежное дело. Хотя, что может предложить этот мохоед? Явно он ничего слаще морковки не видел, даром, что рожа холеная да одет прилично.

Но мысль погреть руки на чужом деле останавливала его. Пожалуй, двор узкий и гулкий, что с двух сторон зажат грязно-серыми стенами доходных домов, погодит. Как погодит и заботливо укутанный холстиной железный штырь, что всегда наготове и сейчас лежит под диваном. Алтуф был убежден, что мир создан для съестного, а вести мирную, растительную жизнь без куража и фарта было выше сил его. Да и мулатка денег стоит. Мадам Потапчук сводническое дело туго знает и меньше чем за «петуха» шоколадный бутончик не уступит, а пять рублей сумма немалая.

Алтуф самодовольно крякнул и закурил папиросу:

-Для кого другого, а для тебя, Фрикур, постараюсь. С ходу видно, что ты человек обстоятельный, не шваль какая-то.

Фрикур блаженно улыбнулся.

-Поверь, - интимно прошептал он, - я этого дела не забуду, благодарность свою чувствую во-о как!

-А что за дело-то?

-Может нам закусочки? – Пропустив вопрос, спросил Фрикур. - К водочке-то? А? Корнишончиков там, колбаски, пирожков с капустой? Ты как? Не против?

-Можно и закусочки. Отчего ж... Давай и того и другого и третьего. Гулять так гулять! Правильно я говорю? С добрыми человеком посидеть - не будет голова болеть.

Откуда-то появилась закуска и даже бледно-персиковая льняная скатерть.

Очертания предметов в комнате постепенно расплывались, пасмурный день на глазах превращался в хмурый вечер.

-Закон понятие относительное. – Пьяно шумел Алтуф. Он пребывал уже в блаженном состоянии, когда время утрачивало всякий смысл. - Это понимаешь, когда выходишь на волю из Владимирского централа.

-Ага, уносительное! –Фрикур засмеялся мелким смешком, заговорщицки подмигивая. - Но это как судьба ляжет, да бог укажет.

-Укажет, жди! Вот ты видишь к чему честная жизнь приводит? Вот ты видишь, как я живу? А каждый день на работу. Каждый день! То есть каждый вечер... Или... ночь. А я ведь не какой-то там халамидник. Я деловой! Да все одно, все впустую. Ничего стоящего так и смог приобрести.

-Знамо дело... Честность и порядочность в наше время не в чести. – Радостно кивал Фрикур и откалывал красный сургуч с очередного полуштофа. - И до чего же ты, Алтуф, умный. И то тебе ведомо, и это... - Он икнул и смущенно прикрыл ладошкой рот. – Мы, Алтуф, теперь не просто друзья, мы теперь сподручники - пойдем вместе, найдем двести, да разделим пополам! Спрыснем наш союз. - Во взгляде Фрикура читалось что-то интимное и отдаленно неприличное, как у полового в ожидании щедрых чаевых.

-Отчего ж не спрыснуть? Наливай!

-Сию минутку-с... Ты давай ку-кушай да и за-апивай! Веселых я очень обожа-аю. – Полупьяно и почти дружески подмигнул Фрикур. – Все в аккурате! Выпьем за твое здоровье!

-Это мо-ожно. За здоровье, это сколько угодно... – Алтуф попытался затянуть какую-то грустную протяжную песню, - «Эх, да карие глазки! Да-а-а не заб-бу-бу-буду...» - но голос осип, и из песни ничего не получилось. – Эх! Развернуться бы по-настоящему! Душа поет! - Он ковырнул в носу, хлопнул и вытер пальцы о штанинину.

-Красиво ты пьешь, Алтуф! Просто загляденье. А голос у тебя... Ох, заслушаешься!

Гулянка удалась на славу. Алтуф был безнадежно пьян. Ноги его, одетые в неопределенного цвета брюки и обутые в порыжелые, вечно не просыхающие штиблеты, бессильно свешивались с продавленного, скрипучего дивана. Слабый свет уличного фонаря с трудом просачивался в комнату. За столом молча сидит почти трезвый Фрикур и, задрав голову, безразлично смотрит в дощатый потолок.

Острые ощущения дорогого стоят и требуют соответствующую разрядку. Но в поединке между алчностью и осторожностью почему-то всегда побеждает алчность. Так что с похмелья пенять приходится только на себя.

Глава 5

Кто на самом деле был щедрый на выпивку и понимание Фрикур и какую роль он сыграл в судьбе Алтуфа, - все это наш читатель узнает в дальнейшем повествовании. А пока с Петропавловки донесся пушечный выстрел, возвещающий полдень. Ветер тащит по мостовой охапки перепрелой листвы. День выдался холодный и пасмурный, но, по крайней мере, не было дождя. К ярко освещенному подъезду дома г-жи Брянской, что на респектабельной Фурштадской, лихо подкатил финн-извозчик, по питерскому – «вейка» и натянул вожжи.

-Тпру-у! Пожалуйт-те, ваши степенства!

Фрикур рассчитался с извозчиком и помог сойти не совсем протрезвевшему Алтуфу.

Казалось из головы Алтуфа вытрясли мозги и набили ее наждачной бумагой. Пока он сидел в пролетке, все было ничего, но стоило шевельнуться, как внутри начинало шуршать.

-Ну как, Алтуф? Смотри, какой шикарный дом и с парадом. Это, брат, тебе не клоповник мануфактурщика Курнакова. Здесь приличные люди живут. И ты отныне будешь здесь жить.

-А что барак-то? Место в нем просторное... между койками.

Рослый худощавый консьерж, с обильно напомаженными волосами и в фуражке с серебряным галуном, с полупоклоном открыл холеной рукой зеркальную дверь парадной, предваряемой ступенькой:

-Пожалуйте-с, господа, квартира ваша готова. Все-с, как вы изволили приказать! - И посторонился, давая дорогу.

-Отлично! Если что будет надобно, позвоним. Ну, заходи, Алтуф, не смущайся!

В вестибюле первого этажа мягкий полумрак, в углу весело и жарко горит камин, откуда-то сверху доносится мужской голос, слащаво поющий модный в этом сезоне романс:

Говорят, это просто подснежник
Что с Крестовского кто-то привез.
Для меня он - прохлада и нежность
Твоих рук, твоих губ, твоих кос...²

По красной дорожке лестницы медленно спускаются, говоря между собой на французском, хорошо одетая молодая дама с мальчиком лет семи:

-Же-ву-при пятиалтынный! Вышла душа и с ходу в рай, только хвостиком вильнула. – Заявил Алтуф, встав посреди вестибюля. Макинтош его небрежно распахнут. Теперь он отмыт, побрит, причесанный, напомаженный, спрыснутый духами. Одет в элегантный смокинг и белый жилет. Черный шелковый галстук защищен стразом. Но взгляд исподлобья. Настороженный. Переступив с ноги на ногу, он стянул с пальцев лайковые перчатки. – Эт как же здесь живут-то?

-Распрекрасно живут. И сюда не входят без приглашения, что очень удобно. Правда, у некоторый жильцов, как говорят легавые, «формуляр не особенно чист». Но что поделать. У кого-то одно призвание... У кого-то их несколько. Но нам-то, верно, что за дело?

-Ишь ты. Да-а... Видать здесь не глушат сивуху и не закусывают собачьей колбасой. Но, верно, здесь бабы ух злые. Ну да черт с ними! Но скока ж квартирного налога стребуют!

-Ха-ха... Ты, Алтуф, малый с юмором. Пойдем к тебе. В гости-то приглашаешь? Али как? Прошу! – Сказал Фрикур, делая широкий театральный жест.

Квартира Алтуфа состояла из небольшой спальни, гостиной, кухни и - особый шик! - новомодного ватерклозета. В углу клозета на приземистом постаменте величественно покоится глубокая, белоснежная ванна. На стене висит большое зеркало в массивной золоченой раме, рядом на крючке махровое кремовое полотенце. Нежно пахнет цветочным мылом.

Мягкая мебель гостиной, обитая малиновым штофом, красиво гармонирует с белоснежной скатертью, которой накрыт стол в центре. У стены, противоположной входу, стоит массивное

² Автор неизвестен.

бюро, а на нем два бронзовых подсвечника - бегущие нимфы, несущие свечные связки, по три свечи у каждой. Между подсвечниками телефон «Белл», отделанный драгоценным палисандром и перламутровым фарфором. Над бюро висит приличная копия знаменитой картины Никола Пуссена «Пастухи Аркадии». Тяжелые суконные портьеры, украшенные малиновыми шнурами с кисточками, на обоих окнах, по бокам бюро, приоткрыты, обнажив тончайшую кисею.

На столе серебряный поднос с оплетенной золотистой соломой бутылкой «Мартеля» и два высоких бокала богемского стекла. Друзья выпили, развалились в бездонных креслах и закурили сигары.

Фрикур, закинув голову, затягивался и отрешенно пускал в потолок толстые кольца дыма. Наконец он прервал молчание:

-Ну, как тебе квартира?

-М-м-м...

-Вот что, Алтуф! – Прервав мычание, сказал Фрикур. - Кто я, что я - тебе до этого нет никакого дела. Но помни, что я худого тебе не желаю. Теперь слушай меня внимательно. В течение недели ты будешь получать каждодневно по двести рублей. Твоя забота тратить их. Но не просто тратить, а тратить со вкусом и, что самое главное, публично. Обедай в дорогих ресторанах из разряда «жаркое и шумное», езди на извозчике и авто, посещай заведения с дамами, прилюдно жалуй щедро на чай. Твоя новая одежда, костюмы, галстуки, трости, перчатки, платки, в общем, все, что понадобится здесь в шкафу. Меняй костюмы каждый день. Пусть все видят тебя богато и чисто одетым, при деньгах, завидуют и ищут дружбы с тобой. Понял?

-Да как не понять-то? Тратить... Это запросто. А что делать-то?

-Всему свое время. Не торопи события. И не беспокойся – ничего трудного от тебя не понадобится. Есть у меня один недруг. Вот с ним тебе и придется потрудиться.

-Это как? Потрудиться...

-Мочкануть. Ты в этом толк знаешь.

-Порешить его что ли? – Туповато спросил Алтуф, зрачки его мгновенно расширились.

-Вот именно.

Алтуф на минуту задумался:

-Так это что ж... За тыщу четыреста целковых пойти на убийство? Не маловато ли?

-Семь дней по двести рублей это действительно одна тысяча четыреста. Но эта неделя публичного кутежа необходима для твоего алиби. Да и нужный нам господин приезжает через неделю. После дела сразу же получишь пятьдесят тысяч рублей наличными. И живи, как хочешь. Хоть здесь, хоть где. Уяснил?

-Ага.

-И?... Молви словечко. Ну, тихо-хонько. Я услышу.

-Я согласен.

-Отлично! Я не ошибся в тебе, Алтуф. Все будет хорошо. Дело верное. – Фрикур положил на стол две сотенные ассигнации. – Вот твой первый гонорар. Ну, а я пошел. Ты отдыхай, осваивайся. В общем, хватит жить в полутрущности, пришла пора становиться господином со средствами. Итак, каждое утро в десять часов утра в течение недели по двести рублей на кутеж.

-А отчего бы тотчас не выдать тыщу четыреста?

-Нет, Алтуф. Нельзя. Враз просадишь в карты или пригласишь толпу потных и алчных девок, а то запросто упоишь всю мелюзгу на Лиговке. И будешь опять сидеть непохмеленный и без гроша в кармане. По две сотне в день вернее будет. Понял?

-Чего не понять-то? Внятно. Да оно и к лучшему, что каждый день две новые катеньки.

-Прощай. И помни, никому ни слова о нашем уговоре. Неделя малый срок, чтобы что-то успеть, но для провала - вполне достаточный, потому брешу всем напропалую что хочешь, но правды никому. А иначе... Ну да ты и сам знаешь, что значит «иначе».

Между пальцами Алтуфа выступил пот, словно на руках надеты не по сезону меховые перчатки. Но после ухода Фрикура он, выпив два полных бокала мартеля, опамятовался, но взгляд

его успел осоловеть. Второй бокал Алтуф, подражая господам гусарам, выпил с локтя и громко, во весь голос, заблажил: «А теперь к бутончикам и актрисам!».

Какая разница, что делать, если за это хорошо, сверх меры хорошо, заплатят? «Пока я выпивши, - мелькнуло в его хмельной голове - смерти нет, а есть одно благоденствие... Значит, водка покрепче смерти будет!». Алтуф изначально был согласен на роль пешки в чужой игре, только бы его взяли в прибыльное дело. Казалось сияние золота в одночасье озарило Алтуфа. Еще вчера он был готов кончить кого угодно за целковый, ныне ему за одно убийство сулят пятьдесят тысяч рублей. Было от чего загордиться.

Он стал совершенно другим человеком. Через два дня его имя стало известным всем в уголовном мире Санкт-Петербурга. Оно стало символом редкостного везения. Имя Алтуфа, прежде разившее запашком презрения, молниеносно стали произносить с почтением и затаенной завистью. Ходили слухи, а сам Алтуф их тщеславно поощрял, что он на шару цапнул кассу какого-то золотопромышленника.

Как это часто бывает, кое-кто из лиц, слегка похожих на людей, уже отмечал и расхваливал утонченный вкус Алтуфа, его умение одеваться, яркий криминальный талант и выдающийся фарт в делах. Кое у кого из них на лбу выступил даже потик от исключительной чувствительности и суетливости. Но правды, откуда у этого зачуханного мокрушника появились большие деньги, никто не знал. Но и то верно - зачем мучить себя бессмысленными вопросами?

«Господину околоточному Литейной части.

Честь имею донести вашему высокоблагородию, что мною выявлен весьма подозрительный господин. По повадкам явно преступного поведения на коем лежит печать запрещенной загадочности.

Квартирует он на Фурштадской в доме г-жи Брянской. Настоящего имени его и звания мне определить не удалось, но отзывается он на Алтуф, что явно его кричка...».

И странное дело – не успел господин околоточный, хмурия густые брови дочитать донесение филера до конца, как ему позвонили из хмурого и жутко серьезного особняка, что у Биржевого моста, и отдали явный приказ – не предпринимать каких-либо действий в отношении господина, квартирующего на Фурштадской в доме г-жи Брянской.

Тень Алтуфа тяжелая и шальная... А за окном потемнело и снова стал накрапывать дождь.

Глава 6

Алтуф самодовольно крикнул, запахнул махровый халат и закурил тоненькую гавайскую сигару. Нынче заканчивается неделя сплошной гульбы. Хочешь, не хочешь, но пора и за работу браться. Отрабатывать полученное и зарабатывать на будущее. Чуть свет позвонил Фрикур и предупредил, чтобы сегодня не пил ни капли и обещался быть в одиннадцать вечера, чтобы изложить детали предстоящего дела. Кого убивать, Алтуфу было совершенно наплевать. Пятьдесят тысяч рублей, это целое состояние, а с такими деньжищами можно любой грех замолить. Но не пить? Однако пересилил себя, вытерпел.

Весь день он обдумывал одну мысль – если Фрикур готов выплатить целое состояние за одно убийство, то может после дела потрясти самого Фрикула? Да и кануть его безвозвратно. Денег-то у него не меряно, отчего ж и не округлить его? А в голове комар тоненько, бисерным жалом напевает: н-нужно то-о-лько выпытать, где он мошну-у свою держи-ит. А что? Фрикур фраер, что примерз задом к мошне, для блатного закваска у него явно не та. Но деньги при себе вряд ли он много носит... А ну, как поймают?.. Надо обдумать и это дело чисто обделать.

От напряжения Алтуф даже нагнулся вперед и, прикусив губу, водил указательным пальцем по переносице. Ноги влипли в ковер. Черт! Пятьдесят тысяч целковых это огромная сумма. Но взять в разы больше! Эх! Загуляю тогда! И к черту мулаток. Жутко пахучие они в постели оказались.

Наконец часы пробили одиннадцать. В дверь позвонили. Алтуф быстро встал и вышел в прихожую. Едва приоткрыв дверь, увидел Фрикура. Тот внимательно окинул взглядом Алтуфа и махнул рукой:

-Выходи! Я тебя жду на улице в пролетке. Только живо!

-Слово мое твердо. Как сказано, так и будет...

-Я сказал – живо!!

На миг воцарилась тишина.

-Я готов... Хоть сейчас.

-Тогда пошли. Нечего сантименты распускать.

Пролетка рысью ехала на Моховую.

-Значит план таков – мы сейчас приедем на тайную квартиру. К двенадцати часам заявится некий господин. Имя его тебе знать не нужно, а как он сам представиться, то это нас не касается. Учти – господин настоящий, не чета тебе ...

-Этот господин и так ныне «представится».

-Ну-ну... Без вывертов! Шутник! Теперь дальше: выпьешь с ним. Вино и закуска уже готовы. Поддержи разговор. Ну, там о кабаках, о девицах... Ты за неделю-то пообтерся, минут на десять разговора хватит. Улучив минутку, чтоб он не видел, выльешь в его бокал вот это, - Фрикур огляделся и сунул маленький пузырек Алтуфу в карман смокинга. - Смотри. Выльешь только после того как он прежде выпьет водки. И чтоб он не видел. Понял?

-Да чего тут не понятного-то? Да может его на прихватку взять? Придушить без затей, да и все? Так вернее...

-Вернее то, что я тебе говорю. Да он здоровый, не чета тебе, и сам тебя придушит, за милую душу и пикнуть не успеешь. Смотри у меня.... Все, выгружайся, приехали. Дальше пешком под арку через проходные дворы. Наш третий двор и сразу направо, рыжая дверь.

В прихожей пахнет кислыми щами, прогорклым пивом и прелой одеждой. В дальнем углу на полу храпит темная фигура с рваными коленками.

Появилась хозяйка - бабища в кожу не вмещается - неся в руке большой и, видимо, тяжелый сверток. Она покачивалась, перепадая с пятки на носок, словно не могла овладеть шаткими, разбегающимися ногами.

-Вот, батюшка, Петр Михалыч, - обратилась она к Фрикуру неожиданно тонким голосом, - кулечек ваш. И проходите, госточки дорогие. – Она открыла дверь в соседнюю комнату, желтую, от приспущенных занавесок и обоев. Пахнуло сырым теплом и хрустящим запахом жаркого.

-Отлично! - Фрикур, приняв от хозяйки сверток, стал выгружать содержимое.

На столе появилось штоф «Смирновской», бутылка «Мадеры», фрукты и закуска в маленьких аккуратных свертках воцаренной бумаги, очевидно из очень дорогого магазина.

Хозяйка даже руками всплеснула:

-Сколько вкусовостей-с! И для чего так тратиться-то?..

-Ладно тебе. Иди. Не твоего ума это дело. Нужна будешь - позовем. Иди-иди... И так уже из комнаты весь воздух вытеснила.

За дверью послышалось глухое бормотанье.

-Ох, ты мое золотко, очнулся! Опять нализался, чертушко! Иду, бегу, - и хозяйка скрылась за дверью.

-Ну вот, Алтуф, оставляю тебя одного. Заберешь у него маленький кожаный чехольчик, а утром передашь его мне. Понял? Именно кожаный чехольчик. Из рук в руки. Его портмоне можешь оставить себе. Сделаешь дело, завернешь труп в покрывало что на диване и отвезешь на Обводный канал. На углу Обводного и Тарасовского проспекта тело сбросишь в воду. Лошадь с телегой уже наготове в соседнем дворе. После отгонишь телегу куда-нибудь и бросишь. Да! И чтоб ночевать нынче дома! Чтоб все чисто было! И помни, труп все равно рано или поздно всплывет, потому он должен быть без следов побоев. Дескать, упал пьяный да и утонул. Все понял?

-Ага. А деньги?

-Деньги завтра утром у тебя на квартире. Лично сам доставлю. Но только дело сделаешь так, как я велел. Тогда и деньги все твои будут. Шутка ли! Пятьдесят тысяч рублей! Прощай, пока.

Глава 7

Примерно через полчаса, как ушел Фрикур, скрип половиц заставил Алтуфа обернуться. У дверей стоял гость, весьма щеголевато одетый - в черную дорогого сукна пару и лакированные ботинки с замшевыми гамашами на пуговках. Лицо розовое, как от первого загара. На вид лет тридцать или немногим больше. Взгляд темно-карих глаз несколько недоуменный. Сделав полупоклон, он тихо сказал:

-Здравствуйте, уважаемый!

-И вам, доброго здоровья! – Ответил Алтуф и про себя подумал: «Таковские, если что, страшат, но не бьют. Но и впрямь здоровый. Надо поаккуратнее с ним».

-Мне сказали, что здесь можно девочку прикупить?

-Да-да... Да вы присаживайтесь! Сейчас хозяйка придет. Она... м-м-м... немного отлучилась. Дело у нее, знаете ли, хлопотливое. Клиенты, да и девицы капризничают непрестанно. Не желаете ли пока немного вина со мной выпить?

-Отчего не выпить? С удовольствием выпью с вами. Вы, видать, человек приличный.

Гость сел напротив.

-Позвольте представиться – Мефодий.

-А я Алт... Можно попросту – Панкратов. – Алтуф почтительно привстал.

-Вот и славненько, господин Панкратов. Что желаете мне налить? Я бы, с вашего позволения, не отказался бы от водочки. Вы как? Составите мне компанию?

-Да-да. Разумеется. Водка «Смирновская» отменного качества. Рекомендую. Вот тут в кулечках закусочка. Прошу вас, угощайтесь, не стесняйтесь. – Сказав это, Алтуф мысленно удивился своей друг появившейся учтивости. Неделя в более-менее приличном обществе давала о себе знать. Но чувствовал он себя не совсем уверенно, как мышь на кошечьей свадьбе, и потому важно покашливал.

Они выпили по стаканчику водки.

Алтуф не теряя времени, стал усиленно угощать Мефодия.

-Вот извольте отведать севрюжьей икорки. Икорка со льдом, только что от господина Елисеева. Вчера еще плавала... Ха-ха... С лимончиком, да под водочку, очень любезно будет. Вы только попробуйте. А? Ну, как? Что я говорил? Некоторые пить не умеют. Глушат «Смирновскую» ржавой селедкой. Но это, знаете ли, пассаж. Нельзя бочковой селедкой заедать столь благородный напиток, как «Смирновская». Ведь правда же? Нельзя-с.

-Благодарствую. Совершенно с вами согласен. Но что хозяйка? Чего же она не приходит, время уже не раннее, а я с ней загодя столкнулся... Уж больно мне эта рыженькая приглянулась...

Фразу его подхватила хозяйка за дверью:

-А сейчас, голубчик, сейчас! Мамзель Нюрка! Скоро ли, голубушка? Дорогой гость тебя ждет! Хватит марафет наводить, да веснушки замазывать. Сейчас будет во всем параде! Останетесь довольны! Девка в самом соку! Ох, и завидую же я вам!

-Эх, господин Мефодий, - заговорил Алтуф, обсасывая ломтик лимона, - сижу вот я теперь и думаю, ежели бы мне да при моем характере ладную девку! Враз женился бы! Ей-ей... Не задумывался бы. И пусть она даже из подлого сословия. Мне, при моих капиталах, все едино.

-Да. Я вас понимаю. Хорошую барышню нынче еще и поискать надобно. Но в Питере с невестами всегда сложно было. Очень много дряни всякой приезжает. Вы не находите?

-Безусловно! Обязан согласиться с вами. Но что делать – столица империи. Вот и летит сюда всякая нечисть в надежде получить все за так. Выпьемте, господин Мефодий! Не желаете ли мaderцы откусать?

Выпили мaderы. Мефодий поперхнулся и закашлялся:

-Ух, какая крепкая...

-Это кто-то спешит, - ласково улыбнулся Алтуф, хлопая его по спине.

Отдышавшись, Мефодий, уже немного осоловев от выпитого, встал и подошел к двери:

Хозяйка, - крикнул он, - как я вас понимать должен. Мадмуазель Анна готова ли? Скоро ли будет?

Пользуясь тем, что Мефодий стоит к нему спиной, Алтуф быстро вылил содержимое пузырька в его стаканчик. «Получай, милок, медикамент», мелькнуло в голове.

-А ваш стакан, что же стоит? Вы отчего не выпили?

-Как? Разве я пропустил?

-Ну вот же он. Прошу вас.

Мефодий махнул рукой на дверь, подошел к столу и махом выпил:

-Ух... Пора, верно, и честь знать. Вот покурю с вами и, если Анна не выйдет, поеду себе.

Спустя минуту Мефодий с глухим стуком повалился на пол. И по мере того, как лицо его блекло, дыхание становилось все реже и реже, с Алтуфа сходил налет учтивости. Он глубоко вздохнул, как актер, хорошо исполнивший роль, и, убедившись что собутыльник готов, резко встал. Из рта Мефодия несносно пахнет горьким миндалем. Брезгливо зажимая нос, Алтуф тщательно обыскал тело и забрал маленькую с пол-ладони кожаную чехольчик и портмоне, больше ничего в карманах не было.

Кряхтя и сдавленно бранясь, он поднял вялое тело и, завернув в покрывало, вынес во двор. Телега с лошастью под попоной стояла на месте.

Город спал. Алтуфу удалось благополучно миновать ярко освещенный Невский, встретив только пару полусонных городских, припозднившуюся конку, да несколько парочек. Но и маршрут он выбрал осторожный – с Моховой он проехал мимо Цирка, после до Забалканского и дальше уже по нему до улицы 7-й роты. Свернул и первая же улица налево, и есть Тарасовский проспект.

Недавно подкованная лошадь весело зазвенела копытами по гладко вымощенную проспекту и когда телега поравнялась с рядами дровяных штабелей, Алтуф остановился. Тишина. Пахнет отсыревшими листьями и древесиной. Место здесь действительно самое подходящее... И фонарей нет. Молодец Фрикур, хорошее местечко присмотрел.

Он вытащил страшный куль, тяжело взвалил его на плечо, поднатужился и перевалил через холодные липкие перила:

-Пожалте, ваш-сок-родь! Отправляйтесь с предписанием наловить окуньков!

Послышался всплеск воды. Темные, бесстрастные волны Обводного приняли жертву и тихо сомкнулись. Немного постояв, он сплюнул и ушел.

Алтуф быстро шел по Измайловскому в сторону Вознесенского с присогнутыми в локтях руками, ладони напряженными пригоршнями вниз, словно ожидал нападения. Губы его дрожали, но улыбались и огоньки хмельные плясали в глазах.

Все прошло гладко, без малейших осложнений. Жизнь восходила чудесно, умопомрачительно, обещала радость, славу, богатство. Только надо собраться с мыслями и решить, как быстрее вызнать, где хранит деньги Фрикур. И кулаки Алтуфа сами собой набухли железом, но в груди медленно растекся холодок страха.

По пути заскочил в ночной кабак и с большим удовольствием выпил осьмушку водки, закусив копченой балтийской килькой. Вышел на улицу, на первом же перекрестке свернул направо и испуганно отпрянул, чуть не налетев на караульную будку, в которой сонно посапывал нахохлившийся в своей шинели стражник. На будке облезлой красной краской значилось – «№ 8».

Стражи порядка даже дремлют бдительно. Мгновенно пробудившись от звука шагов, караульный открыл глаза и хмурой скороговоркой прорычал:

-А ну-ка, ну-ка, идите сюда! Ты куда это ни свет ни заря несешься?

-Будьте любезны, вашбродие, не могли бы вы указать мне дорогу на Семенцы? – Алтуф запнулся. А ну как стражник смекнет, что он и идет из этого разбойничьего места, забитого казармами лейб-гвардии Семеновского полка.

Услышав о семенцах, стражник брезгливо скривился:

-А-а... Шваль безпорочная! Путешественник! Приключений захотелось? Семенцы ему вишь... Сам найдешь. – И стражник поплотней закутался в шинель. – Ходють тут... - Снова послышался протяжный храп.

Глава 8

Утро 21 ноября выдалось поздним, медленным и донельзя поганым. Налетающий с Невы ветер отдавал тиной и сыростью. После жаркого лета и особенно июньской засухи осень выдалась затяжная и дождливая.

Ударил колокол на Преображенском всей гвардии соборе, возвещающий о начале православного праздника Введение во храм Пресвятой Богородицы. Протяжный голос его, испуганно и совсем не празднично сжавшись в комок, пролетел над оградой из трофейных турецких пушек и грустно понесся над крышами, обнаженными кронами деревьев и сгинул в глубинах петербургских дворов-колодцев и забранных в чугун арок. И снова тишина, только ветер, как наждак, трет гранит надменных колоннад. На углу Бассейной и Надежденской отрешенно вздыхает и кряхтит старый сквер.

По Неве, отчаянно дымя, плывет маленький, но стойкий на волне портовый буксир. У него красивое гордое имя - «Светозар». Стук парового двигателя многократно отражается от гранита набережной звонким, но монотонным эхом. Пошел мелкий дождь, и Нева словно ожила, покрылась пузырями. Деревья вытянули обнаженные ветви, выпрямились.

В Санкт-Петербургском Сыском управлении затеяли красить полы. Впрочем, это не мешало бы давно сделать. Но кто мог предположить, что директору департамента сыскальной полиции приспичит начать ремонт именно сейчас, в конце ноября, когда на улицах промозгло и холодно и нельзя даже приоткрыть окна, чтобы проветрить, избавиться от вони высыхающей грязно-красной краски, да и промокший питерский воздух отказывался впитывать чуждые испарения.

В кабинете сысканого пристава, действительного статского советника Савелия Платоновича Луканова ничего не изменилось. Только в углу у окна поставили письменный стол для Сугробина, да по распоряжению обер-полицеймейстера над столом Луканова повесили огромный, в полный рост, портрет государя императора с серебристой бородкой, ручками пухлыми, мягкими, с обручальным колечком и в простом мундире гвардейского полковника Преображенского полка.

Смотрел Николай Александрович со стены столь строго и мудро, что мужики, изредка попадавшие к Савелию Платоновичу на допрос или свидетельство по предварительному дознанию плоско и невпопад крестились, чесали лохматые, тяжелые от забот головы. Господа же только косились или вообще не обращали внимания на императора. Они, обычно, нетерпеливо поглядывали на карманные часы и сверяли их с кабинетными.

Третий день подряд выдался праздным и Луканов, сидя под августейшим портретом, лениво, без азарта играл в шашки со своим помощником Алексеем Сугробиним.

В два часа пришел Гудович и принес утренние газеты.

-Что желаете нам сообщить? Хорошие новости? – Осведомился Алексей и небрежно откинулся на спинку гнутого венского стула, – Неужто в газетах что-то стоящее опубликовано?

-Да нет. Все как обычно. Ерундень всякая, аж скулы сводит. – Гудович сел на диван. - Пьяная поножовщина на Охте у Пороховой мануфактуры, ограбление ссудной кассы на Зверинской... Ну и заграничные новости – небольшие стычки англичан с бурами под руководством Крюгера в Трансваале... принятие новых законов в германском рейхстаге... британские суфражистки сожгли кислотой несколько площадок для гольфа... продолжаются беспорядки в Китае... Скукота!

-Приличные люди нежатся сейчас на курортах, - проворчал Сугробин, - а мы, как топотуны, должны гоняться за всякой шушерой. «Пьяная поножовщина на Охте»! Да с этим и околоточный разберется. А тут еще полы выкрасили. Ну что это за цвет?! Цвет вороньей крови!

Чушь какая-то! Был дивный буковый паркет, покрытый хоть и потертым, но лаком, теперь бог знает что! Ну, Савелий Платонович, съешь меня.

Луканов хмыкнул, съел шашку, прищурился и взглянул на Алексея:

-Ну-ну. Курорты... Господа потягивают шерри, барышни мятный сироп, а детишки уплетают за обе щеки ванильный пломбир «Шантре».

-А вот.... Хм! Весьма пикантно, господа! – И Гудович с выражением прочел: «16 ноября уже под вечер господин Веденяпин в сопровождении своей жены отправился за покупками пополнить запас провизии. Г-жа Веденяпина, сославшись на мигрень, осталась в экипаже, а когда ее муж минут через двадцать вышел из лавки, ни жены, ни экипажа на месте не оказалось. Он добрался до дома, но супруги не было и там. Наутро г-н Веденяпин заявил об ее исчезновении в полицию. Минуту спустя, и тревога г-на Веденяпина сменилась страхом за жизнь дражайшей супруги.

Как выяснилось, пока г-жа Веденяпина ожидала мужа, мимо проходил двадцатилетний подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка Николай Канамоу.

Подпоручик флигельно раскланялся с г-жой Веденяпиной, они познакомились и разговорились. Милая беседа завершилась тем, что Николай Канамоу сел в экипаж и повез г-жу Веденяпину в меблированные комнаты г-жи Забродиной, что на 3-й Рождественской. Там г-жа Веденяпина и подпоручик предались любовным утехам. Спустя трое суток, когда они попытались покинуть свое пристанище, не уплатив по счету, портю вызвал полицию. Тут и выяснилось, что г-жу Веденяпину разыскивает муж. Он оказался совершенно не готов принять открывшуюся ему унижительную истину и пристав 6-го участка был вынужден вызвать доктора. Предерзкий поступок подпоручика Канамова - попытки оставить номера не оплатив по счету - осужден офицерским собранием».

-Боже! Куда катится мир? – Поморщился Луканов и отодвинул доску. – Все, Алексей, хватит! Надоело бестолково передвигать шашки, пора бы и делом заняться.

-А вот еще... - Гудович уселся поудобнее. - «Как известно Петербургская полиция обнаружила на квартире Ковыряхина, известного в криминальном мире под прозвищем Алтуф, список лиц, наметавшихся к ограблению. Сам Ковыряхин-Алтуф был убит неизвестными 14 ноября. Вызываемые в полицию в качестве свидетелей означенные в списке лица дают весьма сбивчивые и противоречивые показания. Редакция не располагает этим таинственным списком, но обязуется уведомлять обо всех обстоятельствах этого необычного дела своих читателей».

-Петербургская полиция? Список? – Удивился Савелий Платонович. – Странно, рапорты читаю регулярно. Каждое утро. Но об этом деле узнаю из газеты. Алтуф? Никогда не слышал о нем. Хотя постойте... Это не тот ли Алтуф, что выше ограблений пьянчуг никогда не поднимался?

Сугробин кивнул:

-Тот самый, Савелий Платонович. Клички в уголовном мире дают не абы как. У закоренелых преступников они не повторяются.

-Дела-а. Клошар Алтуф, оказывается, стал уже знаменитым и даже убитым. Тоже мне, искатель приключений. Антилоп-прыгун. Дай бог не завшиветь. Допрыгался, значит. Что ж, такие живут не долго и уходят легко. Но отчего, собственно, так уверенно – убит неизвестными? Кто знает достоверно, что злодеев было несколько? Может Алтуфа кончил кто-то из дружков?

-Но это же газета. – Виновато пожал плечами Гудович. – Газеты ведь о многом умалчивают и чаще врут в надежде привлечь читателей и раздуть свой тираж.

-Безусловно. Но, тем не менее, мы то с вами сидим и ничего не знаем, а полиция уже неделю вызывает по списку и всю допрашивает каких-то свидетелей.

-Но может это другой департамент, Савелий Платонович? Чтоб без надобности вас не беспокоить. – Промямлил Гудович.

-Ага! Другой. Надо полагать ведомство картонного сыщика Силина... - Сугробин презрительно скривил губы. - Тайные кукловоды что ходят в синих штанах, с мягкими лапками и ласковыми глазками верно уже упарились на допросах, вытирая платочками слезы свидетелей, а мы баклуши бьем и в шашки дуемся.

-Твой намек на официальный герб Третьего Отделения Собственной Его Величества Канцелярии весьма прозрачный. Думать об этом можно, но вот говорить вслух не рекомендуется.

-Отчего? Ведь платок символизирует, по замыслу почетного члена Петербургской академии наук и Государя Императора Николая Павловича осушение слез «вдов и сирот». Затея весьма благородная.

-Знаешь в чем различие между молодым и старым жеребцом? – Спросил Алексея Луканов.

-Ну... В этом... Должно быть...

-Нет. Не в этом... В возрасте. Так что остынь. Тебе охранки в сентябре мало было? Забыл, как мы убийство Радецкого расследовали? Параллельным сыском с господином Силиным. Напоминаю, что поминать всуе охранное отделение запрещено инструкциями. Но все равно, как мы это дело прошляпили?

-Что, снова шляпы? – Оживился Гудович.

Временно причисленный в Следственное управление в помощь по раскрытию «шляпного» убийства в Александринском императорском театре адвоката Радецкого Гудович так и остался в управлении. Видимо начальство попросту забыло о нем, как это нередко бывает. Кто откажется от повышения, когда оно само сваливается как снег на голову? И Константин Георгиевич очень дорожил своим новым местом службы. Особенно ему льстило, что теперь он работает под началом самого Луканова. Это был лучший шаг в его карьере, и Гудович очень боялся, что о нем вдруг вспомнят и отправят на прежнюю должность - околоточным надзирателем первого разряда Александро-Невской части.

Но оживление Гудовича быстро сменилось озабоченностью:

-Слишком много думаю о деле Радецкого и не могу забыть. Но помилуйте! Да как же такое может быть? Газеты пишут, а мы ничего не знаем. Савелий Платонович, прикажите доставить «Книгу регистраций» из бюро?

-Пожалуй. Нам, верно, стоит взглянуть на список уже допрошенных свидетелей. Да и полюбопытствовать, кто именно ведет это дело.

-Ясно кто, - снисходительно усмехнулся Алексей, - большой, отважный с усами набекрень.

Савелий Платонович долго молча листал пухлую «Книгу регистраций», которую в управлении между собой называли «мемориалом». Его пальцы медленно переворачивали плотные страницы, словно чувственно лаская каждую из них. Наконец, не в силах скрыть вдруг появившуюся хриплость голоса, спросил:

-В регистрационном бюро на словах ничего не велели передать?

-Никак нет, Савелий Платонович!

-А когда шел мимоходом не просмотрел мемориал?

-Что вы, ваше превосходительство, как можно. Да разве...

-Оставь, Константин Георгиевич. – Луканов отложил мемориал. – Странно. Очень странно. Господа, я приглашаю вас в «Плазу» отобедать вместе со мной. Прошу без церемоний и пока без каких-либо вопросов. Это относится в первую очередь к тебе, Алексей.

Сугробин смешался:

-Постараюсь. Но, Савелий Платонович, «Плаза» в Приютино. Это не слишком далеко? – Алексей поправил очки и перевел взгляд на Гудовича. – Это же за Питером.

Луканов обвел присутствующих морозным взглядом:

-Ничего, чем дальше от Питера, тем нам же будет лучше. – Он встал и мягко добавил. – Возьмем извозчика с крытым верхом и по Рябовскому шоссе с ветерком.

В «Книге регистраций» Санкт-Петербургского следственного управления по непонятным причинам не было записей ни об убийстве Ковыряхина-Алтуфа, ни о вызовах свидетелей по этому делу. Никакого упоминания - ни прямого, ни косвенного. Даже раздел сообщений чрезвычайной важности, предназначенный для «охранного» отделения, за последние две недели был совершенно чист.

Глава 9

В обрамлении игристой бронзы, в отблесках панелей красного дерева «Плаза» белеет круглыми столиками под матовыми плафонами в стиле модерн. Пахнет свежими розами. Публика как обычно – строительные подрядчики, купцы первой гильдии, золотопромышленники и просто миллионеры, в большинстве случаев хорошо осведомленных о том, что несет за собой та или другая статья уголовного уложения. Но по традиции все ведут себя в ресторации чинно, дабы не привлекать внимания полиции и мазуриков.

Некто, по виду процветающий биржевой посредник, говорит тост: - за женщин, за искусство. Пластрон его фрачной сорочки от усердия выгибается. Дамы благосклонно внимают, смотрят туманно, улыбаются тайно, жемчуг на шеях матово дымится, а египетские папиросы «Клеопатра» медленно обрастают пушистым пеплом. Шампанское цветет золотыми цепочками и истекает соком упругие ананасы.

Под пальмами в обширных бархатных креслах пьют черный кофе, курят гаванские сигары и с ленцой говорят о скетинге, о верховой езде в стиле конкур-иппик, да о заезде мистере Круксе, дающего за плату показательные бои модного бокса.

Сыщики во главе с Лукановым прошли через зал к угловому столику за эстрадой. Где-то хрустально звякнула рюмка. Кто-то из присутствующих, увидев следственного пристава в сопровождении, встревожено встрепенулся. Последовали многозначительные переглядывания. Бритоголовый, с одутловатым лицом и одышкой, метрдотель, по должности ответственный «за общее впечатление», медно вспыхнул и бросился в дверь за буфетной стойкой докладывать, что пришла полиция. Знали, что Луканов не алтынничает и потому мзду не берет, а просто так, без дела, по ресторациям не ходит. Но связываться с Сыскным управлением никто не желал. Однако вся троица спокойно уселась за столик и, как здесь было принято говорить – «не лезла в густую» и публика понемногу успокоились. Только вышедший метрдотель что-то нашептывал официантам, а те в свою очередь давали указания половым.

-Константин Георгиевич, когда мы проходили мимо во-о-он того господина. Да, господи, не нужно так пристально зал разглядывать! Людей перепугаете! Ну, вот же он... Бороденка у него сквозная и легкая, волосы под горшок, но костюм английского сукна. Так вот, ты не замети, что было у него в тарелке?

-Нет, Савелий Платонович. Не обратил внимание. А что? Суп с ветчиной?

-Гм... А ты, Алексей?

-Пюре. Сей господин ест пюре.

-Молодей, Алексей. А тебе, Константин Георгиевич, необходимо больше внимательности.

-Ну так и что, что пюре? Мало ли кто его ест.

Алексей хитро улыбнулся:

-Это первый признак того, что этот господин провел немало лет на каторге. Слово «каторга», если перевести с греческого, означает «галера», потому как наказание сие введено Петром Великим, который использовал преступников на постройке судов. Так что пусть паспорт этого господина чист, как взгляд младенца, но привычка шамкать картофель в виде пюре сохраниться надолго. А в нашей службе, чужие привычки, могут весьма пригодиться.

-Замашки рвани, это пожизненно и обязательно проявляются в мелочах. Учись наблюдательности, Константин Георгиевич.

Луканов достал из коробки сигару, не торопясь обрезал кончик и закурил.

Подали селянку по-извозчичьи, бефстроганов с картофельной соломкой и индейку на широченном подносе; лежала она коричневая, уверенная, в бумажных манжетках. Следом в серебряном ведерке с разноцветным льдом появилась бутылка «Брют», от сухого шампанского Луканов решительно отказался: - После вашего «брют» лимон за сладкий персик сойдет. – Но пить водку он тоже не стал.

-Кстати, уважаемый Константин Георгиевич, ты обратил внимание, что здесь, в общем-то, нет ни одной красивой дамы?

Боясь снова дать маху Гудович на всякий случай сказал:

-М-м-м-да... Я с вами, Савелий Платонович, полностью согласен. Подбор дам отвратительный.

-Не спешి выносить столь жестокий приговор. Присутствующие здесь в сопровождении кавалеров дамы обязательно умны. Увы, природа несправедлива и дает, за редким исключением, либо красоту, либо ум. Но эта ресторация безумно дорогая. Сюда не пригласят девицу, с которой желают скоротать какое-то время. Пусть даже год или чуть больше. Нет смысла так тратить на нее. Сюда приглашают дам совсем по другим причинам. Эти дамы создают и рушат карьеры. Всегда возле могущественного человека есть женщина, к голосу которой он прислушивается, даже если он и утверждает, что игнорирует ее мнение. Это и есть близкие подруги. Проверенные и верные. На такую женщину не жалко потратится. А красотки... Они сходят с дистанции еще на этапе «Аквариума», что на Каменноостровском. Но «Аквариум», заметьте, и есть предел их мечтаний. Выше им не подняться. Им не хватит времени, чтобы только на своей молодости взлететь до столь высокого уровня, как «Плаза». Увы, юность очень быстро проходит.

-А как же те барышни, что сидят в противоположном углу? – Спросил Алексей. – Я не решился бы назвать их дурнушками. Среди них есть весьма миловидные.

-Эти дамочки, обычно выдающие себя за смолянок или, поскромнее, бестужевки, всеми фибрами души желают выйти замуж за солидный счет в банке или звучный, старинный титул. Это исключение – они на матримониальной охоте, их никто не приглашал, и сидят они за свой счет. Кое с кем из них мы, возможно, еще встретимся. Жизнь иногда делает такие выверты, что милое создание звереет в замужестве и травит суженного, но так, чтобы банковский счет или титул остался ей в качестве вдовьевого утешения. Однако некоторые из них, в ожидании благоверного, утонут в своих узких рюмках с зеленым ликером или сами попадут в переplet.

Алексей и Гудович пригубили шампанского.

-Как это мерзко! Как низко!

-Отчего ж, Константин Георгиевич? Люди любят друг друга, если у них есть для этого хоть малейшее основание. Ну а любовные союзы, заключенные на небесах, ничуть не крепче тех, что скрепляются у нотариуса.

-Ну да, - усмехнулся Сугробин, - и вообще в жизни существуют всего лишь две трагедии. Одна - это не получить того, кого выбрало сердце. Другая - это получить его.

-Оставь, Алексей! Не юродствуй. Да и супружеская верность не должна быть слепой. Все же зачастую в основе адюльтера лежит не столько неудачный выбор, сколько заурядная привередливость. Но и здесь, по моему мнению, не все так лучезарно и жилищный кризис рано или поздно, уничтожит адюльтер. Любовники смогут встречаться только в гостинице или в мебелирашке, но там не так уютно, как в собственном салоне. А романтическая связь без комфорта быстро умирает. – Луканов усмехнулся. - Возвышенной любви не до бытовых неурядиц. Помимо того, следует учитывать еще один пустячный нюанс

-Какой еще нюанс? – Скривился Сугробин.

-Может ли женщина с тяжелой продуктовой корзиной в руках чувствовать себя светской дамой? В конце-то концов, нельзя же быть прекрасной и бегать как мышь!

-А вы, Савелий Платонович, философ. – Сказал Гудович, смущенно прикрыв рот салфеткой.

-Ну что ты. – Луканов отпил шипящей сельтерской. - Какая к черту здесь философия. Это жизнь! Глупо надеется на природу, а в семнадцать лет все свежи и пригожи. Но некоторые уже в двадцать на обочине, а умная дама и в пятьдесят в фаворе. Глупо не признавать ничего за женщиной, кроме внешности, да и мы, господа, с годами начинаем понимать, что самое вкусное яблоко обязательно с пятнышком. А вот масло в этом заведении изумительное, новгородское - без всякого перехода сказал Луканов, - отдайте, господа! А о дамах на сегодня хватит. Ведь никакой куртуазности... И то скатимся до пошлости.

-А пошлость, привилегия богемы, - процедил Сугробин. – И верно, хватит о брачных пираньях.

Савелий Платонович весь вечер небрежно ковыряя вилкой стерлядь паровую с грибами печерицами или, как теперь говорят по новомодному – шампиньонами, но съел он стерлядь полностью. Странное возбуждение, связанное с известием об убийстве Алтуфа и неким таинственным списком, обнаруженным во время обыска у него дома, начисто лишил Луканова аппетита. Пригласив Сугробина и Гудовича в ресторан, он много курил, пил сельтерскую и пребывал в глубокой задумчивости.

Скрипка выливалась мучительно и протяжно. Гнусаво пел что-то тягучее и бесконечное радостно-похотливый румын в алой рубашке, плисовой черной безрукавке с узким пояском и широченных оранжевых шароварах запущенных в голенища мягких сапог на высоких каблуках. Волосы в бриллиантине, на прямой пробор.

За окном слякучая сырость, но в «Плазе» чисто, уютно и некая мечтательность. Но все же безукоризненность и многословность интерьера навеивает тоску и мечтания на народные темы: сарафаны, рубахи, паневы...

Прощаясь с Сугробиним и Гудовичем, Луканов как-то невпопад сказал:

-Смерть времени не выбирает, но убийство Алтуфа должно непременно нас заинтересовать. Поверьте старой ищейке, это не заурядное преступление. За ним стоит нечто серьезное. Но нам совсем не нужна реклама. Если наше расследование попадет в газеты, особенно если о нем пронюхает наш знакомец Шнейфер-Экзекутор, пиши пропало.

-Но отчего такая секретность, Савелий Платонович? – Спросил Сугробин. – Пусть себе рептилия по имени Шнейфер кропает. Нам то что?

-Список. Вот что меня настораживает. Список, по которому вовсю тягают свидетелей. Свидетелей чего? Вот то-то и оно... Очень странно. Очень.

Глава 10

Приехав домой, Луканов тихо прошел в гостиную, послышалось, как во сне недовольно заворчал смотритель квартиры и прислуга «за все» Митька. Он спал, кое-как устроившись в ожидании пристава, на диване в гостиной. Савелий Платонович не стал его будить.

Тусклая промокшая ночь, янтарная груша настольной лампы дымным пятном отсвечивает в сизой сырости оконного стекла. В гостиной прохладно, Митька опять поленился и не протопил.

Плеснув в стакан немного вина, Луканов уселся, чтобы спокойно обдумать и привести в порядок мысли, но ничего дельно в голову не приходило.

По делу Алтуфа фактов практически нет, и он пока даже и не пытался их обобщать. Савелий Платонович знал, что если построить преждевременную версию, то это может направить расследование по ложному пути. Было очевидно, что в этом убийстве понятие «алиби» практически не играет сколько-нибудь заметной роли. Но опыт подсказывал, что преступник просто не может не наделать ошибок. Необходимо только хорошенько поискать и всегда найдет зацепка, а там глядишь, весь клубок разматается.

Мысли исподволь расплылись и от Алтуфа перетекли к абстрациям. «Странно подумал вдруг Луканов, глядя в окно на дождь, - беллетристы наперебой, как сговорились, начинают свои романы фразой – «Наступила дружная весна», но вот про осень так не уже не пишут. Осень в их понимании уже недружная. Не может дружно наступить. Но ведь и весна не может. Нельзя же дружить с самим собой». Одинокие ночные мысли... Он курил, глубоко затягиваясь.

Забрезжил рассвет. Столица империи неспешно пробуждалась. Из бесчисленного множества труб, расчерчивая бурыми прожилками светлеющее насупленное небо, поднимался ленивые дымки; широкие, прямые улицы наполнялись эхом от звука шагов, топота копыт и скрипа рессор. Мир дождей и туманов, надменных дворцов и таинственных дворов-колодцев доходных домов и мебелишек

Потом Санкт-Петербург решительно смахнул с себя сон и во всю мочь загрохотал колесами экипажей, зазвенел копытами лошадей, закричал голосами возниц и кучеров, затопал каблуками и зашаркал подошвами...

В половине десятого, как всегда, по Кронверку в черной лакированной карете проехал долговязый и усатый великий князь Николай Николаевич, дядя царя и генеральный инспектор кавалерии. Часовые у дворца сделали «на караул» и окаменели. Послышался треск барабанов и глухой топот множества ног...

Луканов задремал, длинно вытянув ноги в удобном кресле под шерстяным пледом. Разбудил его в десять утра проход прокурора Зенона.

-Прошу простить за беспокойство, Савелий Платонович.

-Доброе утро, Андрей Устинович! Проходите, прошу вас. – Луканов жестом предложил располагаться.

Зенон, сев на краешек кресла, аккуратно пристроил шляпу и зонтик рядом с собой и твердо уперся ладонями в широко расставленные колени. Несмотря на пристрастие к одежде мрачных тонов, он производил впечатление сердечного и добродушного человека, достигшего конца своего карьерного пути. Светлые глаза его смотрели внимательно и пытливо.

-Кофе?

-С удовольствием, Савелий Платонович.

-Митька!

Митька торжественно, но по обыкновению сердито сопя, водрузил перед каждым по тарелке анемичных блинчиков и поставил кофейник. Попугай из вестиб-люя, выселенный туда за грубость, по дурной привычке выкрикнул что-то ругательное.

Прокурор обвел гостиную благожелательным взглядом и ласково пригладил локотник кресла:

-А у вас, Савелий Платонович, ничего не изменилось. Позвольте... Я был у вас в сентябре. Верно? М-да-а, уютно, но, тем не менее, весьма практично!

-Вы что-то сказали, Андрей Устинович? – Рассеяно спросил Луканов.

-Да нет. Так. Пустяки. С тех пор как я в последний раз сидел в этом самом кресле, произошло столько событий.

-Конечно, - закивал Луканов, потягивая кофе. – Легкий завтрак, приправленный дружеской беседой и невысыхающими слезами воспоминаний. Но, надеюсь, что вы пришли не ради ностальгических ретроспекций. А, господин прокурор?

-Вы, безусловно, правы, Савелий Платонович. Но сейчас, когда мы посидиваем здесь в тепле и уюте, так отрадно и утешительно думать о чем-то приятном.

-Оставьте, Андрей Устинович! К чему долгие вступления?

-Вы, по-видимому, в курсе, что в конце сентября государь император встречался в Компьене с неким Филиппом Ансельм-Вашо и пригласил его в Россию. Так вот этот целитель, медиум и предсказатель прибыл с ответным визитом и ныне проживает в Царском селе. У нашего государя новое увлечение.

В связи с этим вынужден сообщить вам, что с сегодняшнего дня ваши филеры Николай и Степаныч переведены в распоряжение дворцового коменданта Гессе для охраны Царского Села. Временно, разумеется. Вы же знаете, что после убийства в феврале министра просвещения, а в сентябре американского президента Мак-Кинли, охрана Зимнего и Царскосельского дворцов усилена по приказу министра Сипягина, а людей, как всегда, не хватает.

-Ну что ж – временно так временно. В нашей империи по обыкновению делается все временно, но зато на века. Но, полагаю, что ваш визит связан со вчерашним просмотром мною «мемориала» и отсутствием в нем записи убийства Ковыряхина-Алтуфа. Я угадал?

Зенон поднял вверх указательный палец:

-Вот! Вы, как всегда, на высоте. Я действительно пришел по этому делу.

-То, что я равен немногим и ни одним не превзойден, я уже знаю. Наслышан. Ох, уж эта комплиментарность! Скажите-ка лучше, вы знали Алтуфа?

-Лично с ним мне встречаться не приходилось, хотя лет пять назад я знакомился с его делом. Но тогда Алтуфа оправдали за не доказанностью, но оставили в подозрении.

-Его что, защищал сам Плевако?

-Нет. Всего только Радецкий. А кстати знаете как Плевако буквально на днях за одну минуту, добился полного оправдания своего клиента?

-Как же?

-Подсудимым был поп, растративший церковную казну. «Господа присяжные» - обратился к ним Плевако, - «этот человек всю жизнь отпускал нам наши грехи. Отпустим же и мы его единственный грех».

-Да уж... С логикой у господина Плевако, как всегда, все в порядке.

-Вы же знаете не хуже меня, Савелий Платонович, присяжные непредсказуемы, как правило это обычные кухонные склочники. Закон же толкует малейшее сомнение в пользу обвиняемого, а жертвы убийц, по понятным причинам, не дают показаний. Кстати, Алтуфа тогда, как я уже упомянул, защищал Радецкий. Присяжные выслушали этого адвоката-дьявола, растрогались и вынесли оправдательное заключение. Апелляция прокуратуры в кассационный департамент удовлетворения не получила.

-Тогда вам и карты в руки. Ваше мнение об Алтуфе?

-У меня нет мнения о нем.

-Но на ваш взгляд, на что был способен этот шаромыжник?

-Гм... Да он был способен на такое... Он и не на такое был способен... Бог знает, на что он был способен... В общем, он был способен на все...

-Что с вами, уважаемый Андрей Устинович? Прервитесь на минутку... способен-неспособен... Пойти на убийство, на ваш взгляд, он мог?

-Запросто.

-У вас, верно, осталось зерно сомнения в правильности вердикта присяжных?

-Формально нет. Но я далеко не всегда считаю, что лучше оправдать преступника, чем наказать невиновного. В результате возмутительной снисходительности двенадцати профанов был отпущен на свободу убийца. По существу эти присяжные походя решили судьбу не собственно Алтуфа, а его будущих жертв. Приговорив их, без права обжаловать, к боли, страданию, к смерти, наконец.

А тут еще попы со своим дешевеньким милосердием. Ныне эти святоши обнаглели до такой степени, что публично, даже не зная сути дела, прощают преступников! Всех! Скопом! Но, прости господи, у этих лжецов нет такого права – прощать убийц и насильников.

Не так давно я был на одном процессе... А это, Савелий Платонович, худшее, что я когда-либо видел – была изнасилована и зверски убита двенадцатилетняя девочка. В конце процесса встает мать этого ребенка и заявляет: «Я прощаю их!». То есть мать прощает убийц своей дочери! Вы представляете, каково состояние с позволения сказать мозгов этой женщины? Какое она имеет право прощать? Это что, ее изнасиловали и зверски убили?

-Что делать? Православие так и не выработало правил практического поведения и потому не умеет приспосабливаться к ситуациям светской жизни и хранить, пусть и в ущемленной форме, библейские ценности, как, к примеру, католичество или тот же ислам. Это общеизвестно. Отсюда и прыжки из одной крайности в другую и сумбур в умах.

Ведь это известно, что за всю историю только государь всея Руси Иван Третий пытался как-то реформировать православие и издал указ, запрещающий батюшкам держать наложниц. Но благие намерения тем и кончились. Отменить крепостное право, введенное на Руси попами Троице-Сергиевского монастыря он так и не смог и ограничился «Судебником», узаконившим «Юрьев день», когда крестьянин в течении двух недель мог уйти со своей семьей от одного попа-крепостника к другому.

Двойная мораль присуще и попам и их пастве. Верующие верят в рай, а горячее желание попасть в него побуждает их юлить, лгать и публично милосердствовать. В этом они подобны подбитым птицам, что летать не могут и только смотрят на небо. Но и это небо они сами не выбирали, им между делом указали, вот они и смотрят. Любовь же к себе подобным - добродетель весьма неясная, расплывчатая и нетрудная и вовсе не стесняющая. Попы это давно поняли и вовсю используют.

-Разумеется. «Делай полезное для общества и оно будет полезным и для тебя», - говорил доктор Гильотен, изобретая гильотину, которой позже ему самому и отрубили голову.

Но вспомните, к примеру, и плутовские формулировки называть одни источники «из-под присяги», а другие - «достоверными и убедительными». Председатель присяжных на процессе Алтуфа даже не удосужился испросить у суда каких-либо разъяснений по делу. А когда он читал вердикт присяжных лицо его, как теперь помню, было почти такое же белое, как и маленький листок бумаги, дрожавший в его руках. И уверяю вас, этот тремор был вовсе не от волнения, а от неустойчивости психики. А председательствующий на процессе даже не удосужился огласить заключительную часть обвинения. Как так можно?

-М-да. Мне хотелось бы взглянуть на дело Алтуфа.

Зенон как-то очень медленно приподнял брови:

-Это запрещено инструкциями. Наши уголовные дела зачастую больше походят на счетоводческие отчеты. Много фактов, непонятно откуда взятых, что пришиты белыми нитками к еще более туманным выводам. По сим делам можно писать диссертации под заглавием «К вопросу о чем угодно» на соискание ученой степени правоведа. А дело Алтуфа закрыто и сдано в архив. За давностью. В конце-то концов, у нас же не публичная библиотека.

-Это какими еще инструкциями? И какая еще давность? С каких это пор запрещено приставу Сысского управления затребовать уголовное дело из архива? Господин прокурор, моему, мы занимаемся одним делом... Или вы хотите что-нибудь мне рассказать? Так я весь внимание. Я слушаю вас.

Зенон быстро взглянул на Луканова и криво ухмыльнулся:

-Буду с тобой откровенен, Савелий Платонович. Но учти, я в ваши сыские дела никогда не суюсь и с уважением отношусь лично к тебе. Надеюсь, что в дальнейшем никаких жалоб по поводу превышения тобой полномочий до меня не дойдет. Но если хоть кто-нибудь об этом сообщит, то у тебя будут большие неприятности.

-Превышение каких полномочий?

Повисла тишина.

-Андрей Устинович, - тихо сказал Луканов, - есть ли в этом деле что-нибудь, что вы знаете и предпочитаете мне не говорить?

Зенон слегка вздрогнул:

-Савелий Платонович, что вы имеете в виду?

-Дело об убийстве Алтуфа, черт возьми! Почему столько туману? Почему никто ничего толком не знает, но, тем не менее, газеты пишут. Может мне стоит обратиться с Экзекутору. Может этот ничтожный газетный хроникер, что мнит себя светочем отечественной журналистики и вправду знает много больше, чем Сысское управление, прокурор и охранное отделение в купе?

-Остыньте, ваше превосходительство! Как можно вот так вот? Наотмашь.

-Что меня больше всего настораживает в этой истории, так это то, что убит человек. Пусть он прохиндей, но человек. И вы, Андрей Устинович, простите, говорите об этом событии совершенно безучастно. Согласитесь, что-то в этом есть.

-Я знаю о Алтуфе только то, что личностью он был довольно скверной.

-Что он сделал?

-Он совершил убийство.

-Кто это может доказать?

-Ну-у...

-Не продолжайте, Андрей Устинович. Ясно, что никто. Есть мнение и только. Но преступником, осмелюсь вам напомнить, человек может считаться не иначе как по приговору суда. Суд был?

-Нет. То есть да, был. Но Алтуфа оправдал за не доказанностью.

-Так что же мы тут с вами навешиваем на убитого ярлык. Дескать, сам он душегуб, туда, следовательно, ему и дорога.

Зенон отпил тепловатый кофе. Луканов закурил новую папиросу.

-В мае, во время стачки на Обуховском заводе вспыхнул бой между рабочими и жандармами. Были убитые с обеих сторон. Кого судить прикажите? Кто, по вашему мнению, уважаемый Савелий Платонович, виновен?

-Это политика. Я, сударь мой, сыщик, я полицейский и не служу в жандармском корпусе. Вот пусть господин Силин и разгребает за своим забором это дело, а в уголовный сыск не лезет.

-Забор хорош, но розги, согласитесь, подчас лучше. Ненужно самому себе говорить вежливое pardon – корпус жандармов входит в Департамент полиции. Само же французское слово «жандарм», как вам известно, обозначает всего только вооруженного полицейского. Кроме того, жандармы ведут свою родословную от славного Борисоглебского драгунского полка, геройски проявившего себя в войне с Наполеоном. Александр Первый именным высочайшим указом в 1815 году повелел именно ему именоваться жандармским полком и нести военно-полицейские обязанности. Охранка же, как вы знаете, появилась значительно позже.

И еще, по своему опыту могу заметить, что эпатируемые в Сибирь и на Сахалин осужденные весьма радуются, когда конвой жандармский. И знаете почему? Жандармы по сложившейся традиции не воруют у осужденных и вежливо с ними обращаются.

Но, если вы не возражаете, я хотел бы кое-что пояснить по делу Алтуфа.

-Господи! Да я слушаю вас, Андрей Устинович! Слушаю внимательно.

-Но заранее предупреждаю, Савелий Платонович, что знаю я немного. - Зенон подался немного вперед и твердо уперся ладонями в широко расставленные колени. - Итак, как вы уже знаете, Алтуф найден 14 ноября утром во дворе дома, где он жил всего одну неделю. Голова его была разбита. Буквально разmozжена. И никаких следов. Вообще никаких. Вы понимаете? Как будто его ударили чем-то тяжелым по голове, а после нечистая сила, по воздуху, не иначе, перенесла труп Алтуфа во двор его дома и аккуратно положила на асфальт.

-Но почему нет записи в «Книге регистраций»?

-Ну, это дело... Как бы это сказать. - Лицо прокурора стало столь бледным, что казалось почти бесцветными. - В общем, следствие проводится внеслужебно. Учитывая личность убитого и... отсутствия всяких следов. Вы же знаете не хуже меня, Савелий Платонович, что злоумышленник всегда оставляет хоть какие-нибудь следы. Но здесь их просто-напросто нет. Нет следов и все. Чисто. Мой вам совет, уважаемый Савелий Платонович, не связывайтесь вы в это дело. Его никто не сможет раскрыть. Нет ни одной зацепки, нет хоть одного маленького следика. Двор дома, где нашли труп Алтуфа, недавно покрыли асфальтом. Так вот: экспертиза установила, что ближе шести саженей от трупа вообще нет ничьих следов. Там прошел только сам Алтуф. Прошел в одну сторону к месту своей гибели. Нет и орудия убийства. Более того, экспертиза не может установить, что это был за предмет, чем именно разmozжили голову Алтуфу. С высоты он не падал. Да и характер травмы явно указывает, что голова Алтуфа была именно разmozжена и именно тогда, когда он находился в вертикальном положении, говоря проще – он стоял в этот момент, и убит он именно там, где и было найдено тело. Такого еще не было. Есть труп, но, как и чем убит человек?..

Из квартиры Алтуфа ничего не похищено. И совершенно непонятно откуда у него вдруг появились деньги и, видимо, немалые. Квартира в таком доме стоит очень дорого. Кутил последнюю неделю напропалую. Видели, как к нему каждое утро заходил некий господин, но кто он и как его имя никто не знает.

-Однако ж вы передали результат вскрытия сыскной полиции для того, чтобы та начала дело об убийстве?

-М-м-м... Не совсем.

-Как это? Частично, что ли?

-Совершенно верно. Точнее вскрытие, безусловно, было. Производил его доктор Леснин. Глеб Аркадиевич Леснин. Но заключение, насколько я знаю, до сих пор в морге Мариинской больницы. Оно никому ненужно. Да и что в нем может быть интересного? Голова разmozжена вот и вся причина смерти.

-Разmozжена до неузнаваемости?

-Нет. Отнюдь. Алтуфа без труда опознали и консьерж и дворник дома, где он прожил неделю. Да и полицейский архив предоставил несколько фотографий. Личность погибшего установлена достоверно. Так что он не возродится как Феникс.

-Феникс это всего лишь птица-приговор. Феникс изначально обречен на насильственную смерть, а иначе в нем попросту нет смысла. Но вот возрождение Алтуфа в качестве оборотня-инкуба, бродящего по ночным улицам и мучимого отсутствием Луны и собеседника... Но это так – лирика. А что обыск?

-В квартире, в день убийства, произведен тщательный обыск. Но он ничего не дал. Только, как будто, какой-то список нашли. Но о нем я ничего не знаю. В общем, нечистое это дело, вот что я скажу. Меня так в дрожь кидает от этого дела. Я даже к доктору ходил. Прописал он мне лекарство. Этакie пилюльки, для спокойствия и сна.

-Нечистая сила... Пилюльки... Дьявольщина какая-то. Можно, разумеется, купить себе личную Библию, но от этого-то святым не станешь.

-Да ты, Савелий Платонович, на себя-то взгляни - искуранный до желтизны. Кофе ведрами хлещешь... Сидишь, как в поленище мышь. Тебе отдохнуть необходимо. Нанять приличную кухарку, а не давиться этими блинчиками, пригласить доктора, наконец.

-Вздор-с! Нервы-с! Ногти пока не грызу и в постель, прошу простить, не писаю. Вы ведь не для того пришли ко мне, чтобы потчевать кухонными байками да докторскими пилюлками. Я вот, к примеру, хочу прививку от соблазнов. Желательно в виде порошка. Втянул носом, чихнул и все, никакой искус не страшен. А вы, Андрей Устинович, ребусы мне рассказываете. В искус неверия в закон ввергаете. Вы случаем не захватили с собой парочку индульгенций? Я бы купил. Но только по сниженной цене и со скидкой.

-Я пришел, чтобы предупредить вас, Савелий Платонович. Будьте особенно осторожны. Но будет лучше, если вы оставите дело Алтуфа в покое. Все само собой уладится. Уверю вас.

-Ну да... Уж рельсы кончились, а станции все нет... Но и я уверю вас, что об опасных приключениях Кота в сапогах и страшном злодее Великане я наслышан. Когда же, наконец, вы, Андрей Устинович, прекратите бессмысленное занятие быть со всеми в хороших отношениях? Это же просто невозможно! Разумеется, деликатность очень украшает человека. Но поймите же вы, наконец, украшениями надо пользоваться умеренно.

Минуту-другую они молча курили, неотрывно смотря друг на друга. Часы пробили одиннадцать дня.

-Ну, знаете ли... Я знал, что вы очень порывистая и непредсказуемая натура, не признающая никаких ограничений, но... Но вы сделали весьма решительное заявление, - произнес, наконец, Зенон и резко встал. – Желаю удачи...

Глава 11

Сразу же после ухода Зенона пришел Сугробин. Его Митька впустил без заминки, даже попугай в вестиб-люе выразительно промолчал.

-Савелий Платонович, я проявил инициативу и теперь пребываю в растерянности – она наказуема или нет.

-Для начала присядь. Если хочешь кофе, то сам зови Митьку. У тебя с ним приятельские отношения. Ну а теперь расскажи, что за инициативу ты упомянул.

-Сегодня я вызнал у нашего общего знакомого судебного следователя Сакердона одну пикантную подробность. В кармане Алтуфа обнаружены визитница и портмоне с довольно немало суммой в двести сорок рублей с мелочью.

-Эко невидаль. Да у такого может быть во всех карманах по несколько всяких визитниц и портмоне.

-Установлено, что визитница и портмоне принадлежали Глебу Семеновичу Разивильскому.

-А это кто?

-О... Это штучка еще та.

Митька принес и поставил перед Алексеем кофе, аккуратно налитое в фарфоровую чашечку с блюдцем. На этот раз он не сопел сердито.

-Ну... Что за штучка? – Спросил Луканов. – Сегодня у меня с утра одни «штучки». За окном туман, в делах туман, и в голове, должен признаться, тоже сплошной туман.

Алексей не спеша достал записную книжку и открыл на заложенной странице:

-Глеб Семенович Разивильский, 1870 года рождения, из малороссийских казаков отчислен месяц назад из Петербургской духовной академии.

-И всего-то? Да мало ли кого откуда-то отчисляют...

-Погоди, Савелий Платонович. Это только цветочки. А вот извольте ягодки – Алексей взглянул в книжку, - отчислили Разивильского по доносу некоего Гапона Георгия Александровича якобы за отказ сотрудничать с охранным отделением. Кстати Гапон и Разивильский одногодки и земляки. Донос сей пришел в Санкт-Петербург из московской охраны от самого господина Зубатова.

-А что так-то? Из Питера в Питер через Москву?

-Гапон личность весьма неуравновешенная... А с Зубатовым у него, как говорит Сакердон, очень хорошие отношения.

-Что ж. Зубатов весьма достойная личность. Ведь именно он ввел такие новшества, как снятие отпечатков пальцев и фотографирование арестованных, что весьма сказалось на эффективности сыска. Кстати сказать, насколько я знаю, господин Зубатое ныне занят созданием профсоюзов, на манер английских тред-юнионов. Но то, что у некоего Гапона хорошие отношения с господином Зубатовым? Ну и что? Нам-то что до этого?

-А дело в том, что Гапон своим доносом убрал конкурента. У Гапона огромные амбиции, а Санкт-Петербургское охранное отделение, учитывая противоречивость его характера, не доверяет ему и делала ставку на Разивильского. Разивильский был полностью управляем, потому как питал слабость к молоденьким барышням и имел привязанность к водочке, а Гапон идейный сухарь. А вы, Савелий Платонович, прекрасно знаете, что от сотрудничества с идейными шарахается не только полиция и охранка, но и контрразведка Генерального штаба. Именно после доноса Гапона Разивильский и всплыл в виде трупа в Обводном канале, а его визитница и портмоне найдены в кармане Алтуфа. Врач-эксперт установил, что Разивильский был сброшен в Обводный 14 ноября уже убитым. Следы насилия отсутствуют...

-Откуда такая уверенность, что Разивильский был сброшен уже убитым?

-В его легких нет воды, значит, он уже не дышал, когда попал в воду и захлебнуться не мог.

-Ясно. Дальше...

-Но и Алтуф убит 14 ноября. Вот пока и все ягодки.

-М-да... Ягод этих хватит на компот. Как бы им не упиться.

-Прикажете представиться по случаю присвоения очередного звания? – Довольно воскликнул Алексей.

-Безусловно. Разве что этот компотик выпить на брудершафт с господином Силиным и с последующей отставкой без пенсии. Но не отчаивайся, Алексей, отныне и навеки люди будут приходить в библиотеку только чтобы взглянуть на твое имя на корешке пухлого романа. А это тебе не чужие книжки собирать. Но сходил бы ты, братец, к своему букинисту. Может что-то новое для тебя есть?

Алексей, недоумевая и теряясь в догадках, попытался что-то сказать, но Луканов махнул на него рукой:

-Все... Все, Алексей. До завтрашнего дня чтоб я тебя не видел. А сказку про попа Гапона и убитого утопленника Разивильского никому не рассказывай. Впрочем, ты и сам это понимаешь. Все. До завтра.

Оставшись один, Луканов постоял у окна, полюбовался неброским городским пейзажем, расцвеченным чистыми пастельными тонами.

-М-да... Митька!

-Чего прикажите.

-Отправляйся-ка по магазинам, шельмец, кофе вовсе кончилось.

-Как это кончилось, - обиделся Митька. – Да его...

-Отправляйся, отправляйся...

Через пару минут сердито хлопнула входная дверь.

Савелий Платонович подошел к зеркалу, провел ладонью по щеке:

-Что ж. Это даже хорошо, что нынче я не брит... И почти не спал всю ночь. Вон мешки под глазами... Синева... Но пора за работу...

Затем он открыл шкаф и стал внимательно переодеваться.

Часы пробили два часа дня, когда из квартиры следственного пристава, действительного статского советника Савелия Платоновича Луканова вышел рабочий в синем потертом полупальто и в холщовых штанах. Голову его прикрывал картуз с надорванным козырьком. Видимо Митька, слуга его превосходительства, вызывал слесаря или печника или полотера и, что совершенно удивительно, хорошо расплатился с ним – рабочий улыбался так широко, что видны зубы мудрости, но улыбка его довольно глуповата.

Тяжело толкнув массивную резную дверь парадной, рабочий вышел на улицу. Он с минуту постоял, наблюдая за прохожими, словно оценивая какое впечатление производит на них его вид. Но никто не обратил на рабочего никакого внимания. И, втянув голову в плечи, он неуклюже зашагал в сторону Литейного проспекта. Должно быть, в винную лавку купца Маркелова, что на углу Бассейной и Литейного, в доме, где когда-то проживал поэт Некрасов - прямо напротив министерства финансов. Шел рабочий быстро и насвистывал сквозь зубы какой-то веселенький мотивчик. Он даже спугнул стайку голубей, которых кормила старушка в темно-сиреновом шерстяном пальто с потертой пелериной. Старушка брезгливо посмотрела на рабочего и, пробурчав «Глазята как вылупил, хазовка», шаркая пошла прочь.

Но обычного чемоданчика с инструментами в руках у рабочего не было. В лицо ему бил холодный, промокший ветер с Невы, потому как шел он по Литейному в сторону Фурштадской.

Глава 12

Дворник доходного дома г-жи Брянской, где неделю квартировал Алтуф, Василий Иванович степенный мужчина лет пятидесяти, допивал жидкий чай с черствыми баранками, листал прошлогодний номер «Русского Инвалида» и собирался подремать. Шмыгнув обвислым носом, он разгладил гвардейские бакенбарды и уже собрался было прилечь, как вдруг тяжелая рука легла ему на плечо:

Василий Иванович оробел «Задремал? Опять померещилось? Ох, бедная моя головушка!». Он поставил на стол ополовиненную кружку, оправил фартук с латунной бляхой «Дворник № 427», тяжело вздохнул и, поскребя в затылке, по привычке свирепо рявкнул:

-Говорю: пуцу за гривенник! Неча по ночам шляться... Ворота тута вам открывай, да закрывай. Ни днем, ни ночью покоя от вас нет.

-За гривенник отчего ночью ворота не открыть? Но сейчас-то около трех дня.

-Правда? – Наивно, почти по-детски спросил Василий Иванович.

Он всмотрелся в полумрак дворничкой. Возле него стоял мужик, по виду рабочий, в синем полупальто и картузе. «Видать человек самостоятельный - прикинул Василий Иванович, - верно при часах постоянно».

-А ты откелева взялся? Тебе чего?

-По нужному делу! – Сухо бросил гость. – Не стесню? Позвольте присесть?

-Присаживайся, - дворник убрал с диванчика медный тазик; на пыльной черной клеенке остался круглый отпечаток.

Луканов сел на освободившееся место и осмотрел комнату: на стенах пестрят бесплатные лубяные картинки «Российского общества трезвости», возле дверей плетеная детская коляска без одного колеса, около нее брезентовый мешок с надписью «При пожаре», в углу деревянный

умывальник с засохшей мыльной пеной. С потолка свисает люстра крашеного олова. Пахнет сыростью и ядреным солдатским одеколоном «Ливадия».

-Вас как величать-то, уважаемый? – Луканов сделал вид, будто что-то ищет по карманам. – У меня где-то рекомендательная записка была. – И, как бы ненароком, вынул десятирублевую ассигнацию. – Господи, куда же я ее подевал?..

Увидев деньги, дворник оживился:

-Дю!.. Василий Иванович мы... А не ты ли, милоч, третьего дня спрашивал бляшки для лошадиной упряжи? Что-то давно у меня их никто не покупал.

-За тем и пришел, Василий Иванович... Упакуй несколько.

-Это мы мигом-с. Бляшки медные, почти как золотые. Будешь довольным. Цену-то, поди, знаешь?

Луканов понятия не имел что за бляшки и сколько они стоят, но не смутился:

-Цена будет... Я тут как-то заходил... Кажись тринадцатого или, нет - четырнадцатого, точно четырнадцатого числа. Имел планы сделать заказ на бляшки, так... - Савелий Платонович пристально посмотрел на дворника.

-А что? А-а... Так я в околотке сидел. Ха! Ты тоже - нашел, когда приходить. У нас четырнадцатого тута злодейское смертоубийство во дворе приключилось. Алтуфа, жильца нашего, порешили.

-Ну!? А вас за что ж в околоток-то? Вы ж человек степенный, при воротах служите. Околоточный-то - что?

-А что околоточный? Он враз после того трупа и засадил меня в кутузку. Ох, и задубел же я там! Колотун – жуткий. До костей проняло. Околоточный по шее собственноручно накоматылял...

-Значит вы проштрафились?

-Да? А что, новый указ вышел? Получение взбучки нынче наказуемо?

-Ну что вы, Василий Иванович! До этого пока дело не дошло. Хотя если заняться скрупулезным толкованием законов... М-м-да... Ну и что далее-то в околотке было?

-Да ничего. Всю ночь я и просидел ни за что. Ну, был немного выпивши... Да мало ли кто пьет? Тьфу! А за что? Тайна, вишь, у них тама какая-то образовалась.

-Да уж, тайна, - вздохнул Луканов. – У полицейских все тайна. Небось, двор не метенным остался?

-Да что его мести-то! Тута вот асфальт положили, так теперь по двору вообще никто не ходит. Чего в нем делать-то? Я тротуар перед парадным входом утречком промету, да зимой в восемь часов, а летом в десять запру ворота и ночью подежурю, чтобы значит, по предписанию департамента полиции, было чисто, а чужие по дворам не шастали и всяких неприличий не творили. Так оно и к лучшему. Ежели кто из жильцов припоздниться, так я скоренько воротца-то и открою, глядишь, гривенник, а то и целый полтинник на чай пожалуют.

-И все обязанности?

-Скажешь тоже! Все. Дважды в неделю лестницу убрать надобно. Ох-хо. Когда площадки метешь, порой такого наслушаешься, что тама жильцы меж собой говорят. Бесстыдники.

-Да? Надо же! А ведь господа... Ну а по двору вообще, что ли, никто не гуляет?

-Не-а! Как асфальт положили, даже бабки ходить перестали. Говорят, мол, для ревматизма он жутко зловреден. - Василий Иванович с надеждой взглянул на Луканова. – Брежут, поди? А то я намечаю добавку к жалованию испросить. Вроде как за опасность для здоровья от ентого асфальта. Как думаешь?

-Это надо у доктора спросить. Дело серьезное, с кондачка не решишь.

-Вот и я мыслю... У нас тута доктор пару месяцев назад обосновался, в аккурат под квартирой Алтуфовой на четвертом этаже жительствоует. Так этот доктор денег возьмет, да и бывает он вроде редко. Мы ж по дворницкой части. Нет у нас фабричного фельдшера.

-Так у вас в доме что же - жильцы часто меняются?

-Не-а. Подолгу проживают. Этот доктор желал и квартиру на пятом снять, чтоб, значит, две у него было. С хозяйкой договорился. Так она и освободила ему квартиру на пятом. Так в нее же через неделю Алтуф въехал. Видать, платежеспособный очень. Перекупил. Так доктор с одной квартирой и остался.

-Ну а этот... Алтуф. Что он-то во дворе делал?

-Господин Алтуф-то? А шут его знает. Он ранехонько, часов в семь утра в мою дверь постучал. По моей-то лестнице и квартиры и черный ходы от квартир парадных будут. На каждой лестничной площадке слева квартера, справа черный выход из парадной квартиры. Вижу харя его мне знакомая. Так он, видать, из черного хода из квартиры своей барской вышел ко мне и спустился. Я еще удивился, обыкновенно по черной-то лестнице горничные, ижорцы с торфяными брикетами, да полотеры с монтерами всякие ходят, а тут господин. Спрашиваю, куда мол, вашбродие? А он рубь сует и говорит, что желаю мол двор осмотреть, потому как окна у меня во двор выходят. Я его и выпустил во двор, а дверь снова на замок и к себе ушел. Мне-то что? Верно?

-Ну... В общем-то – да. А ваш двор не проходной?

-Ну ты паря и даешь! В нашем доме господа живут! Какой же он может быть проходным? В домах с проходными дворами голодранцы всякие квартируют. Ну ты даешь! Ха-ха! Только сомневаюсь я. Все допытываешь да выпытываешь. Дюже ты, братец, любопытный.

-Да я не любопытный. А проявляю заинтересованность исключительно в целях полнейшего ознакомления и разумения.

-Чего? – Дворник пожевал узкими, в синих точечках, губами. На минуту он растерялся, но тут же нашелся. - А-а... Ну тогда ладно. Нешто мы не понимаем?

-Дом у вас видный и двор примечательный. А заливные луга во дворе есть? Жаль, что не успел рассмотреть, сразу к вам, уважаемый Василий Иванович, зашел.

-Какие еще заливные луга? - Дворник махнул рукой – Шутки шутить изволите, господин хороший? Да чего там! Дом как дом, да и двор как двор. Парадный подъезд и вход в арку с Фурштадской. А моя подворотня с квартирками попроще и черным ходом из барских квартир здесь в этой самой арке и расположена. В парадном-то подъезде консерж... косьерж... тьфу ты, черт! В общем - Степка. А я здесь за порядком приглядываю...

-А по бокам двора?

-Глухие стены. Что твоя крысоловка. Ни окон, ни дверей. Слева дом Мартонова, так себе конструкция, справа богадельня Фриша, у ней парадный вход от костела святой Анны.

-А прямо? Во что двор-то упирается?

-А там вообще черт ногу сломит. - Василий Иванович сердито сплюнул. – Купчишка Каблуков, ледник там разместил, для сохранения, говорит, деликатных продуктов. У него там в подвале машина беспрерывно шипит. Леденит проклятая. Что б ей пусто было.

-А что так то? Сильно шипит?

-Да нет, не так, что б сильно... Но обидно, мил человек. Этот купчишка-то, когда по весне ледник свой устраивал, дворника искал. Жалование вдвое моего сулил. Так меня не взял. Говорит, мне флотский надобен, чтоб машину знал и за ней приглядывал. Тоже мне... Флотского в дворники взять! А-а... Да какой спрос с этого купчишки? Одно слово, что «ваше степенство». А вот скинет этот сохранник последнюю рубаху - вот те и прогорел! Купчишки-то как прогорают-то?.. Очень даже запросто. Но покудова его машина леделительная шипит круглосуточно. В доме, верно, неслышно, но во дворе если вслушаться, то очень даже. Хорошо хоть вход в этот «сохранник» с Кирочной.

-Купчишка-то с флотским поспешил...

-Во-во! Дворник он какой должен быть? Он должен быть человеком степенным, обстоятельным, трезвым, а флотские все байбаки косолапые. Дворническое дело серьезное, спуска рукава к нему нельзя относиться.

-Это, Василий Иванович, вы верно говорите. Ну а дрова жильцы где держат?

-Раньше в подвале держали. А с прошлого года ижорцы торф в брикетах еженедельно доставляют. Прямоком по квартирам, чтоб болотный леший их всех задрал вместе с ихними

брикетами. Прежде-то как хорошо было – кому дровец поколешь, кому их на этаж поднимешь, кому печь протопишь. Глядишь, к вечеру на чай с бубликом и наберется. А-а... - Василий Иванович досадливо махнул рукой. - Кругом одно ротозейство. И брандмейстер не против торфа. Говорит что начальством дозволено. А я так скажу, дрова они...

-А асфальт-то отчего клали? Дрова от земли не сыреют, топят торфом. Гулять никто не гуляет... Ни жильцы, ни пришлые. Сам двор в окружении многоэтажек. Зачем двор-колодец асфальтировали?

-Так хозяйка наша, госпожа Брянская, распорядилась. Желаю, мол, чтоб все было как в Париже. Вот и положили сызранский асфальт. Опять же господа довольны. Те, у кого окна во двор выходят. У нас, говорят, дома пыли меньше стало. Может оно и так, только вот старухи говорят, что для ревматизма этот асфальт очень опасен. А прежде тама скамеечка деревянненькая стояла... кустик сирени рост... Прямо что твой пейзаж.

-Так значит, Василий Иванович, вы жильца одного выпустили? После него кто-нибудь в ворота звонил? Вы открывали кому-нибудь?

-Во! То меня и в околоте спрашивали. Да не открывал я никому. Ни к месту нам суетиться. Мы порядок блюдем. Да и задремал я. Проснулся утречком, часиков в десять, вышел под арку, глядь во двор, а там такое... В общем, труп образовался. Злодеяние с нанесением тяжкой телесной смерти и в аккурат у самой стены ледяного сохраника. Так я со свистком ходом на улицу, городского звать.

-У стены ледника? А как вы определили, что это труп?

-Так там и определять нечего. Труп он и есть труп. Что я покойников не видел? Почитай без малого двадцать лет в Измайловском полку отслужил. Да и насмотрелся я на всяких мертвяков, прости господи, в китайском Шандонге, когда ихних «боксеров» крушили. Ну а городской прибежал и враз запретил к покойнику приближаться. Ну а там уже полиция пожаловала. - Василий Иванович свернул самокрутку и закурил.

-Так что ж и из подворотни и из квартир никто не выходил?

-Никто, говорю тебе. Я ведь, когда к себе в дворницкую пошел, то подворотню за собой запер. Оно конечно, ночью ворота за гривенник я открою, но, для аккуратности, днем пусть подворотня тоже будет закрыта. Нешто нам трудно и ее открыть? Глядишь, господа, и на чай пожертвуют. Верно? Правда, бывает, безобразничают. Шумят. А у самих-то морды глиняные... В моей-то подворотне живет один... крендель ноздрястый. Маленький, а крикливый - жуть! Нервный, видать, очень. Бывало, орет, надрывается, крошечными словами сыплется, а я и не слышу. Уши у меня заложило. - Василий Иванович причмокнул и укоризненно покачал головой. - Но иногда ох как руки чешутся! Но... начальство не позволяет.

-А что с квартирой этого, как его там... Алтуфа? Опечатана полицией?

-Степка говорит, что квартера его свободна. Закрыта, но не опечатана.

-А откуда он взялся-то здесь? Этот Алтуф.

-Да кто ж его знает? Только Степка сказывал, что Алтуф не господин, а так - голодранец. Степку-то не обдуришь. Он в господах кумекает. А этот-то? Алтуф-то? Да он вразнос пошел - не дыми. Деньгами сорил... Каждый божий день крем-бруле! Из себя барина строил – фрак, трость, перчатки. Но эти-то хорьки пока шумят, не укусят. А нам-то что? Пускай жильцы тешатся, чай не задарма.

-Да-а... Дела-а. Ох, время-то уже! Заболтался я что-то. Давайте мне бляшек на весь червонец, да пойду я.

-Так у меня тутова столько их и нет. Это ж сколько их надо-то?..

-Не беда. Возьмите деньги, а я на деньков через десять зайду и заберу товар. Идет?

-Конечно! Я эти-то бляшки у земляка своего беру. В Апрашке он лавчонку скобяную держит. Так я завтрево скоренько схожу, а он и подсчитает, сколько на червонец бляшек нужно. Видать твой барин много лошаденек имеет?

-Есть немного. Но вы погодите идти к земляку. Оставьте деньги пока у себя задатком, а я уточню, сколько бляшек надобно, да и забегу сказать. А вы пока можете червонцем распорядиться по своему усмотрению. Ладно?

-Как скажешь. Может чаю хочешь? Или рюмочку?

-Спешу... В другой раз.

Выйдя из дворницкой, Луканов мимоходом пристально посмотрел на замок одностворчатой двери подворотни и из-под арки повернул не на улицу, а во двор.

Луканов внимательно осмотрел стены домов, окружавших двор. Дом Алтуфа смотрел во двор унылыми окнами, серыми и безликими, как штампованными оловянными солдатами. Почти во всех окнах шторы спущены, в нескольких горит свет.

С двух сторон двора серые, глухие брандмауэры примыкающих домов, каменный мешок упирался в стену ледника Каблукова, выкрашенную в светло-оливковый цвет. На пятом, последнем этаже ледника, несколько темных провалов окон. Под стеной лежат мелкие обломки ноздреватого тающего льда.

Ни балконов, ни пожарных лестниц. Оконца подвала дома Алтуфа забраны в толстые, частые решетки, облепленными нигде не потревоженным ядовито-зеленым мхом.

Даже в ясный, солнечный день косые лучи утреннего солнца смогут осветить одну сторону дворового ущелья, а после полудня другую.

Обычный петербургский двор-колодец, создающий иллюзию уединения и явно не созданный ни для счастья, ни для трагедии. Тихий, насквозь пропахший угрюмой сыростью. Но если затаить дыхание и внимательно прислушаться, то можно уловить шум улицы, позвякивание посуды, отдаленные голоса.

Савелий Платонович провел рукой по лбу и сдвинул картуз на затылок. Но это не тот жест, которым стирают пот. Пот смахивают горизонтальным движением, а Луканов провел рукой по лбу снизу вверх. Скорее это движение было признаком особенной задумчивости.

От стены ледника донесся какой-то шорох, как будто шум воздушной струи и снова все стихло. Подумалось о Алтуфе, и вспомнилась эпитафия Лессинга:

«Смерть все-таки возвысила его:

Он превратился в прах - из ничего!».

Луканов вышел на Фурштадскую и свернул на Литейный. Западный ветер с Маркизовой лужи крепчает. Нева сердито надувается и грозно плещется. Ей становится тесно в граните набережных. Видимо будет наводнение.

Воздух рябит в отсветах витрин и фонарей и теребит белые квадратики уличных объявлений на водосточной трубе: «Предлагается приличный побочный заработок, который можно иметь посредством вязания на новейшей автоматической вязальной машине фирмы «Томас и Гейман». Сбыт продукции гарантируется. Машину можно купить в кредит без поручительства». «Отдаются квартиры со столом, пар., спросить госпожу Бокову, по адресу...».

«Интеллигентная семья сдает угол для благопристойной дамы средних лет. Там же стойло на одну лошадь. Парадн., швейцар. Спросить...».

Прочитав последнее объявление, Савелий Платонович пожал плечами – Дама и лошадь совместно в одном съемном углу? Гм...

Он огляделся - фасады домов на Литейном сплошь завешаны вывесками. Обосновавшись на нижних этажах, они подымались выше и даже заполняли простенки между окон - «Т-во Земельный банк»; «Табак и бумага. Алекс Бауман»; «Установка подъемных машин, о-во Робинзон»; «Моды Эммы Кальве»...

Угловая афишная тумба украшена аляповатым портретом некоего чернявого субъекта в белоснежной чалме, снизу надпись огромным шрифтом «Тайны индийской магии раскроет индийский йог Бен-Сани в своих сеансах...». «Ну-ну... - усмехнулся Луканов - Трубят-то крупным шрифтом, только вот незадача - все эти шпалотолкатели вещают на удивление мелким».

Пробежала неопрятная дворняжка, из тех, что роются в помойных ямах, понюхала тумбу, задрала ногу, испачкала йога Бен-Сани и побежала дальше...

За спиной затхло фыркнула лошадь, и раздался скрип колес:

-Любезный, - услышал Луканов, - ты хворый, аль недужный? Чо стал-то? Здеся тебе экипажи ездют, а ты пешедралом вон там ходи.

Обернувшись, пристав увидел извозчика, показывающего кнутом на тротуар. Коляска его старая и в пузырях полопавшейся синей краски никак не соответствовала слову «экипаж», да и лошаденка – престарелое и крайне уставшее существо. Луканов молча, сделав один шаг, перешел на тротуар.

Придя домой, Савелий Платонович позвонил в свой кабинет в Сыском управлении. Трубку взял Гудович.

-Константин Георгиевич?

-Так точно, ваше превосходительство!

-Вот что... Завтра в десять утра жду тебя и Алексея у себя дома. Дело приватное, посему попрошу без огласки. Ты, верно, догадываешься о каком деле идет речь?

-Разумеется, Савелий Платонович. Дело Алтуфа. Будем ровно в десять.

-Ну вот и отлично. А сейчас отправляйтесь-ка домой. Если у тебя есть какие-то важные дела, то ты можешь смело заняться ими. Но лучше отдохни и выспись.

-Усталость - не старость, Савелий Платонович!

-Разумеется...

Ванна, приготовленная Митькой, остывала, но Савелий Платонович словно забыл о ней. Он долго, обстоятельно размешивал в кофе сахар, задумчиво разминал папирусу, а, размяв, выкинул ее в пепельницу и раскурил сигару. В этот вечер Луканов пребывал в рассеянности, и после ванны, выпив согретого пунша, лег спать, наказав Митьке не отвечать на телефонные звонки. Прошедшим днем Савелий Платонович был весьма недоволен...

Глава 13

Верно подмечено – если вчера был скверный день, то сегодня обязательно будет хороший. Луканов, встречая в десять утра Гудовича и Сугробина, пребывал в великолепном настроении.

-Проходите, друзья мои. Рассаживайтесь. А Митька принесет нам кофе и коробку превосходных филиппинских сигар. Митька! – крикнул он в дверь, - неси сразу весь кофейник.

Сияющий Митька подал мясное желе с острым соусом из красного «перца-чили», ветчину, «орловский» хлеб, нарезанный огромными ломтями и ароматный кофе с белым мармеладом. От аппетитного запаха у сыщиков потекли слюнки.

-Надо же, - удивился Савелий Платонович, - Стало быть, вчерашний поход Митьки по магазинам не прошел зря и нынче нас побалуют. Остается констатировать, что еда - великий одомашниватель.

-Здоровый аппетит не обуза для желудка, - заметил Алексей и потянулся за открытым томиком, что лежит на маленьком столе подле кресла, но, взяв, положил его на колени и тут же забыл о нем.

-Это верно. Питание в хорошей компании помогает пищеварению. – Оживился Гудович, пододвигаясь к столу.

-Ну, господа, теперь, если позволите, поговорим немного о деле. – Сказал Луканов, когда они перешли к кофе и сигарам. – Вчера у меня побывал прокурор Зенон и настоятельно рекомендовал оставить в покое дело Алтуфа. Но мое мнение таково – это дело необходимо раскрыть. Найденный в квартире Алтуфа некий список указывает, что за этим делом много больше, чем собственно само убийство Алтуфа. Должен признаться, господа, что именно список меня интересует более всего. Если бы все дело заключалось бы только в розыске убийцы Алтуфа, то я, по рекомендации прокуратуры, пожалуй, попросту бы закрыл глаза на это дело.

Скажу даже больше - первое впечатление от этого дела весьма озадачило меня. Поначалу оно представлялось мне простым грабежом, хотя я понимаю, что Алтуфа вряд ли кто стал грабить в его дворе. Для этого Алтуфа могли подловить в ресторации, сдернуть с извозчика в каком-нибудь переулке, да где угодно, где есть темный закуток и нет свидетелей. Человек убит во дворе своего дома и ни малейших следов ограбления – в кармане обнаружено портмоне с крупной суммой.

-А что же мешает нам полагать этот случай самоубийством, а, Савелий Платонович? – Спросил Гудович.

-Все мешает. Абсолютно все. Алтуф находился все время на виду и вовсе не пребывал в подавленном состоянии. Кроме того, вы что-нибудь слышали о саморазмозжевании головы? Я нет. Это никак невозможно, чтобы человек сам себе размозжил бы голову.

-Выброситься из окна, например.

-Ну да, - усмехнулся Алексей, - Алтуфу вдруг понадобилось пространство, напор воздуха, пяток этажей и асфальт, о который можно расплющиться, да растечься бесформенной кляксой...

-Идеальный случай все это представить как самоубийство. Но Алтуф не выбрасывался. Он не падал с высоты, он просто стоял во дворе. Стоял один. Вокруг тела нет никаких следов, а асфальт с иголочки, следы, если бы они были, просто невозможно было бы уничтожить, разве что заасфальтировать весь двор заново. За двором следит дворник, но он настолько нерадив, что после того как уложили асфальт ни разу не мел его. Собственно в этом пока и не было надобности. Двор пуст, по нему никто не ходит, асфальт совсем свежий, если бы сейчас было лето, то он прилипал бы к подошвам.

-Одним словом, убийство чисто обделано! Либо долго готовились, что едва ли, по всей видимости, не было достаточно времени, либо удачно сымпровизировали, что зачастую с кондачка бывает. Но нельзя основываться и строить версию на поверхностных впечатлениях. Мы практически ничего не знаем об обстоятельствах убийства Алтуфа. Как и чем он убит.

-Не стоит торопиться с выводами. Все это верно, но не убедительно. – Глубокомысленно заметил Гудович.

-Никто и не строит версии и не порет горячку. – Луканов откинулся в кресле и с интересом взглянул на Гудовича. – Давайте немного порассуждаем и разберемся, что мы имеем на сегодняшнее утро. Вчера я приватно разговаривал с дворником дома, где квартировал Алтуф. Этот дворник, его зовут Василий Иванович, первый обнаружил труп и сообщил об убийстве в полицию. После я осмотрел двор, в котором убили Алтуфа.

-И... - Алексей подался немного вперед. - Что-нибудь интересное дворник сказал?

-Представьте себе – ничего. Совсем ничего. Но он последний кто видел Алтуфа живым, и он же первый кто увидел его труп. Разумеется, исключая убийцы или убийц.

-Что это за чертовщина? А двор? – Спросил Гудович с профессиональной солидностью. - Вы ничего необычного в нем не заметили?

-Обыкновенный колодец, залитый асфальтом. Как в нем случилось это убийство совершенно непонятно. Никто не слышал ни возни, ни криков. Никакой зацепки.

-Что ж. Будем тогда истины доктринерские судить... - Ясные, живые глаза Алексея на тонко очерченном лице серьезно и в то же время приветливо смотрели из-за очков без оправы.

-Нет, Алексей, мы не будем заниматься теоретическими экскурсами. - Луканов прищурил глаз и сквозь облако табачного дыма внимательно посмотрел на Алексея, - А между тем, а между тем... Давайте кратко оглядим все дело. В каждом необычном и странном деле есть своя логика. Итак, что мы имеем? Первое, жертва убийства Алтуф. Личность убитого установлена достоверно и сомнений не вызывает. То, что он именно убит, также бесспорно – размозжить себе голову без посторонней помощи не сможет ни один человек.

Второе, Алтуф вел преступный образ жизни и был известен как грабитель, способный всего лишь за опохмелку, не задумываясь пойти на убийство, что даже в среде уголовных слывет постыдным делом.

Третье, случается неправдоподобная вещь - Алтуф внезапно разбогател. Причем разбогател настолько, что без затруднений снял квартиру в очень дорогом доме на Фурштадской.

Четвертое, Алтуф прожил в новом доме всего неделю. Не день, не месяц или даже год, а ровно семь дней.

Пятое, по какой такой причине через неделю надобность в Алтуфе отпала и его незамедлительно убили. И это даже несмотря на то, что в него вложили немалую сумму.

Шестое, убийство Алтуфа и убийство Глеба Семеновича Разивильского, выловленного из Обводного канала, по всей видимости, как-то связаны между собой. В кармане Алтуфа найдена визитница и портмоне Разивильского. В портмоне лежало двести сорок рублей с мелочью. Помимо того, крайне подозрительно совпадают даты этих убийств.

Седьмое, уголовное дело по факту убийства Алтуфа и Разивильского странным образом возбуждены не были. Не опечатана даже квартира Альуфа, что говорит о том, что никакого следствия по факту убийства не проводится.

Восьмое, во время обыска на квартире Алтуфа найден некий список лиц, которые, по уверению газет, намечались к ограблению. Однако достоверно известно, что Алтуф грабил только случайных людей – он попросту наобум подлавливал пьяных.

Девятое, почему после убийства Алтуфа, убийца спокойно оставил список в квартире Алтуфа? Здесь допустимы несколько версий – либо убийца Алтуфа не знал о списке, либо он не заинтересован в его получении, либо список был оставлен умышленно, чтобы запутать следствие, либо, что вполне вероятно, список был подброшен во время самого обыска.

Десятое, откуда вообще у Алтуфа взялся этот список, кто его составлял и для чего, где данный список теперь и кто в нем значится?

В гостиной повисла напряженная тишина.

-Необходимо затребовать из архива дело Алтуфа. – Алексей стряхнул пепел мимо массивной пепельницы. – Номер такой-то, дробь сякой-то... Это, разумеется, мало что даст, но, возможно, всплывут имена подельщиков Алтуфа, а там как знать...

-Нет, Алексей, не стоит идти на прямой конфликт с прокурором и господином Силиным. Что даст нам списанное в архив дело? Мы не знаем. Посему не будем пороть горячку.

-Верно. – Вставил Гудович.

-Если нам проследить истоки насильственной смерти Алтуфа и выяснить, как это произошло, нам станет ясно, что это не случилось бы, если бы ранее не произошло одно событие, а перед тем другое событие и так всю последовательность событий. – Алексей раскурил новую сигару и разогнал рукой дым. – Что если перевернуть обычную схему сыска вверх ногами и посмотреть, что из этого получится? А архивное дело весьма вероятно и прояснит хоть что-нибудь.

-То есть ты предлагаешь начать следствие с другого конца. Не от факта убийства, а проследить, как и почему Алтуф пришел именно 14 ноября и именно в тот двор, где и был убит?

-Да. Если, конечно, это вообще возможно. Но пока предлагаю пойти испытанным путем - нанести визит в морг, ознакомиться с заключением, осмотреть квартиру Алтуфа ну и так дальше.

-Напоминаю, Алексей и тебе, Константин Георгиевич, нам следует искать таинственный список. Найдя его, мы, вероятно, найдем и убийцу или, во всяком случае, того, кто осуществил весь этот маскарад с последующим устранением главного исполнителя – Алтуфа. В любом случае мне представляется список более интересным, нежели выяснить, кто порешил отъявленного негодяя Алтуфа.

-Может быть, в деле Алтуфа что-нибудь прояснит убийство Разивильского? Я уверен, эти два убийства связаны между собой. – Алексей достал свою записную книжечку, полистал ее и снова спрятал в карман.

-Но нам необходимо выяснить, как можно разmozжить голову человека не оставив ни малейшего следа преступления? Вот это действительно вопрос вопросов. – Луканов взглянул на Гудовича. – А ты, Константин Георгиевич, что скажешь?

-Нужно ухватиться за самые прочные концы, и тогда уж мы пойдем, пойдем разматывать весь клубок.

-М-м... В общем-то, верно. Но как?

-Надо связаться с доктором Брюном.

-Хорошо. Но что нам это даст? – Спросил Алексей.

-Как что? А вскрытие?

-Вскрытие делал Глеб Аркадиевич Леснин. – Заметил Луканов.

-Кто это?

-Не знаю. Но мы скоро познакомимся с этим доктором. И давайте пока прервемся. Ты, Константин Георгиевич, сходи в околоток Литейной части. Именно там провел ночь любитель гривенников дворник Василий Иванович. Может быть, у околоточного или городских удастся узнать, кто производил обыск в квартире Алтуфа. Только убедительно прошу действовать мягко, неофициально и, по возможности, не называя имен. Ну а мы с Алексеем отправимся знакомиться с одним доктором и двумя трупами. Нам необходимо сдвинуться с мертвой точки. Я все-таки считаю, что все вертится вокруг это пока неведомого нам списка. Относительно него у меня есть одна задумка, но говорить пока об этом преждевременно.

Порывистый ветер гудел и свистел в кронах деревьев, раскачивал скрипящие и стонущие под его напором стволы. Вода в Неве поднялась на полтора аршина выше ординара.

Луканов и Алексей шли по Литейному в сторону Невского в Мариинскую больницу, что в десяти минутах пешком от дома Луканова.

-Но почему все-таки был убит человек охранки? – Нарушил молчание Сугробин.

-Ты имеешь в виду Разивильского? А ты твердо уверен, что он агент охранки?

-Да. Это очевидно. Донос Гапона на имя самого господина Зубатова это неопровержимо доказывает.

-Значит, он сыграл роль пешки в чьей-то очень серьезной игре. А нам, стало быть, необходимо действовать весьма осторожно, чтобы не последовать вслед за ним и за Алтуфом. Ну что ж... Алексей, ты говорил, что тебе надоело играть в шашки в теплом кабинете Управления? Так вот принимайся за дело. Прояви свои аналитические... – Луканов словно попробовал слово на вкус, ощущая его целиком, прежде чем сказать, - ...способности.

В словах Савелия Платоновича не было ни капли иронии и сейчас, укутанный в кашне он напоминал огромного доброго добермана.

Глава 14

Осторожно, чтобы не ступить в одну из многочисленных луж на неровно вымощенном дворе, Луканов и Сугробин обогнули главное здание Мариинской больницы, и подошли к неприметному, приземистому строению. Постучали в обитую железом дверь. Послышался шелест. Потом что-то звякнуло. Дверь приоткрылась и из нее высунулась голова сторожа морга:

-Чего надоть?

-Добрый день, - Луканов вежливо приподнял картуз. - Мы хотим поговорить с доктором Лесниным.

-Идите-идите... У нас здесь нет докторов, а те, что есть, не принимают. – Сторож попытался закрыть дверь.

-Погодите, любезный! - Алексей просунул в щель двери, не давая ее закрыть, свою щегольскую но весьма прочную трость «Флексор». – Вы нас не поняли. Мы из сыскного управления...

Дверь распахнулась.

-Так чего вы мне тут голову морочите? А то «поговорить»... Входите скорее и дайте мне закрыть дверь. Вы, должно быть, по поводу молодой утопленницы, которую выловили позавчера? Если за ней, то...

-Нет. Не по поводу...

Едва они вошли, как подобно внезапному всепроникающему залпу шрапнели, хлынул ливень.

В тусклом коридоре морга тихо и неподвижно. Электрический плафон жиденько освещает влажный после уборки кафель пола и стен. В конце коридора дверь с табличкой «Кабинет».

Наискосок от входа сиротливо приткнулась к стене каталка с вывернутыми в разные стороны гуттаперчевыми колесиками. Напротив остекленная дверь в густых подтеках белой краски, ведущая в прозекторскую и рядом угрюмо гудящий холодильник, никелированная рифленая дверь его закрыта на стальной висячий замок. По коридору деловито прошел, по-видимому, студент медик; одной рукой он прижимал к себе череп и грудную клетку скелета, другой - таз и ноги. Луканов хмыкнул, а Алексей зябко поежился и, вынув из кармана платок, протер вдруг разом запотевшие очки.

Доктор Леснин обладал типичной внешностью шестидесятилетнего английского джентльмена - надменное лицо, седой аккуратно подстриженный ежик над высоким лбом, узкий, чуть длинноватый нос над плотно сжатыми губами, небольшая борода подстрижена а-ля Генрих Четвертый. Всей внешностью своей и манерами Леснин производил впечатление совершенно светского человека.

-Чему обязан, господа?

-Извините, господин доктор, - сунулся в дверь сторож, бросая злобный взгляд на посетителей. - Я пытался их задержать, но они ворвались силой.

-Добрый день, господин Леснин. Мы пришли за заключением результата вскрытия некоего Алтуфа. - Сказал Алексей, с трудом подавляя тошноту от едкого запаха смеси хлорки с формалином.

-Извините, но я вас не понимаю. - После минутного молчания сказал доктор. - Вы, видимо, ошиблись адресом. Какого еще Алтуфа?

-Ковыряхина. - Уточнил Луканов.

-Никогда не слышал о нем. Вы уверены...

-Ну как же, доктор? Красивое, добрейшее лицо... - Луканов неспешно расстегнул пальто и снял картуз. - Помнится орлиный нос его, густые брови вразлет, а глаза карие с хитринкой... Не ваяйте дурака, господин Леснин, вы знаете, о ком мы говорим.

Доктор позвонил в маленький колокольчик, и тотчас явился худощавый человек средних лет, чисто выбритый, с манерами вышколенного слуги.

-Фаддей Иванович, этим господам нужно заключение вскрытия Ковыряхина. Гляньте, есть оно у нас или его уже забрали. Когда, вы говорите, был доставлен кадавер?

-Четырнадцатого ноября. - Ответил Алексей.

-Кроме заключения вскрытия Алтуфа-Ковыряхина нам необходимо заключение вскрытия Глеба Семеновича Разивильского и желательно взглянуть на эти оба тела.

-Господа, поймите меня правильно, здесь морг. У вас есть хоть какая-нибудь официальная бумага?

-О какой бумаге идет речь? Я следственный пристав Луканов Савелий Платонович, это мой помощник господин Сугробин. Так что будь добры выполнять наши требования. Итак, куда нам следует пройти?

Леснин встал, накинул на плечи белоснежный халат и сухо бросил:

-Прошу за мной, господа. Кстати, вскрытие тела Разивильского делал другой доктор.

-Кто именно? - Спросил Луканов.

-Кондратий Петрович Брюн. А тело Разивильского уже погребено, разумеется, за казенный счет.

-То есть как уже погребено? - Алексей мельком взглянул на Луканова. - Отчего такая поспешность?

-Никакой поспешности. Обычная процедура для невостребованного трупа. Кроме того, тело почти неделю было в воде... Вы представляете в каком оно находилось состоянии? Прошу вас... Входите.

Леснин распахнул рифленую дверь холодильника, шагнул к стальному столу и потянулся, чтобы откинуть простынь, но передумал и с некоторым сомнением повернулся к сыщикам.

-Господа, - тихо сказал он, - возможно, прежде покойный был красивым молодым человеком, но сейчас навряд ли вы найдете его привлекательным... Собственно то, что при жизни называлось головой, теперь почти начисто отсутствует.

-Смерть никого не красит, - отрезал Луканов. - Ну же, не тяните, доктор, у нас крепкие нервы.

Леснин отдернул простынь.

-Это ужасно! - Алексей сморгнул и невольно отшатнулся.

Совершенно иначе воспринял ужасающее зрелище Луканов. Ни единый мускул не дрогнул на лице. Свежие, гладкие щеки его даже не побледнели.

На сыщиков уставились мутные, подернутые студнем глаза Алтуфа. От кадыка до низа живота шел незащищенный разрез. Желтели вывернутые ребра. Дуга аорты, легочная артерия, сердце и околосердечная сумка повреждены, а живот нафарширован месивом из его же собственных потрохов. Голова Алтуфа вдавлена до самой нижней границы лба и представляла собой спекшийся ком из мозгов, крови и осколков костей черепа.

-Что это. - Спросил Луканов. - Почему тело в таком виде?

-В каком, собственно, виде. - Удивился Леснин. - У нас здесь не выставка изящных искусств, у нас здесь мертвецкая, господа.

-Ну так что ж. - Алексей понемногу приходил в себя. - Значит можно содержать тело в таком безобразном состоянии?

-Послушайте, молодой человек. Это тело, особенно верхнюю, головную его часть привели в такое состояние вовсе не мы. Помимо того, сегодня тело захоронят. Зашивать его и гримировать некому да в этом нет особой необходимости. Погребение за казенный счет.

-Как это нет необходимости?.. Тело в таком разодранном виде что мне, к примеру, неясна причина смерти. Толи от удара по голове, толи, простите доктор, от потрошения его мечом-катаной на манер самураев. - Луканов достал папиросу. - У вас здесь можно курить?

-Сделайте одолжение... Курите. Ну а что касается причины смерти... Видите ли... В начале распад ткани происходит там, где имелось прижизненное кровотечение. Если вы внимательно посмотрите, то увидите, что тлен тронул голову, но все что ниже ее пока еще в очень приличном состоянии. Господин Ковыряхин умер от мощного удара по темечку.

-Господин Леснин, по вашему мнению, чем именно можно так ударить, что голова этого... господина превратилась в месиво из крови, мозгов и обломков черепа? - Сугробин достал записную книжку.

-Такое ранение возможно при падении на голову достаточно тяжелого предмета. Сундука, например.

-Сундука? - Луканов взглянул на Сугробина. - Г-м... Когда вы говорите состоится погребение?

-Полагаю, сегодня. Ну что, налюбовались?

-Вполне. - Савелий Платонович, зябко поежился и поплотнее запахнул пальто. - Пойдемте. В дверях холодильника стоит доктор Брюн:

-Да, ваше превосходительство, сквознячок у нас здесь вольготно гуляет! Но, видите ли, те, кто находят здесь временное пристанище, не протестуют... Им уже все равно. В конечном счете, согласитесь, это великое преимущество, если вам случалось размышлять на эту тему.

-Здравствуйте, уважаемый доктор. - Луканов приветливо улыбнулся.

-И вам здравств. Весьма приятное времяпрепровождение, не так ли? Господин Сугробин, как прошла экскурсия?

-Впечатляет, знает ли...

-Дверь та, да за дверью не то... - улыбнулся Брюн. - Я понимаю ваше состояние.

Они вернулись в маленький кабинет Леснина.

-Ну что ж. С причиной смерти Алтуфа более-менее ясно. – Сказал Луканов, садясь на предложенный стул. – А по поводу смерти Разивильского нам, верно, расскажете вы, Кондратий Петрович? У вас есть какая-нибудь гипотеза?

-Гипотеза? Господи, да у меня всегда океан гипотез! Но основная причина смерти Разивильского - отравление. Ничто в этом мире не меняется, а мы души игрушек господних. Вначале травят, потом предают земле или воде. Алексей, не стойте. Присаживайтесь куда-нибудь. Вон хоть на тот табурет. Наши каморки не сравнить с вашими аванажными кабинетами, так вы уж извините, кресел у нас нет.

-Да ничего. Спасибо, Кондратий Петрович. – Смутился Алексей.

-Вы что-то нашли интересное? Верно свеженькую улику? А, доктор?

-Угу, - буркнул Брюн. - Нечто в этом роде.

-Ну так не томите. Мы вас слушаем.

-Цианид.

-В смысле? – Спросил Алексей.

-Цианид это яд, которым отравили Разивильского. Господа, у меня есть отличная массандровская мадера и засахаренные лимонные корочки, они очень полезны для здоровья. Как, господа сыщики, вы не против?

-Мы? Ну что вы, доктор! С превеликим удовольствием, но только прежде поклонитесь, что мадера не передана вам на предмет обнаружения в нем крысиного яда.

-Вы, Савелий Платонович, все шутите.

Брюн раскрыл свой докторский саквояж, пробубнил - все мое ношу с собой - и вытащил темного стекла бутылку мадеры.

-Коллега, - обратился он к Леснину, – вы составите нам компанию?

-Увольте, Кондратий Петрович. Я, пожалуй, пойду. Извините меня, господа, дела...

-Жаль... Господа, вы слышали новость?

-Кондратий Петрович, за последние пару дней мы только и делаем, что выслушиваем всякие новости.

-Моя, Савелий Платонович уникальная... Наш государь повелел руководству Военно-медицинской академии выдать диплом доктора медицины некоему Филиппу Вашо. Представляете? И это прощелыге, у которого нет вообще никакого образования, а в своей росписи он делает сразу три ошибки! Ох!.. Всякая пипетка мечтает стать клизмой, а у нас в России это можно запросто.

-Что ж, тем самым этот Филипп признал науку выше своего колдовства. Ведь не руководство же академии хлопотало о признании мосье Филиппом ее заслуг и даровании диплома мага, а чудодеев Филипп о медицинском дипломе. Так что пальцы в кулак, и все уладится... Через пару месяцев этого пройдоху, как водится, выгонят и пригласят нового.

-Да, но милости Николая Александровича на этом пассаже не иссякли и новоиспеченному медику пожалован чин действительного статского советника.

Луканов усмехнулся.

-Вы же понимаете – на дворцовом паркете, да в просторных башмаках немудрено и поскользнуться. Но, что наш яд?

-Ох, беда, беда! Тут еще люмбаго проклятущее вконец замучило. Прошлой ночью меня пронзила просто-таки невозможная боль, но, слава богу, к утру отпустило. – Брюн достал огромную черную сигару. – Да что яд? То, что Разивильский именно отравлен стало ясно с самого начала. Следы насилия отсутствовали. В легких нет воды и, следовательно, он не захлебнулся. Остается яд. Анализ показал цианид. Если точнее, то это был цианистый водород. Действует надежно и почти мгновенно. Но в случае с Разивильским доза цианистого водорода была мизерная и смешана с сахаром, потому чтобы убить Разивильского, необходим был предварительный прием алкоголя. Алкогольная интоксикация самой разной степени тяжести в разы повышает всасывание и действенность любого яда.

-А для чего тогда надо было смешивать цианид с сахаром? – Спросил Алексей.

-Для привкуса. Исключительно для маскировки отравы. Цианид с сахаром всыпанный, например, в бокал десертного вина не определяем на вкус.

-Но отчего убийца или устроитель убийства не употребил более верный вариант цианида? Ну, скажем, цианистый калий? Или его сложнее достать?

-Нет, Алексей. Вовсе не сложнее. Но цианистый калий, в качестве яда, употребляют только в скверных английских романах. На самом деле, мгновенную смерть вызывает именно цианистый водород, а не цианистый калий. Извольте для сравнения, смертельная доза цианистого водорода всего 50 миллиграммов, смерть наступает в течение одной секунды. Цианистого калия надобно съесть не менее 200 миллиграммов, а процесс умирания займет от нескольких минут на пустой желудок или часы на полный. Причем процесс умирания будет весьма мучительным и в начальной стадии вполне обратим. Говоря иначе, человека можно спасти банальным промыванием желудка посредством зонда.

-Значит яд, которым накормили Разивильского, цианистый водород. А можете ли вы сказать, сколько прошло времени между убийством и погружением тела в воду?

-После принятия с алкоголем отравы Разивильский прожил не более двух минут. Это все что я могу сказать достоверно. Остальное домыслы. Думаю, что после отравления его почти сразу, в пределах полутора-двух часов и сбросили в Обводный.

-Но ведь вот так запросто купить цианид нельзя. Значит можно проследить...

-Оставьте, Савелий Платонович! Проследить его происхождение практически невозможно. Цианид это не экзотический тетраэтилсвинец, которым убили Радецкого. Он достаточно известен и широко применяется, например, в фармакологии или, скажем, в цинкографии.

-Но яд?

-Да и что из того, что яд? Да зайдите, к примеру, в аптеку профессора Блеймана, что на Знаменской и удостоверьтесь сами, что купить цианид может любой человек.

В кабинет, постучав, вошел Фаддей Иваныч:

-Господа, затребованных вами заключений у нас нет.

-Как это нет? – Удивился Алексей. – Куда же они делись? Вы хорошо посмотрели? Или, может их уже забрали?

-Никак нет, ваше благородие, в книге не значится, что они кому-то выданы. Так что, виноваты... Но мы их обязательно найдем и доставим лично вам в управление.

Выйдя на Литейный Луканов некоторое время обозревал стоявшую у ворот больницы дорожную карету с гербом на дверце. Вокруг герба желтеют завитушки баронского венка. Маленький фонарь, подвешенный внутри кареты, освещает бархатные подушки. Кучер на козлах, не обращая внимания на дождь, клует носом. Две понурые лошади, заботливо прикрытые толстыми попонами, выдыхают пары.

Мимо прошел долговязый мужик с котомкой за плечами, из которой торчат столярные инструменты... Савелий Платонович вежливо посторонился.

-Вот что, Алексей, сходи-ка ты, на Знаменскую, тут рядом, и навести аптекаря-профессора Блеймана. Узнай, как бы невзначай, насколько просто можно купить цианид, а после ко мне. А я пойду домой, верно, Гудович уже возвратился с новостями из околотка.

-Хорошо, Савелий Платонович. Но что теперь делать с заключениями?

-Какими заключениями?

-Ну, как же... вскрытий.

-Пустое это. Нет их и не надо. – Луканов широко улыбнулся. – Для нас гораздо важнее то, что их нет. Следовательно, они кому-то очень понадобились. А сей факт укладывается в мою схему.

-Какую схему?

-Предварительную, но пока говорить о ней рано.

Глава 15

Околоток Литейной части расположен на Сергиевской, почти вплоты к Сергиевскому собору. Вплоты настолько, что Гудович не заметил околотка и прошел мимо до писчебумажного магазина «Вереск», источающий тонкий аромат свеженьких, скрипучих тетрадок.

-Любезный! - Окликнул он бравого на вид дворника, стонявшего от входа в магазин в сливной люк огромную лужу. – Скажи, где тут околоток?

-Тю! Да вы, барин, уже прошли его. Вертайтесь назад, а перед собором и будет он самый околоток. А зачем он вам?

-Жена пропала... - Бросил Гудович. – Тут не проходила?

Дворник отставил метлу и уже в спину Гудовичу добродушно заметил. - Да тута, барин, много всяких барышень ходють. Можа и ваша... - Обрушившийся шквальный ливень не дал ему договорить и он в два прыжка спрятался в подворотне.

Гудович добежал до неприметной двери околотка и ввалился в присутствие.

За единственным письменным столом сидит, если судить по звездочкам на погонах, сам околоточный. На клинообразном лице его выделяются нахмуренные брови, под которыми прячутся глубоко посаженные желто-карие глаза. Крупный мясистый нос нависает над широким тонкогубым ртом.

-Чему обязаны? – Спросил околоточный, равнодушно окинув посетителя беглым взглядом.

- Ну? Сударь, вы собираетесь отвечать?

-Я вас не задержу.

Околоточный на мгновение задумался и улыбнулся. Но улыбка его производила отталкивающее впечатление:

-Хорошо. Говорите.

-У меня приватное дело... Видите ли... Вы позволите присесть?

Околоточный кивнул на стул, приставленный к столу:

-Присаживаетесь и, ну же, говорите, наконец, что вы желаете сообщить полиции.

Гудович испытывал странное чувство неловкости, и даже робости перед околоточным. Это чувство, прежде незнакомое ему, сковывало его и оплетало в чугунный кокон. Он не испытывал страх, но вот если бы он пришел как сыщик... Тогда все было бы просто. Но Луканов наказал действовать неофициально, а вот как это «действовать неофициально» Гудович безнадежно не знал. Ну как, скажите на милость, назвать имя Алтуфа, но чтобы околоточный не понял о ком пойдет речь, но, тем не менее, сказал бы, кто производил обыск в квартире этого треклятого Алтуфа? А тут еще этот полузабытый запах сургуча, ваксы и давно немых тел. У Гудовича перехватило дыхание, а во рту появился противный кислый привкус. Показалось, что и без того густые брови околоточного стали еще более густыми.

Лампочка под потолком присутствия окутана толстым слоем пыли и светила сквозь него робко и неверно. Сумрак придавал Гудовичу некую слабую надежду, что краска стыда, залившая его лицо, не видна и что ему как-нибудь удастся выполнить поручение. Но мысли разбегались ртутными шариками, не поймашь их и в лужицу не соберешь.

-Я задал вам вопрос. – Прервал молчание околоточный.

-Да-да. Я помню. Вы спросили...

-Ну же! Я жду ответа-с. Скажу вам, я действительно хотел бы знать, что привело вас в околоток. У вас неприятности? Назовите хотя бы ваше имя. – Околоточный включил настольную лампу и пододвинул к себе книгу регистраций.

Свет лампы упал на лицо Гудовича, он вздрогнул:

-Успокойтесь, я ничего не украд... никого не убил... Словом, мне нужно кое-что узнать. Узнать о своем родственнике. Брате... даже. Вот...

-Как мило с вашей стороны... А больше вам ничего не надо?

-Да, - без запинки подтвердил Гудович.

-И вы, - усмехнулся околоточный, - крепко прикусили язык в отношении всего остального?

-Чего всего... остального?

-Как ваше имя, например, как...

Закончить околоточный не успел. Дверь присутствия широко с треском распахнулась, и ввалились два городских. Между ними болталась голова небритого лохматого мужика, с очень добрыми и грустными глазами и с отвислым, как губы, животом. Мужик громко фыркал:

-Совсем креста на вас нет... ироды проклятушие!

-Что случилось. – Околоточный привстал.

-Хы, ваш-сок-родь! Дозвольте доложить!

-Докладывайте.

-Так что этот вот скрытно выдавил стекло и залез в склад колониальных товаров Торгового Общества «Хомин».

-Как это скрытно выдавил?

-Смазал медом бумагу, налепил на стекло и выдавил. Вот она, эта бумага. – Городовой показал ком серой бумаги, обмазанной с одной стороны медом и прилипшими к нему мелкими осколками стекла.

-Ты зачем в склад забрался? – Околоточный вышел из стола, подошел к задержанному и заглянул в глаза. – Отвечай, когда тебя спрашивают!

-Эх! Была, не дала... Какой склад?..

-Как твое имя?

-Меня Васеней зовут, меня в округе все знают.

-Васеней, значит?.. – Околоточный раскурил папиросу и выпустил дым в лицо мужику. - Что ж, теперь и мы тебя знаем. Где и на что живешь?

-Что бог подаст на то и живу. – Махнув рукой, ответил Васеня, мол, стоит ли беспокоиться о такой мирской чепухе.

-Но тогда зачем в склад-то полез? Стекло выдавил... Убыток причинил. Тебя с поличным взяли, чего ж отпираться-то?

-Не знаю я никакого склада, вашбродь. И стекол я не выдавливал.

-Минутку! – гаркнул околоточный. – Но вот городские говорят, что...

-Мало ли кто что говорит, – безапелляционно прокомментировал Васеня, – да эти ваньки рупь дадут, а два напишут. Вы их больше слушайте. Они вам такого натолкают. – Васеня победно окинул взглядом присутствие.

-Смотри, не ошибись, крысятник, это тебе дорого обойдется. Вы его где взяли? – Спросил околоточный городских.

-Да... Так в самом складе, ваш-сок-родь! Дворник заметил выдавленное стекло и в свисток... Мы и прибежали.

-Ясно... Значит, Васеня, у тебя вновь выросли зубы и ты в несознаку пошел? Тогда пусть с тобой квартальный с сыскными и разбирается. Процедура-то шаблонная. Давай этого жоха в кондей, авось к утру одумается. – Усмехнувшись, околоточный с выражением английского констебля размашистым жестом показал Васене на дверь без ручки с наружной стороны. В верхней половине двери темнеет квадратное оконце, забранное в частую решетку:

-Вы не будете так любезны, сударь, проследовать...

-Зачем? За что, ваше благородие? Мы ж не лы-ломимся. Мы ж за правду... Бы-большое дело... – Затараторил Васеня. Было видно, как он прилагает отчаянные усилия, пытаясь овладеть собой.

Тяжело лязгнул замок, дверь с оконцем открылась и городские поволокли мужика по узкому коридору в камеру:

-Пожалте, ваш-сок-родь! Ночку посидишь в расплодушке, а на завтра у квартального по-другому запоешь! И закрой гавкало...

-Так на чем мы с вами остановились? – Спросил околоточный, сев на место. Ткнув окурком в пепельницу, он достал из кармана платок и брезгливо обтер руки, как бы стирая ощущение грязи от Васени. – Ну же, сударь, не молчите. Говорите же, наконец. Или вы тоже желаете провести

ночь в камере в обществе этого любителя колониальных товаров? Но, может, вы предпочитаете отдельную камеру? Заранее предупреждаю, что камеры у нас со всеми неудобствами.

-Нет... Как это можно? В камеру...

-Тоже мне... Акунина Фандорьевна. Да очень даже можно-с и в камеру-с, уверяю вас.

-Я скажу... Впрочем, я уже все вам сказал. Мне нужно узнать про родственника...

-Про родственника, стала быть. – Протянул околоточный вслушиваясь в монотонный шум дождя за окном. - Что ж, про родственника это можно. Это запросто. Только рассудите, отчего вы пришли в околоток? Уж шли бы сразу к градоначальнику. Так оно сподручнее будет. Да-с. Вы, сударь, в рассудке? Если вы сейчас же не уйдете, я немедленно прикажу арестовать вас. Подите отсюда вон и чтобы я вас больше не видел!

Глава 16

Мелкий воришка Игнат по прозвищу Ошпырка нырнул в аптеку «Проф. Блейман и сыновья» и совершенно не таясь впахнул за пазуху две коробочки сахараина, что лежали под медным образком на прилавке, но у выхода его самолично сцапал хозяин аптеки, профессор Блейман.

Не перечая, Ошпырка выложил краденое, но когда хозяин предложил ему проваливать подобру-поздорову и более в его аптеку не соваться, возразил: дескать, это как?! - он - вор, злоумышленник, отчего не вызван городской?

Блейман недоуменно уставился на Ошпырку, высматривая в его лице черты нездоровой психики.

-Иди, шельмец, отсюда! Иди, тебе говорят! Тоже мне - Зевес-громовержец!

-Хочу полицию! - настойчиво заявил Ошпырка.

Профессор заподозрил в желании вора непременно попасть в околоток тонкую провокацию, ведь продажа и даже хранение сахараина постановлением Медицинского совета строжайше запрещалось, и потому его ожидал огромный штраф и возможно даже закрытие аптеки. После минутного раздумья Блейман принял парадоксальное решение, он предложил Ошпырке забрать похищенный сахарин, уйти и отныне никогда сюда не наведываться.

-Хочу полицию! - упрямо повторил Ошпырка. – Что мне сахарин? Да за него и гривенника не дадут.

-В чем дело?! – поняв, что от него требуют откуп, занервничал профессор, не зная, как вытолкать назойливого вора. - Что вы о себе возомнили?

И именно в этот момент колокольчик входной двери звякнул, возвещая, что вошел клиент. Профессор и вор застыли, каждый из них не знал, что делать дальше. Демонстративно проситься в полицию? Но вдруг это и есть филер, а в околоток ой как не хочется. Выгонять вора? Но вдруг вошедший филер и столь либеральное отношение к пойманному с поличным воришке вызовет подозрение и всплывет запрещенный сахарин³.

Все решилось очень просто. Сугробин с ходу понял щекотливость ситуации, молча подошел, взял воришку за шкирку и также молча вытолкнул его на улицу.

Хозяин аж голову бородатую, ученой ермолкой увенчанную, стыдливо в плечи вжал и зачастил:

-Благодарствую, мил человек, прям не знаю, что бы я без вас делал. Этого ворья ныне столь развелось, что приглашать городского всякий раз, поверьте, просто даже неловко...

-Ну что вы. Пустое. Всегда приятно оказать пустячную услугу приличному человеку.

-Не желаете ли травяного чаю, безусловно, за счет аптеки?

-Отчего ж? С превеликим удовольствием! Говорят, что он для здоровья весьма полезен.

³ В России, как и во всех европейских странах, использование сахараина (суррогат сахара) постановлением Медицинского совета от 7 августа 1890 г. строжайше запрещалось. Хранение и сбыт его карались огромными штрафами. В Европе, в частности, в Германии или Бельгии - тюремным заключением (прим для редактора).

Они сели за маленький круглый столик под сине-белой афишей «Слабительное профессора Блеймана умножит ваши дни!» и через несколько минут хозяин уже не испытывал неловкости перед новым знакомым.

-Чем могу служить, сударь? - осведомился Блейман, когда травяной чай – ядовито-зеленая жидкость без сахара и резким лекарственным запахом – был выпит.

-Вот гляжу я на этот плакат, - Алексей кивнул на афишу со слабительным, - и завидую вам. Вы кудесник. И не спорьте. Да-да, именно кудесник.

-Ну... Уж и кудесник... - Растрогался профессор. - Скажите тоже. Наука! А я всего лишь поденщик научной мысли, состою, так сказать, в пролетариате.

-Но, профессор, ваше слабительное умножающее дни, это просто-таки гениальное изобретение! Вы – гений!

-Оставьте, юноша. Я всего лишь интеллектуальный беспризорник. А гениями обычно называют умерших. Но вечность за нами и вечность перед нами, но, тем не менее, люди извечно озабочены достижением долголетия. Хотя признаюсь, мне пришлось изрядно попотеть над составом своего слабительного, но... Не смущайте меня, пожалуйста. Вы, верно, пришли за каким-нибудь лекарством?

-А ведь вы угадали, профессор! Мне действительно нужно этакое... Вы же лекарства сами изготавливаете, верно?

-Разумеется. У меня свой взгляд на болезни и исходя из своей концепции, я и смешиваю ингредиенты в необходимых пропорциях. Я даю людям то, чего они желают. К моему глубокому сожалению находятся люди, которое не ценят это должным образом.

-Почему?

-Потому, юноша, что будь ты трижды дураком и отъявленным мошенником, но если у тебя хватит ума выглядеть загадочным, то тебя будут уважать, ссылаться на твои заумные речи и всячески восхвалять. А толкового специалиста, презирающего дешевые уловки и эффекты, люди попросту не заметят... Правило трех «Н» - Ничто Не Ново! Меняется, к примеру, мода на штаны, но, извиняюсь, задница вечна и неизменна. Совсем не обязательно пережить нечто из ряда вон выходящее, чтобы понять, как бессмысленна наша жизнь, а второй раз родиться не выйдет. Да-с!..

-Я с вами полностью согласен, профессор.

-Мир как некая данность. А как же иначе? Нельзя же, в самом деле, утверждать, чтобы этот мир создан единственно для удовлетворения наших потребностей. Но равно и для наших болячек. Но если бы все лекарства, продаваемые ничего не подозреваемой публике, были так же невинны, как мое слабительное, мир был бы куда счастливее и куда меньше в нем было бы болезней.

-Но в чем секрет его?

-Секрет любого хорошего лекарства, юноша, - спустя некоторое время изрек профессор, назидательно подняв указательный палец, - секрет всякого пользующегося успехом снадобья для облегчения телесных недугов - это загадочность самого снадобья. Таково, к примеру, мое слабительное. Его можно принимать как угодно, сколько угодно, отчего угодно и когда угодно. Как наружно, так и внутренне. Согласитесь, что это очень удобно и экономно. Нет надобности покупать всякий раз новое лекарство.

-Трудно с вами не согласиться. И каков рецепт этого чуда-средства?

-Я никому его не говорю, но вам скажу. Вы, я вижу, человек порядочный. Вы имеете карандаш и бумагу? Впрочем, записывать не надо. Слушайте и запоминайте, и, пожалуйста, не публикуйте его без моего разрешения. Итак, необходимо взять полфунта хрена, растереть и добавить сок двух или трех лимонов.

-И все?

-Вы имеете все ли это? Тогда, разнообразия ради, можете присовокупить сахару, но ни в коем случае не сахарина. Впрочем, вполне можно и без сахара. Помимо послабления желудка, данное попури разлагает источник всех болезней, а именно слизь. Очистите организм от слизи и будете жить тысячу лет. Ищущий долгой жизни да обрящет ее с моей, разумеется, помощью.

-А как принимать это ваше лекарство?

-По желанию. Но я обычно рекомендую два раза в день по чайной ложки натошак или, если наружно, то два раза в день мазать больное место.

-И что действительно помогает?

-Еще как! Например, паралич сердца, результат сильного приступа рвоты, вызванного, в свою очередь, тем, что больной съел что-то неудобоваримое. Мое слабительное весьма поможет избежать летального исхода. Или возьмем истерию... Истерия, юноша, очень тонкий и глубокий предмет, понять который мужской ум способен только посредством долгого и прилежного практического изучения.

-Но, профессор, как может вылечить истерию ваше слабительное?

-Вот станете постарше, тогда и вы, возможно, будете разбираться в истерии и как ее следует лечить. Годам к пятидесяти или около того... Вместе с приобретением больной печени вы, юноша, потеряете многие свои иллюзии. И в отношении истерии, также. Кстати, тут прослеживается еще одна интересная закономерность: чем больше болит ваша печень, тем меньше у вас всяческих химер и вы становитесь все большим реалистом. А вы думаете, что прозрение наступает только в глубокой старости? Только у людей, страдающих хроническими запорами и зачитывающимися философскими трактатами? Чушь! Больная печень! Вот что весьма способствует прозрению. Ох! И мне надо пить минеральную воду от печени. Вы не посоветуете, какую именно?

-М-м-м... Грузинское Боржоми, может быть?

-Боржоми? Впрочем, никакой недуг не страшен, если внушить себе, что им страдаешь не только ты, но и все остальное человечество. С годами начинаешь осознавать иллюзию всех благ цивилизации, если эта цивилизация не может дать ни здоровья, ни счастья, ни любви или хотя бы покоя! Меж тем, мое слабительное даже способно укрепить семейные узы.

-Вот как? Очень интересно. И как же оно укрепляет эти узы?

-Оно остужает мужчин, подверженных к хроническим бедам. И... - профессор немного помялся, - мое слабительное потрясающий новый способ упышнения бюста. Да-с! Вы что-то хотите сказать, юноша?

-А...

-Понимаю. Скажете, что я шарлатан? Отчего ж... Впрочем, я не оспариваю! Да - я шарлатан. Но в отличие, скажем, от восточной аптеки «Ганг», что расположена напротив, умеренный, ибо не причиняю вреда и не вытряхиваю из карманов больных бешеные деньги за склянку сушеных поганок из Шанхая, либо «индийского бальзама» из пережженных персиковых косточек. Трижды прав Артур Шопенгауэр, утверждавший, что умные люди на Востоке искали и нашли практическую мудрость на Западе. И только западные глупцы продолжают искать духовность и здоровье на Востоке. Да-с.

-Спасибо вам, профессор. Я слышал о вашей порядочности и именно оттого и пришел к вам. Видите ли, я произвожу гальванические опыты и мне необходимо немного цианида.

-Этакая незадача! Цианид! Но синильная кислота, юноша, смертельная отравка и обращаться с ней необходимо крайне осторожно.

-Я знаю, профессор.

-Хорошо... С вас три рубля и сорок две копейки. Товар заберете сейчас или вам его доставить на дом?

-Три рубля? Профессор, я зайду чуть позже. У меня нет с собой нужной суммы.

-Сделайте одолжение. Моя аптека работает до семи вечера. Прошу вас. В любое время буду рад видеть вас.

Глава 17

Выйдя из околотка, Гудович обратил внимание на странное поведение прохожего, шагавшего несколько впереди него. Через каждые двадцать - тридцать шагов прохожий, по виду

мелкий служащий, наклонялся либо для того, чтобы завязать шнурки, либо чтобы подобрать упавший зонтик, либо по другому поводу. Но всякий раз он ухмылялся и, слегка обернувшись, искал глазами именно Гудовича. Узкое, продолговатое лицо его, словно вытягивалось от усердия и напряжения, а взгляд как бы говорил: «Я-знаю-чего-ты-хочешь-и-это-есть-у-меня».

«Что бы это значило? - прошептал Гудович. - Слежка? Но так непрофессионально... Весьма любопытно».

Так, следя друг за другом, они прошли по Литейному мимо Бассейной и повернули на улицу Жуковского. Внезапно прохожий кинулся под арку. Гудович сам не зная почему, бросился следом.

В глубине двора, Гудович вскользь заметил вывеску шорника, а с левой стороны подъезд. Прохожий мелькнул в дверях. Константин Георгиевич осторожно вошел в подъезд и стал медленно подниматься по лестнице.

Когда Гудович добрался до последней площадки, дверь единственной квартиры была широко распахнута. Он секунду прислушался, вошел и застыл на пороге, тяжело дыша. В большой, ярко освещенной гостиной за круглым столом под белой скатертью сидел и приветливо улыбался Силин, но взгляд его равнодушно холодил.

-Входите, Константин Георгиевич. Не стесняйтесь. Входите и присаживайтесь к столу. Выпьем чаю. Или вы предпочитаете кофе? У нас есть... Прошу вас.

Гудович ошеломленно сел и осмотрелся.

Красивый резной угловой шкаф старинной работы возвышается у стены возле дверей, другой заполняет нишу возле камина. Цветные копии картин Серова и Васнецова висят на узком простенке, не занятом книгами. У книг удручающий вид: однажды купленные, они, видимо, никогда не снимались с полок. Скованные роскошью романисты, историки и поэты стояли в строю, как войско, навеки застывшее на парадном смотре.

Всему в этой комнате определялось свое, раз и навсегда отведенное, место. Единственными вещами, по всей видимости имеющими некоторую свободу перемещения, были перламутровая сигарная коробка на столе и переносный телефон на секретере.

-Мне понадобилось срочно переговорить с вами, уважаемый Константин Георгиевич... Так что... - И словно отвечая на еще не высказанное возражение. - Да нет, вы ошибаетесь. Если бы я вам написал или позвонил по телефону, вы бы не пришли... Либо заявили бы во главе с Лукановым. Я же хотел пока повидать вас одного и подумал, что нет лучшего способа, чем послать недотепу-филера с задачей заинтриговать вас и показать этак ненавязчиво эту квартиру. Кстати, - Силин крикнул в открытую дверь, - господин ротмистр, вы свободны и, будьте любезны, закройте за собой входную дверь. Мне необходимо поговорить с гостем тет-а-тет.

Силин снова повернулся к Гудовичу:

-Может, вы меня не узнаете? Я – Гурьян Уварович Силин. Мы с вами встречались во время расследования дела убийства адвоката Радецкого. Ну? Припомнили?

-Отчего ж... Хорошо помню вас, господин Силин.

-Ну вот и отлично! Я полагаю, что вы не сердитесь на меня за столь эксцентричное приглашение? Я вижу по вашим глазам, что сердитесь... Но человек видит лишь то, что готов увидеть. Так и с вами получилось, господин Гудович. Я имею в виду неуклюжую слежку за вами.

-Нет... Не сержусь. Да и как сердиться на вас, сударь? Ведь вы - охранка.

-Да бог с вами, Константин Георгиевич! Какая же мы «охранка»? Мы полиция и служим в одном департаменте. Мы, если угодно, кураторы. Кураторы душ человеческих, но тем, кто живет честно, не следует нас бояться.

-Не поймите превратно, я вовсе не хочу сказать, что...

-Да, ладно, ладно. Давайте перейдем к сути.

-Суть в том, Гурьян Уварович, что я не должен быть здесь, Никогда. А впредь мне даже не стоит и близко подходить к этому дому.

-А я-то по простоте душевной думал, вам будет приятно встретиться и поговорить со мной. Честное слово.

-Что вам нужно?

-Покамест услышать ответ на всего один вопрос. Савелий Платонович действительно намерен расследовать убийство Алтуфа?

-А вам какое дело? Очень странный вопрос... для полицейского.

-Господин Гудович, вы, если я не ошибаюсь, прежде служили околоточным надзирателем третьего разряда Александр-Невской части?

-Первого...

-Простите?

-Я служил околоточным надзирателем первого разряда.

-Пустые рассказы... У вас устаревшие сведения. Ныне вы весьма легко можете вернуться на прежнее место, но уже околоточным надзирателем третьего разряда. Между прочим, довольствие околоточного третьего разряда, как вы, верно, знаете, втрое меньше жалования околоточного первого разряда. Изволите с-сегодня же подать рапорт о п-переводе? Нет? Ну и ладушки! Уж не думаете ли вы, что я ожидал вас здесь с неистощимым запасом весьма рискованных анекдотов? Ан нет! Впрочем. Вы все, конечно, сами понимаете. – Силин пододвинул сигары. – Прошу вас, Константин Георгиевич. Курите. Вот кофейник. Смело наливайте и пейте кофе. Будьте как дома. У нас здесь все по-простому, без церемоний. Вам повторить вопрос? Или вы его помните?

-Да.

-А что означает ваше «да»?

-Савелий Платонович решил расследовать убийство Алтуфа.

-Отлично. Меня это искренне радует. Нет, правда, это просто великолепно! Будет трудно, но... А что вы-то делали в околотке на Сергиевской?

-Нужно было узнать, кто производил обыск в квартире Алтуфа.

-Ну и что? Узнали?

-Нет.

-Так что же вы там делали почти сорок минут? Чай с околоточным гоняли?

-Нет.

-Значит, околоточный чаем вас не потчевал... - Задумчиво сказал Силин и забарабанил пальцами по столу. – Знаете, господин Гудович, ненужно видеть во мне врага. Мне известно отношение ко мне Сугробина и мне бы не хотелось получить еще одного недоброжелателя возле Луканова. Очень не хотелось бы... - Он слегка наклонился к Гудовичу и сказал, глядя прямо ему в глаза. - Пожалуй, я знаю, что вы делали в околотке. Сказать?

-Ну...

-Вы, Константин Георгиевич, не выполнили указание Луканова. Вы мычали что-то неразборчивое и околоточный вас попросту выгнал. Я прав?

-Ну... в общем то...

-Пса пахать не запряжешь, но я, все-таки, помогу вам. Но услуга за услугу, Константин Георгиевич. Обыск производили мы, но вот список... Его у нас нет. А как я понимаю, Савелий Платонович ищет не сколько убийцу Алтуфа, сколько сам список. И правильно делает, что ищет именно его. Для меня это дело закрыто, но остался некоторый интерес, потому мы с вами еще встретимся. Приватно, разумеется. Меня крайне интересуют все обстоятельства дела Алтуфа, особенно судьба списка. И помните, я ненавижу терять друзей. Я однолюб и потому эгоист. Ну, а теперь, до свидания. Сами понимаете, что докладывать Луканову о нашем разговоре не следует. Когда будете уходить, просто захлопните за собой входную дверь. И, пожалуйста, будьте осторожны, метеорологическая служба предупредила о возможном наводнении. Нева уже выше ординара на два аршина.

-Благодарствую за заботу.

-Я бы не прочь оказать вам услугу, господин Гудович... Словом, если у вас появятся какие-нибудь новые факты, я в вашем распоряжении. Вот моя визитная карточка. И помните, в достижении цели важны вовсе не намерения, а конечный результат, и иногда неудачное

знакомство лучше, чем никакого. Да и, собственно, все мы понемногу ловчим, хотя предпочли бы обойтись без этого.

Силин встал, открыл дверь и исчез еще до того, как Гудович подумал, как ему надлежит поступить.

Гудович ощутил смутное беспокойство. В его голове еще долго не смолкал скрип ботинок Силина. Почему Силин? Почему именно сегодня? С таким как Силин с ходу и не разберешь, что конкретно ему нужно. Надо держать ухо в остро, а то напустит с ласковой улыбочкой липкого туману, что медленно, подобно опиумному дыму, окутает мозг.

Выйдя на улицу, Гудович медленно дошел до 5-й Рождественской, после, дойдя до Мытнинской, свернул налево и по 9-й Рождественской вышел уже на Бассейную. Он медленно шел, равнодушно поглядывая на выставленные в мокрых, но удивительно чистых витринах товары - духи, шелковые галстуки и рубашки, драгоценности, фарфор, старинную мебель, книги в добротных переплетах.

Гудович и сам не знал, зачем сделал такой большой крюк. Назвать это прогулкой затруднительно – шел дождь и сквозил промозглый ветер. Он просто шел и думал о Силине и что сказать Луканову, да и надо ли говорить. Ни дождя, ни ветра, ни наступающих сумерек он попросту не замечал.

Дойдя до дома Луканова, Гудович решил считать встречу с Силиным словно бы и не происшедшей, а полученные сведения передать как полученные им в околотке. Однако, если кто-то случайно, по забывчивости начальства, повышен по службе и ему напрямик сказали, что могут вспомнить об этом, то подобная проблема все же требует серьезного размышления. Да и какой бы не был плотный туман, какой бы он не был липкий, есть одно непреложное правило - туман не заглушает звуков.

Глава 18

Гостиная в квартире Луканова, казалось, пропиталась сигарным дымом. В пепельнице лежат два окурка. Третья сигара, выкуренная наполовину, продолжает дымиться. Горит настольная лампа под зеленым абажуром. Дождь монотонно и убаюкивающе стучит по оконному стеклу.

-День заканчивается, как ни странно, довольно плодотворно. Во всяком случае, мы теперь знаем, что заключения результатов вскрытий кому-то еще, помимо нас, понадобились. А купить в аптеке цианид, оказывается, проще простого.

-Савелий Платонович, но мы пока не знаем, кто производил обыск в квартире Алтуфа. – Заметил Алексей, меряя шагами гостиную.

-Константин Георгиевич сейчас должен прийти и поведать нам новости из околотка. И, пожалуйста, перестань метаться по комнате, сядь и успокойся.

-Что-то он задерживается... Может его оставили в околотке?

-Как это оставили?

-Да очень даже просто, Савелий Платонович. Посадили в кутузку, например.

В прихожей раздался звонок.

-Ну вот и Константин Георгиевич!

В гостиную, не сняв мокрого пальто и шляпы, вошел Гудович и прямо с порога выпалил, словно давно, назубок выученную фразу:

-Обыск производила охранка, но списка у них уже нет.

-Чрезвычайно интересно... А что, по поводу списка вам тоже поведал околоточный? – Громко прошептал Алексей, удивленно подняв брови.

-Алексей... - Луканов укоризненно покачал головой, - дай Константину Георгиевичу хотя бы отдышаться. Пальто снять. Шляпу... Ты уж сразу... А что еще в околотке сказали интересного?

-Более ничего, Савелий Платонович.

-Может быть, после и перед визитом в околоток вы еще куда-нибудь заходили? А, Константин Георгиевич? – Спросил Алексей.

-Нет. Никуда. А после околотка напрямик сюда. Куда же я еще мог пойти?

-Ну что ж... Теперь мы знаем, что квартиру Алтуфа обыскивала охранка, что она нашла список, но как-то ухитрилась его потерять. Но, тем не менее, вызывает и допрашивает свидетелей по этому списку. Тут есть, над чем подумать.

-Особенно над тем, что об утере доблестной охранкой столь примечательного списка известно даже обычному околоточному. – Буркнул Алексей. – Вот тут, в самом деле, есть о чем задуматься.

-Митька, - Крикнул Луканов, - принеси Константину Георгиевичу глинтвейну, да потеплей, да добавь в него красного перца.

-Нет-нет. Уже поздно. После трудного разговора в околотке я чувствую сильную усталость. Очень хочется спать. Я, если вы, Савелий Платонович, не против, отправился бы домой. Выпил бы чаю с малиной и пораньше бы лег спать.

-Разумеется! Иди, Константин Георгиевич, а завтра с утра в управление. Будешь сидеть в моем кабинете на связи.

-А вы что будете делать? Есть какие-нибудь версии? Зацепки?

-Пока ничего неясно. Может быть, завтра с утра или ближе к вечеру что-нибудь прояснится, тогда и будем решать. Впрочем, верно, займемся аптекарем Блейманом и его сыновьями, если, конечно, они у него есть. Покойной ночи, Константин Георгиевич.

-Если вы наткнетесь на что-то, способное помочь вашей памяти, - дайте знать. – Буркнул Сугробин.

Дождавшись ухода Гудовича, Луканов резко повернулся к Алексею:

-Вот так номер! А ты, Алексей, как всегда поперек батьки скачешь, и спешишь поразить мир блеском догадки. Думаешь, что если мы уличим Гудовича, то быстренько сможем выяснить, кто за кем охотится и вообще что происходит?

-Сорвалось. На ровном месте споткнулся. – Пробормотал Алексей. - Извините.

-Ладно. Он, по всей видимости, даже не заметил, что совершил оплошность. Пусть до поры полагает, что водит нас за нос. Нам это не повредит, а охранке будет одна приятность от нашего тупоумия.

-Так нам, Савелий Платонович, стало известно даже больше того, что вы говорили до прихода Гудовича.

-Это как сказать. Но ясно, что сведение о потере охранкой списка не упало с неба по наитию, как архангел Гавриил. Но тогда либо охранка желает направить нас по ложному пути и искать список там, где его никогда не было, либо охранка на самом деле потеряла список и хочет как можно скорее его найти.

-И еще одно...

-Что же?

-А то, что охранка и, скорее всего, господин Силин секретно встречался с Гудовичем.

-Это верно. Но вот зачем? По службе? Чтобы слегка поприжать Гудовича и поставить наше расследование под свой контроль? Или, может, чтобы передать нам, что список охранкой действительно потерян?

-Вы знаете, Савелий Платонович, мне сдается, Гудович ничего не узнал в околотке. Про обыск ему сказал Силин и, как бы ненароком, между делом вернул об утрате списка. Не стал бы Силин подлавливать на улице Гудовича, чтобы сказать ему вот, дескать, брат Гудович, потеряли мы список, такие вот неуклюжие мы, так и передай Луканову.

-Да... Это было бы просто нелепо.

-Но с другой стороны, если внимательно посмотреть, Силин не может не понимать, что мы поймем, откуда такие сведения у Гудовича. А между тем Гудович ничего не сказал об этой встрече. Значит, Силин предупредил его, чтобы их разговор остался между ними.

-М-да. Тут что-то не так. Силин тертый охотник за головами и достаточно умен, чтобы не делать такие ошибки. Хотя где же они, эти критерии ума? Но Силин, вероятно, специально подставил Гудовича, чтобы мы поняли, откуда ветер дует.

-Но Гудович-то? – Алексей криво усмехнулся. – Вид промокший, но невинный, как у тургеневской барышни.

-С ним не все так просто. Не будем его судить строго. Есть верное правило - никогда не доверяй людям, которым есть что терять.

-А что Гудовичу терять? – Удивился Сугробин.

-Место в управлении. Место, на которое он взлетел по случаю и которое в иных условиях было бы для него недостижимо. Потому для нас он, так сказать, темная лошадка.

-Карьерная высота - понятие относительное...

-Алексей, гордыня порой взлетает на такие вершины, что падение с нее может запросто убить. И хватит озабочено морщить лоб и смотреть на меня взглядом любителя задавать неразрешимые вопросы. Митька! Постели Алексею! Господин Сугробин нынче ночует у нас. И все, Алексей. На сегодня хватит! Спокойной ночи. А завтра с утра инкогнито проведем квартиру Алтуфа.

-Что будем искать, Савелий Платонович?

-Судя по всему, там и искать-то нечего. Визит для проформы. Но... Как знать?

Но сегодняшняя оговорка Гудовича не прошла даром и если раньше Луканов обращался к нему по большей части на «ты», то теперь Савелий Платонович стал обращаться к Константину Георгиевичу исключительно на «вы».

За ночь Нева поднялась еще на два вершка. Уровень воды достиг немногим меньше двух аршин выше ординара. Свинцовые Невские волны грузно разбивались о редуты Петропавловской крепости, на Невском Фонтанка почти сравнялась с Аничковым мостом, Стрелка Васильевского острова уже подтоплена. С флагштока Зимнего спущен императорский штандарт, государь с семьей отбыл в Царское село. А обитатели питерских полуподвалов всю ночь жгли на улицах костры, чтобы согреться и обсохнуть, в надежде, что к утру ветер с западного переменится на любой другой. Любой, но только не с Маркизовой лужи.

Постовые городовые не видели костров, или, может быть, они делали вид, что не видят грубого нарушения пожарных предписаний? Меж тем в лейб-гвардии для нижних чинов отменили увольнительные, а офицеров перевели на казарменное положение.

На небе ни звезд, ни луны.

Глава 19

В десять утра Луканов и Алексей пришли на Фурштадскую и позвонили в парадную дома госпожи Брянской, в которой неделю квартировал Алтуф.

-Открыто... - Крикнул консьерж.

Они вошли в фойе. Зеркала, лепные стены и потолки. Полированный мрамор ступенек и барская плавность красной ковровой дорожки...

Консьерж, сидя на корточках и, что-то бурча себе под нос, растапливал камин. Окинув пришедших оценочным взглядом, он нехотя встал:

-Чего вам угодно, господа? Вы к кому?

-Нам к доктору. У нас назначено. – Сказал Луканов.

-Это к какому такому доктору? – Наморщил лоб консьерж. Он напрягся и бросил взгляд на маленький телефонный коммутатор, но не решился взять трубку. – Нет тут у нас докторов.

-Ну как же, любезный, нет доктора. Он нам сам сказал, дескать, скажите Степке, что ко мне он и пропустит.

-А! Так бы сразу и сказали. Но доктор на дому не принимает. - Смягчился консьерж, но тут же настороженно осведомился. - А на каком этаже квартирует доктор? А? Знаете?

-Конечно. На четвертом.

-Ну тогда проходите. – Консьерж сладко улыбнулся. - Или прикажите проводить?

-Нет, спасибо, любезный. – Небрежно бросил Алексей, сунув в готовную ладошку Степки двугривенный. – Сами найдем.

Полированные бронзовые таблички жильцов, сверкают даже головки шурупов, которыми они были прикреплены к дверям. Медные кнопки новомодных электрических звонков. Запах дорогого одеколона «Шалимар» и старинных ковров. Слышатся музыка, мягкая перебранка на французском, детский плач... Вкусно пахнуло жареным цыпленком...

Сыщики тихо, почти бесшумно поднялись на второй этаж, на третий, четвертый и, даже не обратив внимания на дверь доктора, поднялись на пятый.

-Прекрасно. - Шепнул Луканов. – Действительно, квартира Алтуфа не опечатана. Это весьма кстати...

-Не опечатана, но заперта на замок. Без шума не обойтись.

-О каком шуме ты говоришь, Алексей?

-Так ведь дверь придется или отжимать, либо без затей грубо выламывать. Или у вас с собой ключи от квартиры?

-Да, конечно, у меня вся связка, - усмехнулся Луканов и вытащил из галстука булавку. - Алексей, каждый сыщик в душе взломщик, а открыть без ключа сей французский замок очень даже просто.

Пристав вынул из кармана складной ножик, раскрыл его и вставил кончик лезвия в замочную скважину, но не в центр, а несколько сбоку.

-Вот собственно и все.

-Хорошо иметь опыт чужих неприятностей. Но замок-то не открылся, - прошептал в самое ухо Алексей. – Вероятно, нужно сказать заклинание, что-то вроде «Сим, Сим откройся»?

-Ну не так резво. Это всего только подготовительная процедура.

-Какая еще подготовительная?

-Алексей, ты знаешь, как устроен французский замок?

-Нет.

-Так вот, он устроен и сложно и просто одновременно. Внутри замка имеется несколько штырьков, которые должны быть подняты при открывании ключом на определенную высоту. У всех замков высота подъема этих штырьков разная и именно поэтому ключ от одного замка не подойдет к другому. Но, поскольку замки сделаны не идеально точно, все они замыкаются на одном-двух, редко на трех штырьках вместо шести, предусмотренных конструкцией. В общем, технология вскрытия замка довольно элементарна, но требует определенной практики.

-Вот и доверяй после этого замкам. Взломают и глазом не моргнут.

-Замкам доверять никак нельзя... Но мы, Алексей, не взломщики. Мы не ломаем замок, а просто, в силу необходимости, открываем его. Только взамен ключа мы вставим вот это маленькое приспособление и потыкаем ей во всех направлениях. - Луканов распрямил булавку.

-А это зачем?

-Чтобы поднять на нужную высоту штырек, на который приходится большая часть нагрузки замка именно в этот момент.

-И все?

-Нет, конечно, сколько у замка задействовано штырьков, столько их и придется поднимать. Вот смотри!

Замочная скважина с упертым лезвием, чуть подалось влево.

-Один штырек готов. Теперь ловим следующий.

-А поднятый штырек не опустится, пока мы ловим другой?

-Нет. Его подожмет нож, подпирающий замочную скважину, вернее, сердцевина замка в которую упирает лезвие ножа. Все просто...

-Разумно, но не знаю, благоразумна ли наша затея. Наш общий друг Закон обрадуется, когда нас по этому взломному делу отправят на каторгу, а дело Алтуфа будет закрыто. Суший пустяк!

-Перестань, Алексей. Любая тайна всегда раскрывается быстрее, если ее открытием займется мошенник. Дело значительно упрощается.

-Так мы с вами, Савелий Платонович, скатились даже и не до взлома, а всего лишь до жульничества?

-Т-с с... В известных пределах – да. Но что делать? Если действовать строго по нашему общему другу - закону, то мы ничего не узнаем. Объясняю для тугодумов. Скверно? Да, черт возьми! Но что делать?

-О! Прекрасная мысль, господин следственный пристав! Прекрасная... Стало быть - обыск со взломом. Кстати, Савелий Платонович, вы, как специалист по замкам, видимо, знаете, почему эти замки называют «французскими»?

-Потому, господин поделщик, что конструкцию этого замка придумал Людовик XVI.

-Как? Неужто сам король Франции?

-Вот именно. Людовик был неплохим кузнецом и искусным слесарем и даже написал «Трактат о замках с комбинациями». Но замок, который мы вскрываем, один из самых простых королевских конструкций.

-Жаль, что такого толкового короля французы отправили на гильотину.

Тихо щелкнув, замок открылся. Сыщики вошли в квартиру и закрыли за собой дверь.

В квартире сильный, застоявшийся табачный запах, но прибрано, чистенько, если не считать пыли, что пушисто лежит на всем. Громко тикают швейцарские стенные часы с месячным заводом. Никаких следов обыска. Такое впечатление, что его вовсе не было. Так, не обыск, а пустая формальность, когда полицейские приходят с ордером, заранее зная, что искать нечего, но номинально что-то искать нужно. Посидят, покурят, выпьют чаю и состряпают между разговорами о повышениях, получении зимнего обмундирования и обменом мнений о новых яловых сапогах для унтер-офицерских чинов, протокол обыска, а после из соседней квартиры вызовут жильцов, которые и подпишут протокол в качестве понятых.

Луканов и Сугробин методично прочесали всю квартиру, но ничего интересного, хоть немного проливающего свет на тайну убийства Алтуфа или таинственный список не нашли. Единственным звуком, робко нарушающим тишину, было статичное пощелкивание электросчетчика в прихожей. Как это ни удивительно, но электросчетчики фабрики «Сименс», что возле Обухово, как перпетуум-мобиле, постоянно пощелкивали.

-Алексей, сверь показания электросчетчика.

-В смысле?

-Во время обыска данные электросчетчика вносятся в протокол, а после в расчетную книжку, что обычно хранится у счетчика. После обыска все электроприборы обязательно отключаются.

-Ясно... Гм, расхождение есть. Небольшое, но есть. Всего «нагорело» около двух киловатт.

-Почти два киловатта? Странно. Кто же пользовался здесь электричеством между обыском и нашим визитом? Два киловатта настольная лампа накрутит примерно за десять часов, люстра за три. Если включить свет во всей квартире... Думаю, за полчаса около двух киловатт и выйдет. Очень интересно. Мы свет не включали. Кто же здесь был?

Холодный дождь бил по стеклу, превращая его в дымчатое зеркало. Алексей сидел в кресле и перелистывал книгу «Описание и толкование половых извращений и излишеств» доктора Крафта-Эббинга⁴. Луканов смотрел в выходящее во двор окно. Все происходящее казалось каким-то нереальным и нелепым.

-Ну, что пишет этот доктор?

-А?... Да так... Вот, к примеру, «Поцелуй, относится к разряду действий, которые в зависимости от наличия привходящих обстоятельств могут быть возбуждаемыми и не возбуждаемыми...»

⁴ Д-р Крафт-Эббинг австрийский психиатр XIX века, впервые подробно описал половые извращения.

-Оставь, Алексей. Избавь меня от выслушивания этой ахинеи. Простенькая иллюзия простеньких людей. Да любая барышня сама вполне разберется в поцелуях, о которых слагает сей мифотворец, даже не будучи эскулап-девицей.

-Да уж... В самом деле, совершеннейший вздор. Впрочем, верно и другое: идеи, меняющие мир, обязательно сексуальны. Савелий Платонович, а, может быть, опросить жильцов? Соседей Алтуфа?

-Не стоит пытаться надевать штаны с чужого плеча, это решительно невозможно. Здешние обитатели поднимут такой вой о произволе сыскной полиции, что место квартального надзирателя в каком-нибудь Подпригорске на Таймыре покажется нам невероятно удачным повышением по службе. Конечно, нам не стать привыкать, но... Прокурор уже предупредил о непозволительности жалоб на наши действия. Ты же не хочешь присниться самому себе где-нибудь возле Сахалина?

Алексей посмотрел на Луканова поверх сползших на кончик носа очков, похлопал глазами и протянул:

-М-да... Вначале было слово. Потом составили протокол и опросили свидетелей. Но на шестой день господь сотворил склочников... Какой палец ни укуси, все одно больно. Что же нам тогда дальше делать?

-Искать... Но результат сегодняшней авантюры у нас все-таки есть. По существу никакого обыска, как мы выяснили, в квартире Алтуфа не было. Так, пустая формальность. Посему мы теперь можем предположить... определенно предположить, что внезапное богатство Алтуфа, его убийство, в общем, вся история с Алтуфом была подстроена с единственной целью, а именно легализовать происхождение списка. Сам список либо состряпан в недрах охраны, либо найден у особы, имя которой, по какой-либо причине не может быть названо публиче. Однако лица, указанные в списке реальны и этих персон вызывают для дачи свидетельских показаний. Дело Алтуфа приобретает особый интерес. Этаким налет... Боже! Что это? - Луканов побледнел. Глаза его стали холодными, как лед, а взгляд впился в окно дома напротив. - Черт!

Алексей отбросил книгу и с тревогой спросил.

-Что с вами, Савелий Платонович?

Но Луканов, словно не слышал, он весь подался в окно.

Алексей вскочил и бросился к окну. Но Луканов грубо толкнул его к выходу и сдавленным голосом проговорил:

-Быстро пошли отсюда. Очень быстро. Не сюда... Через парадное. Нельзя через черный ход, нас не должен видеть дворник.

-Что случилось, Савелий Платонович?

-Быстро... И пока без вопросов.

Лестница казалась бесконечной. Только вниз, взяв себя в руки, сыщики чинно прошли мимо консьержа. Уголком глаза Луканов приметил двух господ в фойе. Весьма обеспокоенные они о чем-то переговаривались.

Стенные часы показывали три часа пятьдесят минут.

Глава 20

Находиться в Царскосельском дворце все равно, что находиться в зале с избыточным освещением. Причем освещением постоянным - равномерным и предельно ярким, при котором тени практически отсутствуют, а очертания предметов как бы расплываются...

Император всероссийский Николай Александрович находился в своем кабинете и смотрел в окно. Вот в самом конце подъездной дорожки показался автомобиль. Государь почувствовал укол раздражения и уныло подумал: - «Опять какой-нибудь фельдъегерь. Бог мой, если бы они только знали, как они мне все надоели».

На столе лежат забытые бумаги, сверху телеграмма от Эдуард VII Английского - «Букингемский дворец ТЧК 17 ноября 1901 года ТЧК Наш дорогой Брат ЗПТ примите... В конце подпись: Твой добрый старый Тедди ТЧК». Император никогда не имел личного секретаря и даже

сам ставил печати на всех документах и потому собственноручно просматривал все бумаги. Но как приятно говорить по утрам с Фредериксом о семье, о дочерях, о предстоящих лыжных прогулках, о балете, о мюзик-холле, наконец, и нет желания заниматься делами или, хотя бы разобрать поступившие бумаги.

Около двух дня, что-то решив про себя, император с чрезвычайной озабоченностью распорядился, чтобы как только его сиятельство обер-камергер Феликс Эллиот де Конон появится во дворце, его незамедлительно препроводили к нему в кабинет. Выглядел Николай Александрович при этом весьма обеспокоенный, веки его покраснели, под глазами набухли мешки, уголки рта уныло отвисли.

В начале шестого Феликс де Конон прибыл, но ему понадобилось почти полчаса, чтобы пробиться в личные покои императора сквозь анфиладу дворцовых комнат, заполненных праздными адъютантами, скушающими фельдъегерями, лоботрясами надворными советниками каждый из которых старался попасть ему на глаза в надежде угодить, понадобиться, раскланяться или хотя бы обратить на себя внимание.

Императорский кабинет поражал пышностью. Позолота переплетов, рамы картин, gobелен во всю стену. Посредине стоит огромный письменный стол, за которым сидит хмурый Николай Александрович. Заметно, что он тщательно контролирует свое лицо, стараясь скрыть беспокойство.

Как только бесшумный лакей закрыл за Феликсом де Конона дверь, император привстал, перегнулся через стол и холодно прошептал:

-Вчера наш гость и друг мосье Филипп отказался беседовать с Аликс. Императрица крайне огорчена этим обстоятельством и с утра страдает мигренью. Милые привычки... Вы верно уже знаете причину отказа в беседе? Лично я нахожу ее достаточно веской. Разумеется, огорчение императрицы крайне угнетает меня. Что вы можете сказать по этому поводу?

-Ваше величество, мы ищем. Я только что разговаривал с генералом Лорером. Он...

-Пустое, сударь. Впрочем... Кто это?

-Простите?..

-Я спрашиваю - кто это, этот Лорер?

-Генерал Лорер служит в охранным отделении.

Николай Александрович сморщился и прижал ладонь ко лбу:

-Никогда не слышал о нем.

-Лорер произведен в генералы еще императором Александром Александровичем.

-А... Ну да. Батюшка много сил положил на усиление полиции. Погодите, этот ваш Лорер не родственник декабриста Лорера?

-Да. Именно майора Николая Ивановича Лорера.

-Гм... – Император встал и подошел к жарко горящему камину. Вытянув руки к огню, он зябко пошевелил пальцами. Зрачки его мгновенно расширились и отблески пламени зловеще заиграли в глазах. - Послушайте, де Конон, а нельзя ли обойтись без охранного отделения? Аликс весьма твердо настроена против нее. Если она узнает о вашем Лорере, да еще то, что он потомок инсургента... Боже мой, появиться еще один повод для огорчения!

-Ваше величество, насколько я понял, в данной ситуации нам, в первую очередь, следует учитывать мнение мосье Филиппа.

-И мнение Аликс. - Николай порывисто вернулся к столу. – Оставьте это. Учитывать мнения... Наш друг мосье Филипп обещал предсказать дату рождение наследника престола всероссийского. И я и Аликс весьма благодарны ему за это. Он единственный знает, что лежит между реальным настоящим и гипотетическим будущим. Но... Впрочем, может вы и правы. Но что ваш генерал? Расскажите обо всем подробно, что известно доподлинно, но, прошу вас, без тягостных полицейских подробностей.

После травмы головы, нанесенную ровно десять лет назад японским полицейским Сандзо Цуда за непристойное поведение в буддистском храме, Николай Александрович отличался неумение слушать и, как всегда, желал немедленного действия, а не рассказов. Оттого де Конон

потерял около часа на то, чтобы доложить сведения, которые он смог бы сообщить за десять минут.

Николай Александрович слушал насуплено и невпопад задавал вопросы. Лишь при упоминаниях имен Радецкого и Луканова он оживился, а взгляд его приобрел уместную осмысленность:

-Так ведь список уже был у вас. Этот ваш Луканов нашел же его у Радецкого. Так куда же он делся?

-Часть списка потеряна при невыясненных обстоятельствах.

-Вопрос прежде всего состоит в том, куда он делся. И второй вопрос - что значит часть? Часть от чего? Вы умудрились потерять именно ту часть, что и нужна нам. Вы слышите, ваше сиятельство? Именно ее вы со своим генералом и всем охранным отделением вкупе и потеряли.

-Это временная утрата. Список ищут. Луканов сыщик опытный...

Николай Александрович поправила бумаги на столе, открыл рот, потом захлопнул его и, щелкнув зубами, надвинулся на де Конона прохрипев:

-Какая мерзость. Не так ли? Но меня никогда... слышите, никогда и никто... Я не потерплю этот блеф! Список, точнее то, что в нем, ищут уже пять столетий... А вы... ваше сиятельство... Да вы, верно, хотите в Шлюшин? Вы социальный утопист или анархист? Мне докладывали, что вы почитываете Кропоткина и Мережковского. А это, сударь, начинает уже набивать оскомину. Шлюшин, а не «Орден Белого Орла» к вашему пятидесятилетию будет лучшим воздаянием за ваши заслуги!

Слово Шлюшин, как чугунное пудовое ядро с грохотом вкатилось прямо в душу Феликса де Конон. И одновременно в его душе зародились две опасности - одна далекая и неведомая, а другая тут рядом, но смыкались они в одном месте, в сырой и безвременной одиночке Шлиссельбургской крепостной тюрьмы. Ему вдруг показалось, что голос императора словно раздвоился, зазвучал мощнее. Выдавлив улыбку де Конон сдавленным голосом произнес:

-Ваше величество, я был и есть верноподданный монархист, но то, что я предлагаю, следует рассматривать как необходимый тактический ход. Применить, если позволите, тактику внезапной обороны. Императрица Александра Федоровна поймет...

-Замолчите! Как вы смеете! То, что вам так неосмотрительно дано, должно быть предусмотрительно взято обратно. Вы меня огорчаете, право. Вот оно - подлинное равнодушие! Речь идет о вещах поразительных и необъяснимых! А вы что-то там о тактических ходах. Да и о каких предложениях вы изволите говорить? Что вы можете предложить?

-Пока отвлекь мосье Филиппа. Он же ныне, благодаря вашей милости, доктор медицины; так пусть посетит Кунсткамеру или анатомический театр, например. Пусть узнает, наконец, как устроено человеческое тело. На то время, как Луканов...

-Что-что?.. Да вы опять со своим Лукановым? Что вы все о каких-то дамах слегка замужнего вида? Нам не Луканов нужен, а список. Точнее та часть, что вами потеряна. Вам ясно?

-Так точно, ваше величество! Может быть...

-Никаких «может быть» здесь не может быть. - Оборвал виконта Николай Александрович и пожал плечами. - Хватит уже.

Повисла пауза. Император опустил плечи, превратившись в дряхлого суетливого чудака. Торопливо, по-стариковски шаркая ногами, обойдя громадный письменный стол, он вплотную приблизился к де Конону. В глазах Николая Александровича отражалась пустота, недосказанная жалоба и тоска. Словно удивляясь самому себе он ткнул в де Конон указательным пальцем:

-Должен ли я сделать вывод, что вы согласны со мной?

-Разумеется, ваше величество!

-Так что же вы стоите? Идите и ищите! Как это гадко! Я не желаю больше терпеть все это. Перетряхните всю империю. Ад должно отражать только адом, а мигрень императрицы стоит много больше империи. Найдите список любой ценой! - Николай прищурился и взглянул на де Конон исподлобья. - И помните, ваше сиятельство, это не отечество нуждается в героях, а герои в

отечестве. Мне же стоит чрезвычайного напряжения сил продолжать беседу с вами на этом уровне. Но мы находим это крайне огорчительным. Идите. Мы с вами прощаемся.

С достоинством поклонившись, Феликс де Конон тихо вышел и бесшумно закрыл за собой дверь. Сказанная императором фраза, что мосье Филипп знает, что лежит между реальным настоящим и гипотетическим будущим, не давала ему покоя. Он ясно осознавал, что подобное знание возможно лишь у шарлатана или безнадежно и тяжело больного человека, наделяющего вымышленной сверхъестественной силой наивных. Но вот пускать блестящую свою карьеру под откос из-за очередного заезжего мага было весьма обидно.

Ох, как прав Мопассан, когда говорил, что есть люди, которым действительно не везет. А император, вульгарно заедающий великолепный Ереванский господина Шустова коньяк лимоном, в гневе неуправляем. А ведь любой кадет знает, что коньяк самодостаточен и в закусках не нуждается.

Что ни говори, но время в последние дни ощутимо изменило свой темп. Бывают истории, о которых не скажешь точно, когда они начались и когда закончились, если они вообще когда-нибудь кончаются.

Де Конон грустно усмехнулся: «В последнее время ясновидцы и специалисты по Истинному Пути плодятся как тараканы. Даже афоризм, что в России существуют всего две проблемы: дороги и дураки, преобразился. Теперь его можно расширить и произносить так: кроме дорог и дураков, в России есть еще одна беда – дураки, утверждающие, что знают какой дорогой идти. И если им дать развернуться, то тогда наступит свинцовая эпоха великих и ужасных Гудвинов, знающих окончательные ответы на любые вопросы.

Феликс де Конон прерывисто вздохнул: «Что ж... От власти отповедь. А у лжи, как известно, короткие ноги. Потому-то она прочно и стоит на земле, но история, однако ж, не диван. А жаль... Если поверить Пушкину, то Россия когда-нибудь воспрянет ото сна. Но боже, чего она с этого сна натворит под руководством всезнаек-Гудвинов!».

Да и другое верно - тому, кто щиплет травку, не стоит затапывать газон, и существует определенное наслаждение в игре с судьбой в орел или решку. Но, тем не менее, де Конона вновь посетила, появляющаяся в последнее время все чаще и чаще, мысль об отставке.

Глава 21

Савелий Платонович, закончив ранний обед, вынул из коробки роскошную сигару с золотым ободком и предался размышлениям. Он прекрасно понимал, что многие события и факты, кажущиеся поначалу невероятными совпадениями, на самом деле закономерны и вполне объяснимы. Надо только настойчиво искать ту невидимую нить, что впоследствии увяжет все «случайности» дела Алтуфа в единую логическую цепь. Мысли его тихо плескались подобно волнам, то накатывая, то отступая. Часы пробили час дня и следом зазвонил телефон, прервав размышления.

-Савелий Платонович, добрый день. – Проговорил скороговоркой Сугробин. – Необходимо срочно прибыть на Серпуховскую в дом 27, совершено убийство.

-А нельзя ли так - пришел, распорядился и ушел?

-Увы, Савелий Платонович...

-Что ж... Скверно, но выезжаю.

Жертва убийства, известная в великосветском Петербурге под именем Антуанетты графини де Серьжо, занимала роскошную квартиру на четвертом этаже доходного дома. В сопровождении Сугробина Луканов пробился сквозь толпу жильцов на лестничной площадке и вошел в будуар, где уже находились околоточный Спасской части и доктор Брюс.

Темно-коричневые деревянные балки, насквозь проходят по потолку. Ковер во всю стену, мягкая мебель, трюмо и большой передвижной стол, покрытый белой льняной скатертью поверх алой плюшевой. На столе бутылка недопитого красного вина, фужер, несколько десертных

тарелок, нож для фруктов и горка подвявшей кожуры от груш дюшес. Особняком лежит небрежно открытая плоская жестянка ирландского кофе.

В углу на изящной металлической подставке стоит аквариум в ведра три, не меньше, в котором плавает всего один вуалехвост. Узкое тельце у него золотистое, а почти прозрачный хвост с желтыми крапинками. Рыбка стрелой мечется туда-сюда, будто ищет выход, и, судя по всему, уже начинала терять терпение.

Единственным выпадавшим из современного стиля квартиры здесь был старинный шкаф драгоценного палисандрового дерева, стеклянные дверцы его широко распахнуты, а все содержимое – книги, бронзовые и эбеновые статуэтки, дамские мелочи – вывалено на пол. А по всей комнате разбросаны разные дорогие безделушки. И отвратительно сладковатый запах запекшейся крови.

Ничто в этой квартире не было практичным и удобным для жизни. Но за прозрачной занавеской высокого окна видны кованые решетки уютного французского балкончика, за которым уныло моросит дождь...

При первом же взгляде на убитую Луканов невольно вздрогнул. На широком диване безжизненное тело молодой красивой женщины. Пальцы ее намертво вцепились в обрывок ленты голубого шелка. На плече, выступавшем из корсажа с глубоким вырезом, виднеются две узкие раны с запекшейся кровью. Искривленное судорогой лицо выражает безумный ужас.

Над диваном, словно подчеркивая всю жуть происшедшего, висит литография картины Крамского «Христос в пустыне».

Брюн, только что окончивший осмотр, произнес:

-Первый мой вывод не вызывает сомнений. Жертву дважды ударили ножом, а затем задушили. Смерть от асфиксии очевидна.

«Да уж... Причина смерти очевидна», - сказал про себя Савелий Платонович.

Околоточный, что почтительно вытянулся и пожирал блесевшими из-под высокого, морщинистого лба глазами Луканова, попытался возразить:

-Тю, тю, тю, тетерев! На шее, однако, не видно синяков...

-Да-с! Непременно удушение, - твердо заявил Брюн, - которое могло быть выполнено с помощью этого шелкового голубого шарфика, что на убитой. От него и остался этот обрывок. За него, по-видимому, она цеплялась руками, пытаясь защититься.

-Почему же, - спросил Сугробин, - от него остался только этот жалкий клочок?

-Остальное унес убийца. Вот здесь, - Брюн достал увеличительное стекло мощностью не менее чем в 20 диоптрий, - без труда видны поспешные надрезы, сделанные ножницами. Так что вы, господин околоточный, не тютюкайте. А то ведь я постоянно вожусь с туберкулезными бактериями, некрозами и опухолями и со всякой смертоносной заразой, и нервы у меня вибрируют. Могу запросто и не к месту весьма огорчиться. Даром что это мебелишка, а не морг.

Луканов улыбнулся и спросил:

-Когда совершено убийство, уважаемый доктор?

-Судя по трупным пятнам в стадии стаза... примерно, двенадцать часов назад. Впрочем, вероятно вчера в двенадцать-час дня.

-Гм... Ну а мотивы преступления? Замки взломаны, содержимое шкафов переворочено. Нет ли на сей счет каких-либо сведений, а, Алексей?

-Тут почти не от чего оттолкнуться, Савелий Платонович, - с сомнением сказал Сугробин. – Какое-то бессмысленное убийство. Пока у нас нет ни мотива, ни подозреваемых.

-Ну да! Женщин в Питере на дому то и дело режут и душат. Это нечто вроде осенней инфлюэнции. Так что ли?

-Могу, Савелий Платонович, по крайней мере, выдвинуть предположение, основанную на известных фактах. Жертва, талант которой был довольно известный стареющим великосветским львам, вышла два года назад замуж за старого графа де Серьжо. Сей граф весьма известен, как владелец старинного свитка барона де Рэ.

Сразу же после свадьбы молодожены уехали во Францию. Авдотья тотчас официально изменила свое имя на Антуанетту. Но супружеское счастье длилось недолго – через шесть месяцев граф умер, отказав молодой вдове фамильный замок Сент-Луи на Лазурном берегу, весьма приличный счет в банке и, разумеется, бесценный свиток, который, как я уже сказал, принадлежал не много ни мало, как самому Жиль де Лаваль барону де Рэ

-Почему так – немного ни мало, как барону де Рэ? Мало ли во Франции, да и вообще в Европе, баронов?

-Ну что вы, Савелий Платонович! Барон де Рэ был близким другом Жанны Д'Арк. После ее казни, получил за военные заслуги звание маршала Франции, за садизм прозвище Синяя Борода и казнен за то, что возомнил себя выше короля. Впрочем, эта история темная. Но, по мнению лондонского Роксберского клуба, его свиток не имеет цены, а по мнению Ватикана, он богомерзок и клеветает на Святой престол.

-Вот оно как... Значит близкий друг самой Орлеанской Девы. Маршал и садист... Гм... Синяя Борода... Но это ладно. Знала ли горничная то место, в котором находился сей примечательный свиток? Я полагаю, что такую редкость Антуанетта держала при себе?

-Нет, это вряд ли кто знал. Да и беспорядок в квартире может служить доказательством, что убийца этого тоже не знал. Но то, что убийство совершено не с целью ограбления – безусловно. В перламутровой шкатулке, что стоит на тумбочке возле дивана, находится три тысячи семьсот рублей ассигнациями, пять тысяч французских франков золотом и алмазная заколка для волос.

-Ого! Гимн деньгам, но не жизни. Может убийцу спугнули?

-Это вряд ли. Сунуть за пазуху столь мелкий предмет, как эта шкатулка...

-М-да...

-Ваше превосходительство, - с явными признаками нетерпения обратился к Луканову околоточный. – Глупство все это и репей в мозгах.

-Неужели? Подумайте только - высший класс! Впрочем, рискну полюбопытствовать, а успела ли полиция кого-нибудь арестовать? Или, может, даже отшлепать шалуна-убийцу графини да и вывернуть его наизнанку? Нет? Да как же это возможно!? - Савелий Платонович отвел околоточного в сторону. – Господин околоточный, как вас зовут?

-Федор Иванович Еремеев!

-У вас какой-то странный вид, Федор Иванович. Ну же, не изображайте притворяшку. Вы о чем-нибудь догадываетесь? У вас есть добротная рабочая версия? Подозрения?

-Никак нет, ваше превосходительство!

-Тем хуже. Надо найти убийцу, причем найти быстро, а вы топчитесь здесь и попусту тратите время на раздачу советов.

-Позвольте, ваше превосходительство, тотчас же сызнаю допросить консьержку.

-Непременно-с позволю. - Луканов усмехнулся. - Действуйте! Вы можете даже узнать, кто платил за эту квартиру. Поспрашайте этак между делом и доложите. Действуйте пошустрее, Федор Иванович, это крайне важно!

-Так точно, ваше превосходительство! - Околоточный по-уставному козырнул, развернулся и напористо бросился за дверь.

-Будет трудно, Савелий Платонович, избличить преступника. – Сугробин достал записную книжку и принялся легкими движениями карандаша делать какие-то пометки. – Практически никаких улик он не оставил. Свидетелей нет. Соседи в один голос заявляют, что ничего не слышали и ничего не видели.

-Надо, Алексей! И надо действовать быстро. Причину ты знаешь. Нам сейчас не с руки отвлекаться на раскрытие других дел. Помимо того, вынь да положь мои восемь часов ночного сна, а то я скоро вслух думать начну. Впрочем, - Луканов вздохнул, - пока мы не наложим лапу на убийцу графини, придется мириться с недосыпом.

-Если верить консьержке, эта особа, вела весьма свободный образ жизни. Частенько принимала у себя господ, остававшихся у нее до утра. Ее предпочтения не отличалось

оригинальностью и ей нравились только богачи. – Алексей случайно взглянул на аквариум и, задержав на нем взгляд, усмехнулся. – Одинокая вдова в нелепом мире тусклых толстосумов. Антуанетта, как рыбка, мечтавшая привязаться к солидному крабу всей душой. И даже не сколько к самому крабу, сколько к крабьей закуске. Но если рыбка сама не попадет на обед крабу, то стоит лишь откинуть букву «к» от слова «краб» и все станет на свое место.

-Оставь, Алексей, свои аллегории. Как и с кем ей жить было ее делом. Не нам судить, добродетельность Антуанетт.

-Безусловно. Но консьержка утверждает, что одного господина Антуанетта принимала постоянно и даже выпроваживала гостя, если он приходил.

-Консьержка утверждает... А что по поводу этого господина сказала горничная?

-После показаний консьержки, горничная подтвердила, что да, у хозяйки был такой постоянный поклонник.

-И кто же это? Как зовут?

Алексей пожал плечами:

-Ни горничная, ни консьержка не знают этого. Но этот господин определенно светский и предпринимал все предосторожности для того, чтобы не быть узнанным. Поднимал воротник и надвигая на лицо шляпу, когда проходил мимо консьержки. Антуанетта, обыкновенно еще до его появления, всегда отпускала горничную. Вероятно, именно эту особу мы и должны найти первым делом.

-Он не оставил никаких следов? Может что-то из личных вещей? Снимал же он здесь хотя бы пальто или сюртук. Может что-нибудь из кармана выпало? Или галстук забыл.

-Ничего. Очевидно, он уже имел дело с сыском и хорошо подготовил свое преступление. Конечно, если преступник именно он. – Алексей выглядел чрезвычайно взвинченным, и его волнение удивило Луканова.

-Ну-с, в громадном Петербурге будет трудно найти особу только по внешним приметам, особенно если он относится к светскому сословию, где все более или менее похожи друг на друга. Что ж, посмотрим, посмотрим...

-Консьержка как-то заметила у него монокль.

-Задача облегчается, Алексей, тем, что эта особа пользуется моноклем. Стало быть, необходимо искать субъекта, отвечающего описанию консьержки, с моноклем, отвечающем описанию консьержки. Жать только, что в Питере господ с моноклем десятки тысяч. Надо распорядиться, чтобы со всех предметов в этой квартире сняли отпечатки пальцев. Как знать, может быть, этот господин числится в нашей картотеке. А что горничная - не замечала у господина монокль? И, кстати, где она?

-Горничная ушла. Ее допрашивал околоточный, еще до моего прихода, я ее даже не видел.

-Вот как? Почему он ее отпустил?

-Она сослалась на приступ мигрени.

-Ясно. Свидетельница по делу об убийстве на допросе приболела, и гуманный околоточный сразу же отпустил ее домой. Ну и порядки! Он что - инструкций не знает? Где заключение доктора, что свидетельница не может давать показания? Он хоть оформил ее показания письменно за ее подписью?

Сугробин пожал плечами:

-Хорошо, с этим мы успеем разобраться. Однако странно. Квартира эта хоть и роскошная, но все равно – мебелирашка.

-Я тоже обратил на это внимание, Савелий Платонович. Действительно – странно. Хоть квартирка-то по пятьдесят рублей с окна. Но иметь замок во Французской Ривьере и снимать меблированную квартиру в промозглом Петербурге, которую, судя по всему, перестраивали раз пять и жить, пардон, с клопами и тараканами...

-Господа! - Торжественно заявил Брюн, собрав свой саквояж он тщательно высморкался в огромный платок,. – Я закончил. Официальное заключение о причине смерти будет, как всегда, после аутопсии... За сим, откланиваюсь.

-А я-то думал, что вы, уважаемый Кондратий Петрович, собираетесь отдохнуть.

-Увы, Савелий Платонович! Отдыхать я начну завтра. В общем, господа, одна любезность и карамель... Кстати, я не могу пожаловаться на свою дневную жизнь, меня, ох-ох-ох, страшат ночи с проклятым люмбаго. Да и тучность... А тучность, уважаемые, особенно неприятна изнутри. А тут еще вечно эта сырость... - Брюн отер платком лоб. - Мне бы... в собственный замок... Гм... Сент-Луи на Ривьере... Лоскут зелени, среди пространства. О вечном да о душе подумать... О душе! Впрочем, счастье и пустота - близнецы-братья... М-да-с. Но это все пустое. Да, чуть не забыл, за телом приедут, я уже вызвал катафалк.

-Алексей, нам нужно вернуться к нашему Алтуфовскому списку. Нам никак нельзя отвлекаться на дело Антуанетт. Кстати, а что поделявает наш Гудович?

-Точно не знаю. Вероятно сидит и скучает в вашем кабинете.

Савелий Платонович обернулся к вошедшему околоточному:

-Федор Иванович, вы знаете что необходимо предпринять?

-Так точно, ваше превосходительство!

-Так что же вы стоите, словно кот под мартовским солнцем? За чем дело стало? Не излишне ли скоро вы действуете? Или, может, я заставляю вас терять время? Есть труп, обнаруженный на месте преступления... Или, по-вашему мнению, труп никуда не убежит и обождет? Может вы на разговорчивость трупа рассчитываете? И вообще, чем вы еще занимаетесь, кроме как вальяжно усаживаетесь за свой стол в околотке? Сей момент отправляйтесь на поиски убийцы или хотя бы на организацию его поисков!

-Слушаюсь, ваше превосходительство!

-Вы оформили показания свидетелей должным образом?

-Каких свидетелей?

-Консьержки и горничной. Они расписались в протоколах допроса?

-Никак нет, ваше прев...

-Вот-с не ожидал. Вы, что? Первый день на службе? Порядка не знаете? Бардак-с! Желаете, чтобы я подал на вас рапорт о халатном отношении к должностным обязанностям?

Околоточный густо покраснел, лицо его, крупное и одутловатое, покрылось бисеринками пота. Он вытянулся, машинально поправил перевязь шашки и невпопад щелкнул каблуками.

-Ладно. Значит так. Первое: в присутствии понятых составьте подробную опись всех ценностей найденных в этой квартире. Второе: сдать все ценности под расписку на временное хранение в ближайший банк. Третье: распорядится снять отпечатки пальцев со всех предметов и прислать в Сыскное управление. Четвертое: дождитесь катафалк и проследите отправку тела в морг. Пятое: перед уходом закрыть все двери, окна и отключить электричество. Опечатать входную дверь. Шестое: отправьте кого-нибудь из своих людей на почту. Пусть он выяснит, есть ли какая-нибудь корреспонденция на имя Антуанетт. Надеюсь, эти шесть указаний вам ясны?

-Так точно!

-Завтра к вам будет откомандирован господин Гудович. Вам надлежит передать ему все документы по производству этого дела и в дальнейшем руководствоваться его распоряжениями. – Луканов выдержал томительную паузу. – Выполняйте! Да! Чуть не упустил из виду - пристройте куда-нибудь аквариум.

-Прикажете отдать бесплатно?

-Да хоть бы и бесплатно. Пусть забирают! По всей видимости, наследников у Антуанетты нет.

Глава 22

Сидя в глубоком, уютном кресле, Луканов сладко потянулся, двумя руками поддел подтяжки и звонко отпустил их, затем нехотя глянул в окно; косыми струями полосовал улицу дождь. С Маркизовой лужи снова дул ветер, волоча по крышам бесконечную череду унылых туч.

-Три яйца, две чайные ложки лимонного сока, три столовых ложки воды, пять столовых ложек сахара, треть фунта муки... – бубнил про себя Митька.

-Что? - Не понял Савелий Платонович.

-Да так... Бисквитную массу выложить в смазанную маслом форму и выпекать в духовке двадцать минут.

-Ты вот что... Для начала вымой ежевику и замочи желатин в воде. И не забудь ягоды размять и смешать с простоквашей... – Луканов усмехнулся и продекламировал эпитафию Мартина Опица – «Ах, как он стряпал - просто колдовство! А смерть к нему была несправедлива: Бездарно черви слопали его - Сырым, без соли, перца и подливки».

-Хы, ваш-сок-родь, балагурствовать изволите? Очень жаль, если бисквит придется самому съесть. – Обиженно буркнул Митька и пошел на кухню. Но в дверях он замешкал и достал из нагрудного кармана визитную карточку:

-Вот. Утречком, когда вы еще спали, приходил какой-то мальчишка и передал для вас визитную карточку.

На куске бristolского картона с золотым обрезом шрифтом рондо значилось: – «Граф Владимир Константинович Соколовский». Буква «о» немного приподнималась над другими буквами типографского текста.

На обороте явно второпях, но с завитушками написано фиолетовыми чернилами: «Сегодня в шесть вечера я буду ждать Вас в кондитерской Мотина, что на Михайловской, за левым угловым столиком по интересующему Вас делу. Приходите один или наша встреча не состоится».

-А между тем, а между тем, - сказал Луканов и, прищурив глаз, сквозь облако сигарного дыма перевернул карточку. - М-да-а... Граф Соколовский? Весьма странная фамилия для потомственного аристократа.

В начале первого прошел Сугробин. Скинув на руки Митьки мокрое пальто, он скорее упал, чем сел в кресло и протер салфеткой запотевшие очки.

-Савелий Платонович, я от вашего имени откомандировал Гудовича в помощь по расследованию убийства Антуанетты.

-Хорошо. Пусть Константин Георгиевич делом замется. Вот посмотри. Эту визитку мне передал Митька.

Алексей повертел карточку:

-Что-то странное в этой визитке. А кто ее принес?

-Мальчишка посыльный.

-Не могу сказать что именно, но что-то в ней ненастоящее.

-Фамилия графа?

-Да нет. Ныне, верно, уже есть новоиспеченные графы с подобными фамилиями. Но, все же, фамилия «Соколовский» более характерна для таборных певунов, что поют под бубны и гитары с бантиками. Впрочем, есть для кого петь, только бы голоса хватило... Савелий Платонович, вы позволите провести небольшой химический эксперимент?

-Валий. Только чтоб без фейерверков и пушечной пальбы.

Алексей быстро поднес к карточке спичку, поджег ее и бросил в блюдце. Луканов огорошено уставился на горящую визитку.

-Ну вот. Что и требовалось доказать. – Удовлетворенно сказал Алексей, растерев пальцем черный пепел в блюдце.

-Да? Ловко! И каков результат этого, с позволения сказать, эксперимента?

-Видите ли, Савелий Платонович, бумага, сделанная из древесной массы, при сжигании становится черной, тогда как бумага из хлопка невероятно чистая, ее пепел представляет собой легкие белые клочки. В нашем случае от карточки графа осталось кучка черного пепла, что достоверно указывает на низкое качество бумаги. Никакой это не бristolский картон, что обычно идет на визитные карточки аристократов. Это визитка фикция. Эрзац.

-Но может наш граф из обедневших?

-Хм... Свежо предание. Но думается мне, что нет. Чем беднее господин, тем пышнее и дороже его визитная карточка. Амбиции все преобладают, порой даже здравый смысл.

-Тогда что отсюда следует? Фальшивый граф, а, говоря по-простому, заведомый жулик с явно вымышленной фамилией приглашает меня на встречу тет-а-тет. Стоит ли тогда идти на эту встречу? Как думаешь? Может отбойриться?

-Думаю что сходить стоит. Только вот идти надо не одному, а с филерами. Пусть они за соседними столиками изображают из себя сладкоежек. Да и я буду поблизости.

-Нет, Алексей, тебе там быть нельзя. Сей Соколо-графец наверняка знает тебя в лицо. Кстати, ты не обратил внимания, что только что уничтожил вещественное доказательство?

-Ну... Издержки, так сказать. Да и как вещественное доказательство эта визитка весьма слаба. Ни вашего имени, ни адреса, ни даты, так... Кто-то, кому-то, когда-то свидание назначил. Ничего не докажешь.

-Но надпись чернилами от руки? Впрочем, ты прав. Эта визитка сама по себе ничего не стоит и ничего не доказывает. Что ж... Схожу в кондитерскую Мотина. В крайнем случае, хоть свежим миндальным пирожным побалуюсь, а то от Митькиных блинчиков у меня скоро изжога начнется.

-Тогда, Савелий Платонович, позвольте покинуть вас. Я сам отберу и проинструктирую филеров. Думаю, что трех человек в кондитерской, двух в подсобном помещении, двух в непосредственной близости от вас и двух на улице хватит.

-Не многовато ли? Семь человек прикрытия! Да ты еще наружкой собрался блокировать улицу.

-В самый раз ваше превосходительство! Вы у нас не простой околотовный. Да и кто сможет поручиться, что сам лже-граф, сей бродяга без никому и ниоткуда, будет один, а не с компанией сообщников? Помимо того, следует обязательно тайно проследить за этим графом после вашего randevu. А для скрытого наблюдения необходимо не менее трех, а то и четырех филеров.

-Хорошо. Действуй! Пусть нам повезет, но я вполне полагаюсь на тебя, Алексей. Однако времени осталось чертовски мало. Митька, - крикнул Луканов в дверь, - что у нас на обед?

-Суп протоньер-с...

-Боже, Митька, не искажай французский! Скажи попросту, по-нашему - «весенний суп». И давай накрывай быстро в походном порядке. У нас ныне много дел.

Затрезвонил громко и требовательно телефон. Луканов укоризненно посмотрел на него и медленно взял трубку.

-Але! Але! - загремел очень знакомый голос.

В трубке что-то шелестело и попискивало и Савелий Платонович плотнее прижал трубку:

-Вас слушают! Кто вы?

-Это вы, ваше превосходительство?

-Да-да...

-Здравствуйте, Савелий Платонович. Сакердон вас беспокоит. Помните меня?

-Безусловно. Только вот напомните, будьте добры, ваше имя и отчество.

-Олег Антонович.

-Благодарю вас...

-Я тут недалеко оказался. Мы расследуем одно уголовное дело, связанное с коммерцией. Представляете, у вора на деле приключился сердечный приступ. И смех и грех! Вот решил позвонить вам, узнать как вы, как дела, а то ходят всякие слухи.

-Какие еще слухи? Уж вы то, сударь, служите Фемиде и верите каким-то сплетням?

-Нет-нет, ваше превосходительство! Что вы! Никоим образом. Но... Так вот... Я хотел напроситься к вам в гости. Скажем сегодня ближе к вечеру.

-Увы, Олег Антонович, нынче я занят, особенно вечером. Может быть как-нибудь в другой раз?

-Хорошо, Савелий Платонович. В другой так в другой. Не буду занимать ваше время, до свидания, ваше превосходительство.

-До свид... - в трубке раздались гудки отбоя. Луканов положил ее на рычаг, и некоторое время недоуменно смотрел на телефонный аппарат.

-Вероятно, я оказался в положении сапожника, дети которого бегают без сапог. Но ты знаешь, Алексей, сердце у меня вовсе не екнуло, как пишут в толстых романах, и не подсказало, что этот звонок и есть определяющий призыв судьбы.

-А кто телефонировал? Как я понял наш старый знакомец Сакердон?

-Он самый. А зовут его, оказывается - Олег Антонович. Этот господин мастак на странные звонки. Помнишь при расследовании дела Радецкого он тоже названивал непонятно для чего? М-д-а... Тем не менее, после этого звонка ехать мне в кондитерскую Мотина, решительно расхотелось.

-Отчего? Мне кажется, что день выдастся. Мы узнаем что-то важное, а нам сейчас любая информация важна. А Сакердон вечно как лунатик, звонит, сам не знает для чего. Замотался человек. Лично у меня он оставил хорошее впечатление.

-Да? У меня так разное... разные впечатления. Ладно, потом разберемся. Ну, хватит сантиментов, пора заняться привычной, размеренной работой. Все, Алексей, действуй, как мы условились.

Глава 23

Без трех минут шесть Луканов, с видом задумчивого посетителя, вошел в кондитерскую Мотина. В просторном зале стоит дюжина занятых разношерстной публикой круглых столиков. Сбоку от никелированной высокой стойки буфета медового цвета кожаный диван и чахлый фикус. Над диваном в багетной раме лакированная копия Шишковских «Трех медведей». В противоположном углу подобие камина, над ним тяжело нависает жестяная вытяжка. Окна-витрины плотно завешаны коричневыми портьерами с местами облезлой бахромой. Остро пахнет чем-то паленым и тухлыми яйцами. Декорация унылого спектакля провинциального театра, но отнюдь не дорогой кондитерской. Даже царившая здесь тишина казалась пустой и не уютной.

Савелий Платонович снял пальто и, повесив его на лосиные рога, выдвинул из-под левого от входа углового столика тонконогий стул, сел. Брезгливо провел ладонью по мраморной влажной столешнице.

-Вы приехали чуть раньше, - раздался голос из-за спины.

-Тем лучше. Я бы не хотел пропустить начало. – Не оборачиваясь сказал Луканов.

-Я как раз собирался что-нибудь выпить. Надеюсь, ваше превосходительство, вы составите мне компанию? Чашку кофе с ликером или виски с орешками?

-Ну, если вы настаиваете... Не откажусь от виски с орешками, ваше сиятельство. Ведь вы, верно, граф Соколовский?

-Верно. – Граф говорил так, словно их разговор длился уже минут пятнадцать.

Близоруко щурясь он расстегнул пальто, элегантно покроя, снял мягкую фетровую шляпу и, повесив на спинку стула черный зонтик с ручкой слоновой кости, сел напротив Луканова:

-Позвольте представиться - Владимир Константинович Соколовский, к вашим услугам. Эй, че-ло-век! - Окрикнул он по слогам пробежавшего мимо полового. – Принеси-ка нам, братец, два виски «Балантайнс», соленых орешков и захвати еще что-нибудь... но чтоб обязательно было под белым соусом, а сверху посыпано мелко нарезанным кропчиком.

-Но это я, должно быть, к услугам вашим? Ведь это вы назначили свидание. Кстати, отчего именно здесь? Здесь дешевый «Балантайнс» или самый белый соус во всем Питере или есть иная, более веская причина?

-Случайно. Совершенно экспромтом получилось. Но здесь подают изумительный черный хлеб, напигованный зеленью, да и тишина тут такая... – Граф широко улыбнулся. Улыбка его на

круглом, холеном лице была лучезарнейшая и все понимающая, а его выпуклые карие глаза затащила коровья поволока. Несмотря на молодость и даже неопределенность возраста на щеке у него заметна паутинка морщин, а на руках прожилки синих вен.

-Сударь, я вечно взвешиваю «за» и «против»... Издержки службы, знаете ли. Так вот не могли бы мы перейти прямо к делу. Что именно подвигло вас, назначить встречу именно со мной и именно без свидетелей?

-Разве наша встреча без свидетелей? – Граф обвел цепким взглядом зал. – Мужчины с крысиными лицами, мужчины с грубыми лицами, с квадратными челюстями, бледные мужчины, худошавые мужчины, чудаковатого вида мужчины, свирепого вида мужчины. Ни дать ни взять – знакомая с детства сказка «Волк и семеро козлят». Савелий Платонович, но ведь вы пришли, вопреки моей просьбе, не одни. Тут бедного Волка аж сразу семеро холят! Ведь верно? Так дайте же мне хоть немного времени изменить свой первоначальный план. И, заметьте, я все же подошел к вам, а это указывает на то, что я с уважением отношусь и к вам и к вашему времени.

-Волк, по всей видимости, это вы?

-Разумеется. Но я добрый волк и вовсе не кровожадный. Не понимаю даже, отчего меня так не любят козлята?

-Но мне кажется, уж коль вы все-таки подошли, то вы, граф, весьма заинтересованы в нашей встрече. Больше чем я.

-Я не был бы столь категоричен. Впрочем, всяк при случае норовит погреться на солнышке.

-А что мешает мне арестовать вас? После препроводить в камеру Сысского управления, а на досуге допросить в спокойной и привычной для себя обстановке? И крестное знамение, как и знакомство с фольклором, уверяю вас, ваше сиятельство, вам не поможет.

-Не поможет. Но арестовать меня вам все мешает. Да и за что вы можете меня арестовать? Что я совершил противозаконного? Пригласил вас? Так сие законом не возбраняется.

-Но самопроизводство в чины и звания законом возбраняется. Вы сможете предоставить свидетельства, что вы действительно граф? И именно граф Соколовский? – В голове Луканова пронеслась мысль, что зря Алексей спалил визитку, возможно и пригодилась бы.

Глаза Соколовского наигранно округлились, потом брови сдвинулись, гладкий лоб покрылся морщинками:

-Верно. Тут вы правы. Но тогда вам придется тащить меня волоком, а я буду вопить о произволе полиции, а после хранить гордое молчание. Утром же мой адвокат разворошит осиное гнездо Коллегии адвокатов и дабы спасти свое реноме, а заодно сделать себе рекламу вся коллегия разлетится по всем газетным редакциям давать интервью и полоскать Сысское управление. Ну а вы тогда кое-что не узнаете.

-Впечатляет. Ваше воображение, фантазия. Вы, явно не измотаны незаметностью.

Соколовский было улыбнулся, но тут же убрал улыбку:

-Савелий Платонович, вы, верно, отчасти превратно истолковываете смысл моих слов. Или их интонацию? Я просто не люблю тупиков.

-Ну да. Он жил и умер победителем.

-Бог с вами, Савелий Платонович! Умереть победителем нельзя. – Соколовский вытер салфеткой подбородок. – Победитель тот, кто останется живым. А иного никак и быть не может.

-Давайте вернемся к делу. Что вы желаете мне сообщить?

-Немного, признаюсь. Но дело касается некоего списка.

-Хорошо. Я вас внимательно слушаю. И прошу вас учесть, что это единственный для вас способ избежать неприятностей. И... Как ваше настоящее имя?

-Да как наречете, ваше превосходительство! Скажу по секрету, у меня столько имен, что я сам запутался и теперь в догадках – которое из них настоящее? Но это не имеет никакого отношения к делу. Это моя, сугубо личная проблема. Но уверяю вас, мне самому все эти имена не просто надоели, а осточертели-с.

-Ну хорошо. А какого вы состояния?

-Из бессрочно отпускных рядовых. Вас устроит? С моей стороны это безусловно не очень вежливо, но более я пока сказать не могу.

-Так зачем же этот маскарад с фиктивной визиткой? Да и не было ли проще без графского титула?

-Ох! Собрав обрывки собственного достоинства, ничего лучше не придумал дабы заинтересовать вас, ваше превосходительство. Спешка! Во всем спешка! Прошу простить меня. - Соколовский скривился, как гурман, которому вместо устриц подали сваренного вчера цыпленка.

-М-д-а... Итак я вас, господин бессрочно отпускной рядовой, слушаю.

-Скажем, пятьдесят тысяч рублей. Из рук в руки.

-Что?

-Мы вам предлагаем пятьдесят тысяч рублей.

-За что же? Если, конечно, это не секрет?

-За список. Только за список, но решительно не из филантропических соображений.

-Так значит, вы не знаете, где он находится? Так какого же черта...

-Погодите, Савелий Платонович, не горячитесь. Мы знали где список, но проворонили его.

-Вы из охраны?

-Скажем так, я представляю страховое общество. Один наш клиент весьма заинтересован в этом списке, а мы абсолютно уверены, что вы найдете его. Вы просто продолжаете свое расследование. После из рук в руки мы передаем вам деньги, а вы нам список. И все довольны. А вы, уважаемый Савелий Платонович, заметьте, не рискуете вовсе. Это же очевидно. - Соколовский снизил тон и принял почтительный вид. - Прокурор Зенон ведь уговаривал вас не заниматься поисками списка? Верно? Отчего бы вам и не подчиниться пусть и не прямому, но начальству? Сам список лично вам ничего не даст. Для вас это так, каприз художника, не более того.

-Вы хотите сказать, что мною движет, если и не торгашеская, то профессиональная корысть?

-И в мыслях не было. Савелий Платонович, да разве...

-Вы знаете что-нибудь об обстоятельствах убийства Алтуфа?

-Алтуфа? Да кому он нужен этот подонок! Вы сами знаете, что это была порядочная сволочь.

-Весьма лаконично. - Усмехнулся Луканов. - Так вы знали Алтуфа?

-Не припоминаю. Скажем так - лично нет, но наслышан. Мой ответ вас устраивает?

-Отчасти. Его смерть что-нибудь изменила в вашей жизни?

-В моей жизни? Я не понимаю вас. С кончиной Алтуфа мир не потерял ничего, что стоило хоть единой слезинки. Во всяком случае, подать в обморок и посыпать голову пеплом я не намерен.

-Ну а о Глебе Семеновиче Разивильском вы что-нибудь слышали?

-Давайте начистоту, Савелий Платонович, и Алтуф и Разивильский имеют, точнее, имели некоторое отношение к списку. Алтуф не знал, что было у него в руках, а Разивильский сам охотился за этим списком. Только не спрашивайте меня, откуда эти сведения - и вам и мне будет спокойнее. Да и большего я вам сказать ничего не могу.

-Неплохой монолог. Впечатляет, знаете ли.

-Кстати и я, и вы, Савелий Платонович, держали этот список в своих руках.

-Я? Когда же?

-Когда ваш помощник, господин Сугробин, проявив свои незаурядные аналитические способности, нашел документы в квартире адвоката Радецкого на Надежденской. Помните?

-М-м... Припоминаю. Значит вот оно как... Ну хорошо. Мы с Алексеей подержали его в руках, но что было дальше с этим списком. В чьи руки он попал.

-Как в чьи?... Впрочем, я этого не знаю.

-Ну а вы когда его в последний раз видели?

-Кого?

-Да все тот же список, Владимир Константинович. Вы сказали, что тоже имели удовольствие подержать его в своих руках. Это чрезвычайно интересно.

-Вы опять меня не так поняли.

-В самом деле? Как вам угодно. Но отчего ж? Скажите, а почему столько суеты из-за этого списка? Что в нем такого особенного?

-Что именно в нем особенного? Я и сам не знаю.

-Допустим. Вы позволите задать вам еще несколько мелких вопросов?

-Разумеется.

-Господин Сакердон случайно не клиент вашего страхового общества? Кстати как он? Я слышал, что Олег Антонович какое-то коммерческое дело расследует. Странно, конечно, почему оно у судебного следователя, но вы, видимо, знаете почему. Там у вора что, действительно случился сердечный приступ? Вот так вот прямо на месте преступления?

-Сакердон? Вор-сердечник? О чем это вы, Савелий Платонович? Не знаю я никакого Сакердона. А-а-а вот и половой! Наконец-то принесен наш заказ! Да-а, любезный, видать за виски ты в Шотландию бегал.

-Прошу простить-с. Марочника пришлось ждать. Прикажите получить за заказ?

-Да. - Луканов скрупулезно отсчитал деньги.

-Так что вы решили, ваше превосходительство?

-Вы это серьезно?

-Вполне.

-Пока ничего. Как мне сообщить вам свое решение?

-Мы сами свяжемся с вами. - Соколовский поколебался, потом пожал плечами. - Я понимаю вас, ваше превосходительство, но я уверен, что мы найдем общий язык...

Глава 24

Поздно вечером в четыре минуты двенадцатого в квартире Луканов раздался телефонный звонок.

-Кто это? Я вас не слышу... Говорите громче!

-Ваше превосходительство, Сугробин беспокоит!

-Алексей, какого черта! Тоже мне – беспокойщик! Я уже начал волноваться. Что случилось, почему так поздно телефонируешь?

-Он ушел от нас. Проследить за ним не удалось. Тотчас после вашего ухода Соколовский пошел в туалетную комнату и... исчез. Мы прождали почти полчаса, а после взломали дверь.

-И?..

-Он ушел через маленькое слуховое окно, что под самым потолком. Кто бы мог подумать, что он пролезет через него. Мистика какая-то!

-Но отчего сразу же не сообщил? Что ждал? Что он вернется попрощаться с вами?

-Нет, разумеется. Но я отправил его зонтик, что он оставил на спинке стула и его бокал на предмет снятия отпечатков пальцев. Результат только что получен.

-И... Каков результат?

-На бокале отпечатки затерты, но на костяной ручке зонтика обнаружены.

-Эти отпечатки есть в нашей картотеке?

-Нет, но они совпадают с отпечатками пальцев из квартиры Антуанетты.

-Как!? Вот что я действительно не ожидал. Гм... Это дело начинает обрастать трупам. Впрочем, обожди, дай подумать. Вот что, Алексей, - после минутного раздумья сказал Луканов, - отпечатки, обнаруженные на ручке зонтика, скорее всего не принадлежат Соколовскому.

-Почему?

-Он заранее продумал, как будет уходить из кондитерской. Вопрос – зачем ему нужно было брать с собой зонтик? Одно дело, когда господин, не снявший пальто, как бы машинально надевает шляпу и идет в туалетную комнату, но идти туда еще и с зонтиком? Это уже чересчур.

Он бы сразу же выдал свое намерение улизнуть. Кроме того, затереть свои отпечатки на бокале, но оставить их на ручке зонтика? Учитывая, что ручка из слоновой кости и просто-таки идеальная по своей фактуре для снятия отпечатков пальцев? Здесь что-то не так. Судя по всему Соколовский калач тертый. Такого на мякине не проведешь. Ведь признайся, Алексей, вы мирно ждали его в твердой уверенности, что он вернется именно из-за зонтика?

-Верно.

-Ну вот. Ловко этот граф обвел вас. Тем не менее и зонтик он взял с собой вовсе не из рассеянности, а намеренно, твердо зная, что с ручки обязательно снимут отпечатки пальцев.

-М-да... Но как тогда он принес этот зонтик, не оставив отпечатков? Я точно помню, что граф был без перчаток.

-Очень просто – он держал его только за ткань, не прикасаясь к ручке. А с ткани...

-Точно! Как я сразу не догадался! Ведь с ткани невозможно снять отпечатки.

-Во-во... Нам остается только суший пустяк - выяснить, как сей зонтик оказался у графа и что этим зонтиком граф хотел нам сказать. Зонтик этот деталь явно неслучайная. Ты допросил полового и буфетчика?

-Разумеется, но они в один голос утверждают, что ранее они не видели этого господина и кто он и как зовут его, не знают.

-М-да...

-Ну а Соколовский сообщил что-нибудь ценное?

-Предложил пятьдесят тысяч рублей за список.

-И все?

-Тебе мало этой суммы?

-Ну... Я не это имел в виду.

-Алексей, сколько филеров было в зале?

-Семь человек. А что?

-Значит верна пословица - у семи нянек, дитя без глазу. Но теперь это не имеет значения.

-Да! Савелий Платонович! Звонила Милен де Конон и просила о встрече с вами завтра в двенадцать дня в особняке де Конон что на набережной Фонтанки.

-Откуда известно? Кто с ней разговаривал?

-С ней говорил я. Пока ждал результат экспертизы, я находился в кабинете. Милен была исключительно взволнована.

-Гудович или еще кто присутствовал при этом?

-Нет. Я был один.

-Как долго ты говорил с ней?

-Минуту... полторы.

-Хорошо. С Милен мы встретимся обязательно. Это и в самом деле интересно. Завтра в одиннадцать ко мне на Бассейную. А теперь отдыхай, Алексей. – Луканов усмехнулся. - Да-а, вляпались мы сегодня по самые уши и оба оказались не на высоте. Этот Соколовский вызывает уважение, он достойный противник. Но ничего, и из этой мозаики мы соберем всю картину.

Луканов положил трубку, но телефон тут же зазвонил вновь. Думая, что это Алексей, забывший что-то сказать, после третьего звонка Савелий Платонович сердито сорвал трубку.

-Слушаю. Перезванивать...

Судя по слегка побледневшему лицу Луканова, звонил не Сугробин. Савелий Платонович молча слушал, лишь иногда вставляя короткие фразы: «Да... Где и когда?.. Десять утра мне не подходит... Смогу быть только в половине второго... Да... Хорошо... Спокойной ночи...».

Медленно положив трубку на рычаг и, заставляя себя быть спокойным, Савелий Платонович о чем-то глубоко задумался. Часы пробили час ночи, когда, прошептав про себя «Тут должна быть какая-то связь», Луканов подошел к шкафу, перелил в бокал остатки шутовского коньяка, выпил и ушел в спальню.

Глава 25

Митька, ты опять за свое, - со вздохом сказал Луканов, взглянув на стол. – Где кофе и твои печально знаменитые блинчики?

-Обождите минутку-с. У примуса игла сломалась. Сейчас скоренько найду запасную и замену.

-Савелий Платонович, а может в чертогах виконтессы нас ждет роскошный завтрак с лафитом?

-Ну да... Салат из рябчиков с трюфелями нас уже притомился ждать. Ты вспомни, в прошлый визит нам не предложили даже ячменно-цикориевого подобия кофе.

-Если Митька позволит я ограничусь завтраком по-деревенски. Скажем, хлеб и чашка бульона. Пусть даже холодного.

-Алексей, идя на прием к аристократам, необходимо плотно позавтракать. Впрочем, жди-пожди, но нынче нам вообще никакой завтрак не грозит. Что ж, будем держать диету. Пошли, а то опоздаем. Неприлично вынуждать даму ждать.

-Савелий Платонович, неприлично смотреть с правого бока на статую Кутузова, что у Казанского собора.

-Опять ерничаешь? А ты, Митька, если оставишь нас и без обеда, будешь незамедлительно уволен.

В половине двенадцатого, Луканов и Сугробин вышли на улицу и скорым шагом направились на набережную Фонтанки.

Ночью прошел дождь, злой и студеный, но с утра ветер утих, тучи понемногу развеялись, и местами проглядывало солнце.

-День, чувствую, ныне будет успешный. – Проронил Алексей.

-Есть еще какие-нибудь чувства?

-Пока более никаких.

-Ну а предстоящая встреча с виконтессой? Ничего не нашептывает?

-Как ни странно – нет, Савелий Платонович. Как всякое разбалованное дитя, Милен скучна. Я нахожу ее натурой пустой и вздорной. Заводить с ней мимолетную интрижку, учитывая положение ее отца при дворе, весьма рискованно, а связывать свою жизнь с ней... Уж лучше, как вы как-то заметили, в Подпригорск на Таймыр квартальным надзирателем.

-Радикальное решение. Но, думается, она о нас такого же мнения. Только вместо Таймыра в ее мечтах Париж или Лондон.

-Во-во. Можно добавить еще Вену. У подобных девиц на большее фантазии не хватает.

-Как знать, как знать.

-Однако Милен, должно быть, еще пребывает в печали.

-Ты имеешь в виду арест ее жениха Кирсана Марковецкого?

-Разумеется. Шекспир мог бы написать по этому поводу драму – прекрасная виконтесса и красавец-актер по совместительству жених, оказавшимся злодеем и убийцей. Молви, брат Гусиное Перо - что там ваши Монтеки и Капулетти? Экие девственники – Ромео шестнадцать, Джульетте четырнадцать, все просто, немного пошловато и никаких махинаций!

-Девичьи слезы высыхают быстро, а Марковецкий теперь уже никого не интересуется. Но Милен, безусловно, красивая девица. Особенно обворожительна ее улыбка, как луч света в прорехе хмурых туч.

-Вы можете мне не поверить, Савелий Платонович, но меня, к примеру, потрясает красота Джоконды Леонардо да Винчи. Сколько очарования и вселенской тайны в ее улыбке!

-Пустое. Красота и очарование живописных шедевров понятие относительное. Представь себя в промозглой январской яме, по колено в ледяной воде, в которой тебя тотчас же и закопают. Вот уже полетели смерзшиеся комья, зашуршали камешки. А теперь представь Джоконду с ее вселенской улыбкой. Вот тут ты и увидишь, что и она и ее улыбка просто омерзительны.

-М-да... Не очень жизнеутверждающе.

-Это жизнь, Алексей. Иная рыба хорошо ловится, но несъедобна и порой даже ядовита. Такая рыба, уж поверь, не в пример твоей наивной рыбке, не попадет на обед к крабу, он сам будет ее десертом и, заметь, без всяких буквенных изъятий. Но вот мы и пришли. Который час?

-Без пяти двенадцать.

-Как мы точны. – Луканов благодушно улыбнулся. - Как пунктуальны.

Глава 26

Дворецкий встретил сыщиков без излишнего любопытства, всем своим видом показывая, что понимает всю серьезность их визита:

-Доброе утро, господа! Проходите, пожалуйста, вас ждут. Позвольте ваши пальто и шляпы.

Складки у крыльев носа Алексея обозначались резче, он вытянул губы и чуть надул их, но вдруг решительно сжал рот и шагнул в фойе.

-Мне вдруг подумалось, что Милен будет огорчена, увидев меня. – Шепнул он Луканову. – Кроме того, почему-то заставляешь себя быть выше самого себя рядом с особняком де Конон.

-Милен будет огорчена? Отчего ж? Впрочем, нам что за дело? Но смотри, циркач, становясь выше самого себя, не перепрыгни самого себя. Шею свернешь.

В сопровождении ливрейного лакея они прошли на второй этаж в будуар Милен.

Открыв резную дубовую дверь, лакей, произнеся с легким полупоклоном, – Располагайтесь, господа. Виконтесса сейчас будет, - с достоинством удалился.

Сыщики вошли в небольшую комнату, на полу покоится пышный ковер, мягкостью и цветом напоминающий лесной мох. Обтянутые зеленоватым шелком стены увешаны акварелями пастельных тонов с видами Парижа и Санкт-Петербурга. У стены с узкими, почти готическими окнами, стоят два пухлых кресла и диван, обитые темно-зеленым бархатом. Подле дивана маленький, инкрустированный яшмой столик, на котором в беспорядке лежат иллюстрированные журналы. В углу секретер, заставленный лаковыми шкатулками и хрустальными флакончиками. Легкий запах парфюмерии. Верхний свет приглушен.

Открылась боковая, дверь и в комнату проник яркий свет, мягко вспыхнув радужными бликами на хрустале, позолоте книжных переплетов, рамах картин. Откуда-то донеслось мерное тиканье старинных часов.

На Милен элегантное платье серо-голубого шелка, пышные пепельные волосы убраны во французский пучок. Проходя мимо книжного шкафа, она мельком критически посмотрела на свое отражение в зеркальных дверцах. Легкая улыбка, особенная, свойственная только аристократкам бледность лица. Бросив на Сугробина короткий взгляд, она остановилась и прикусила губу, но, в холодной, светской манере, не выказав при этом особого интереса или волнения.

-Здравствуйте, господа! Я просила прийти вас, Савелий Платонович, одного. Но... Я, право, в растерянности.

-Видите ли, госпожа виконтесса, обстоятельства дела, которое мы сейчас расследуем совместно с господином Сугробиним, не допускает беседу наедине с кем-либо. Правилами проведения сыска мне возбраняется беседовать без свидетелей. – Не моргнув глазом, солгал Луканов. - Согласитесь, что и ваше и мое положение вынуждает нас быть законопослушными. Но, похоже, вы не очень-то удивлены, что я пришел со своим помощником? Но если вам неудобно говорить в его присутствии, мы можем отложить нашу встречу.

-Нет, отчего же? Мое дело не терпит отлагательства. – Милен вздохнула. - Ну раз так... Хорошо, господа, присаживайтесь, прошу вас. Только мне казалось, что дело Кирсана Марковецкого уже закончено. Правда я слышала, что расследование по его делу возобновлено.

В голосе виконтессы чувствовалась определенная настороженность и одновременно любопытство, будто дело убийства Радецкого вызывало у нее особенный интерес, но ничего плохого для себя от следствия она не ждала.

-Любопытно. Но это всего лишь слухи, мадемуазель. С какой стати возобновлять это дело? Преступник найден и изобличен.

-Впрочем, я уже и не помню, этого Марковецкого Не помню. - Милен сдвинула виски, сморщила носик со средиземноморской горбинкой и капризно замотала головой. - Прошлое - не в счет. Во всяком случае, я была образцовая невеста. Не хочу утверждать, что в этом было что-то уникальное, но предавалась я своим обязанностям с подлинным прилежанием.

-Безусловно!

-Когда все закончилось, я была в ярости - не столько на него, сколько на саму себя, что доверилась такому мерзавцу. Но теперь все в прошлом. - В словах Милен чувствовалась ностальгия. - Знаете, ведь все мы вздыхаем об утраченном, потому как считаем, будто у нас и вправду там что-то было.

-А как другие актеры труппы? Вы продолжаете с ними дружить?

-Нет. После ареста Маковецкого решением директора Императорских театров труппа была распущена. Некоторых перевели в Москву, некоторых в провинциальные театры. Это так печально! Простите меня, господа, я вернусь через секунду.

-Ну что же... - Сказал Луканов, когда виконтесса снова села в свое бархатное кресло. - Милен, мы со всем вниманием готовы выслушать вас. Расскажите, пожалуйста, о причине, побудившей вас назначить эту встречу. Что вас к этому подвигло?

-Простите меня. У вас, верно, мало времени, а я... Мы действительно можем начинать. - Сказав, Милен украдкой взглянула на Алексея и едва заметно улыбнулась. - Но прежде я должна предупредить вас, господа, меня всегда удивляет, как слепо люди принимают мои слова на веру. Прошу вас относиться ко всему, что я сейчас скажу с известной долей скепсиса. Только поймите меня правильно: я, возможно, чрезмерно эмоционально оцениваю события...

-Договорились. Но прежде вы сказали, что теперь смотрите на вещи более трезво. Это искренне радует. Итак?

Милен слегка покраснела, но взгляд ее оставался открытым:

-Мне трудно начать.

-Тогда не могли бы вы ответить на некоторые вопросы?

-Пожалуй...

-Милен, ваше дело как-то связано с уголовным преступлением? Вас кто-то обидел? Впрочем, что я говорю! Кто дерзнет вас обидеть? Но, может у вас что-то пропало?

-Нет... Впрочем, да, Савелий Платонович. У меня пропала подруга. Точнее - ее убили. Убили безжалостно, прямо в спальне в ее собственной квартире.

Луканов и Сугробин переглянулись.

-Вот как?..

-Милен, а вашу подругу случаем не Антуанеттой зовут? - Быстро спросил Алексей.

-Простите... - Сконфужено пробормотал Луканов. - Алексей порой может быть очаровательным до бестактности...

-Отчего ж... Да, вы угадали, господин Сугробин. Ее действительно зовут Антуанетта. Вы ее знали?

-Ну-у, нам довелось видеть ее один раз. Да и то лишь мельком. К сожалению, она была уже мертва. - Сказал Луканов.

-Да, - Милен достала из рукава батистовый платочек и обмакнула уголки глаз. - Это ужасно!

-Может быть воды? - Алексей потянулся за звонком вызвать лакея.

-Нет-нет. Все в порядке. Благодарю вас. Не хотелось бы прерывать вашу беседу, а все эта суэта домашних и слуг утомляет.

Немного собравшись с духом, Милен продолжила:

-Уверяю вас, ее смерть оказалась для меня подлинным потрясением. Этот вопрос вначале я решила пока отложить и вернуться к нему позднее. Но третьего дня вечером мне снова представился этот кошмар. И я внезапно поняла, что самое ужасно, это то, что все к тому и шло. Смерть Антуанетты была предreshена. Предreshена сразу же, как только она познакомилась с Родионом Панфиловичем Ухтомским.

-А кто это - Родион Панфилович Ухтомский?

-Господин средних лет. Если быть точнее, то старше Антуанетт лет на двадцать пять. Но такая разница в возрасте даже предпочтительна.

-Какого он звания? Как выглядит? Вы его видели?

-Разумеется, видела. Он дворянин, хорошо образован. Внешность его?.. Да никакая. Заурядная и ничем непримечательная.

-И чем он занимается?

-Ну, ему вовсе не обязательно чем-то заниматься. Он бесспорно человек со средствами. Но он как-то говорил, что иногда читает лекции по теологии.

-Он богослов или священник?

-Нет. Но спорить с ним на теологическую тему я бы не рискнула.

-Родион Панфилович не носит очки? Как, например, я. – Спросил Алексей.

-Нет. Во всяком случае, я не видела у него очков.

-Милен, я вас попрошу начать с самого начала. Где и при каких обстоятельствах вы познакомились с Антуанетт. Кто вас отрекомендовали друг другу?

-Представьте себе – никто нас не отрекомендовал. Я познакомилась с ней на выставке передвижников. Был выставлен ранний Васнецов, а это такая редкость, что я просто не могла пропустить эту выставку. Кроме того, мне в то время хотелось побыстрее выкинуть Марковецкого из своей жизни, и я старалась быть на людях. Наше знакомство с Антуанетт было случайное. Мы перекинулись мнениями о картине «Преферанс», а дальше, так получилось само, осматривали выставку вместе. Потом мы обменялись каталогами выставки, на которых записали номера своих телефонов. – Милен на секунду задумалась. - Если вам и вправду это интересно, я могу вернуться к выставке немного позднее.

-Разумеется, - согласилась Луканов. - Пожалуйста, продолжайте. Так что, Родион Панфилович Ухтомский? Где Антуанетт познакомилась с ним?

-Где именно, я точно не знаю. Но Антуанетт не была домоседкой. Мне показалось, что она боится даже мимолетного уединения. По-моему, она познакомилась с господином Ухтомским на благотворительной лекции... Да-да. Точно. Именно поэтому я и знаю, что он читает лекции.

-О чем была лекция?

-Что-то о боге, о смысле жизни, о спасении души. В общем, ахинея какая-то. Я бы даже не стала тратить время на выслушивание этого. Вы же знаете, ныне объявилось столько проповедников.

-Да. И что? Ну познакомились? Ну, может, Антуанетта прояснила для себя несколько вопросов, возникших во время лекции? Так что из того? Это же не повод продолжать знакомство. Антуанетт светская дама и должна была соблюдать приличия.

-Антуанетт пыталась быть светской дамой. Она из простых. Французский она не знала, хоть и прожила почти два года во Франции. И там и здесь путалась с кем попало. Кстати, она попыталась как-то нанести визит вежливости французскому послу, но он не нашел времени принять ее. – Милен притворно вздохнула. – Как я уже сказала, что Антуанетта боялась одиночества. Но она была непретенциозной барышней, но, вероятно, излишне бесхитростной. Вот ее и впечатлил своими речами о всяческих смыслах господин Ухтомский. Я в начале даже порадовалась за Антуанетту. Ухтомский произвел на меня впечатление респектабельного господина, а Антуанетт вдова и одинока. Я подумала, что у них завязался роман, любовная интрижка. Но я жестоко ошиблась.

Как я уже сказала, я, в общем-то, не возражала против Ухтомского. Но после я поняла, что он добивается своего агрессивной, не терпящей возражений манерой. После недели такого, с позволения сказать, воспитания, Антуанетта заметно почерствела и замкнулась. Насколько мне известно, Ухтомский требовал от нее полного отчета обо всех личных делах и даже потраченных средствах. Ее собственных средствах! Оба они стали какими-то чужими и скрытными.

Вначале ее чувства были глубоко запятаны и не находили выражения, а недели две назад вдруг получили выход. Не знаю, что там у них случилось, но Антуанетт чуть не попала в

психлечебницу на Пряжке. Ой! Прошу простить! У меня такое ощущение, что я сообщила вам историю чужой болезни.

-Не смущайтесь. Мы очень ценим вашу откровенность.

Милен бесстрастно улыбнулась и продолжила:

-Если надо, он умел найти подход к любому человеку.

-А к вам он не пытался найти подход?

-Поначалу да. Но меня угораздило не вляпаться. Как только Родион Панфилович узнал, что я дочь Феликса де Конон, тут же отступил и впредь вел себя по отношению ко мне весьма корректно.

-Понимаю. – Усмехнулся Алексей. – Тень такого отца, почище тени Командора будет.

-Вы напрасно иронизируете, господин Сугробин. Если бы вы знали как порой тягостна эта тень. Но я относительно счастлива, но в то же время прекрасно понимаю, сколько людей вокруг несчастны.

-Простите моего помощника, госпожа виконтесса, он иногда сам не знает, что говорит. В нем живет не один человек, а целая толпа, что разговаривает разом. А ты, Алексей, помни, что тебя на эту встречу не приглашали, так что сиди и молча слушай. Милен, продолжайте, прошу вас.

-Так я уже сказала вам то, что знаю.

-А что горничная Антуанетты? Вы можете что-нибудь сказать о ней?

-Да нет... Да и что можно сказать о чужой горничной?

-Да и в самом деле...

-Пустое это, господа, говорить о слугах. – Милен махнула ладошкой. - Не знаю, в курсе ли вы, но все имущество, как и банковский счет Антуанетты графини де Серьжо переданы в какую-то духовную общину, как результат прослушивания теологической лекции господина Ухтомского.

-Как!? Все имущество и все деньги!? – Воскликнул Луканов, с изумлением глянув на Сугробина. – Когда!

-Что вы имеете в виду? - Привстав от волнения, спросил Алексей.

-Как что? То, что я сказала. Антуанетта все полученное от супруга наследство, пожертвовала какой-то секте. Я ничьих секретов тут не открываю.

-Вы это знаете достоверно?

-Она сама мне это сказала.

-А когда вы в последний раз виделись с Антуанетт?

-Три дня назад.

-Она была взволнована? Огорчена?

-У нее была жуткая меланхолия. Но не по поводу передачи своего состояния, а по поводу какого-то свитка барона де Рэ. Или списка? Я толком не поняла, да и не думаю, что это столь важно. Антуанетт, вероятно, по своему обыкновению приняла все очень близко к сердцу и потому сильно расстроилась.

-А где теперь Родион Панфилович?

-Этого я не знаю. Может свои лекции читает, а может очередную жертву ищет. Господа, прошу простить меня, но ко мне через пять минут придет модистка...

-Конечно! Большое вам спасибо, Милен. Вы нам чрезвычайно помогли. Нам придется принять определенные меры и можно ли с вами заранее договориться о встрече? Разумеется, если у нас возникнут вопросы, а у вас найдется свободное время.

-Полагаю, это возможно. Буду рада помочь вам. – Но в голосе Милен определенно сквозило сомнение.

Луканов встал.

-Ваш брат был знаком с Антуанеттой?

-Нет. Мы в последнее время почти не общаемся. Кстати на днях, по настоянию отца, Витольд уезжает на годичное лечение в Вену к доктору Фрейду.

-И последнее. Зачем вам нужно было рассказывать нам об Антуанетте?

-Мне надо убедиться, что справедливость в данном случае восторжествует. Может, это звучит несколько высокопарно, но именно в этом и есть мое желание.

-Вы действительно хотите, что бы Ухтомский получил по заслугам? – Спросил Алексей. - Разумеется, если он окажется преступником?

-Да. И надеюсь, что суд было справедливым.

-Скажите, Милен, - Луканов замялся, - есть ли у вас основания, в связи со смертью Антуанетты, опасаться за свою жизнь?

-У меня? Нет. Мне ничто не угрожает.

-Стало быть, вы настаиваете только на справедливом возмездии?

-Безусловно! Господа, – Милен встала, – я покидаю вас. Всего хорошего.

Луканов и Сугробин вышли на Фонтанку.

-Этот Родион Панфилович, по всей видимости, законченный прохвост. – Заметил Луканов, закуривая. – Секта. Духовная община. Что ж, глупцы всегда рвутся туда, где боятся пройти даже ангелы.

-Вот и верь теперь женской интуиции.

-Женская интуиция это самообман. Фикция. Мираж. Самооправдание для собственной глупости.

-Но и Милен хороша: «я была образцовой невестой». - Проверещал Алексей гнусавым голосом говорящего попугая. – Самодовольная, заносчивая вертихвостка с замашками королевы Англии, Франции и Швеции одновременно. Что мамаша, что дочка...

-Алексей, хватит ерничать и быстро за газетами – завтрашними, сегодняшними, вчерашними, позавчерашними, за любыми! Нужно узнать, где господин Ухтомский в ближайшее время будет читать свои лекции «о смыслах».

-А разве мы уже не встречались с ним?

-Едва ли. Но мне он почему-то кажется главной пружиной нашего дела.

Сыщики обменялись многозначительными взглядами. Луканов нахмурился, словно вдруг вспомнив о чем-то серьезном и спросил:

-Который час?

-Двадцать пять минут второго.

-Алексей, ты понял указание?

-Так точно!

-Так чего ты стоишь? Выполнять немедленно и с достаточной скоростью!

-Слушаюсь, ваше превосходительство! Куда прикажите доставить газеты?

-В управление.

Заметно похолодало. Хмурые, дождевые облака вновь нависли над Санкт-Петербургом.

Глава 27

Проводив взглядом Алексея и дождавшись, когда он скроется за углом, Луканов на мгновение задержал взгляд на желтеющим за нагими тополями цирк Чинизелли и вернулся в особняк да Конона.

Феликс Эллиот де Конон принял Савелия Платоновича в своем кабинете в правом крыле третьего этажа.

-Добрый день! Прошу вас... проходите и располагайтесь.

Поблагодарив, Луканов сел в предложенное кресло у маленького стола.

Виконт сел напротив и пододвинул коробку сигар:

-Прошу вас, Савелий Платонович.

Повисла пауза. Виконт явно взволнован и не знает, как начать разговор. Наконец он решился:

-Савелий Платонович, я вчера телефонировал вам и пригласил... Впрочем, что я говорю? Просил, разумеется, просил вас о встрече. Причина моей просьбы обстоятельства чрезвычайной

важности. Скажу больше, буквально на днях я был в Детском селе. Вы, верно, понимаете, что я имею в виду?

Луканов кивнул:

-Разумеется, ваше сиятельство.

-Государь император весьма озабочен. Можно сказать он крайне угнетен одним обстоятельством. - Де Конон порывисто привстал и взял сигару. Обрезав кончик, он машинально стал разминать ее, словно скверную, асмоловскую папиросу.

-Да... - Проронил он каким-то своим мыслям и... вновь отрезал кончик сигары, но уже спереди. – Так вот... Вы, вероятно, знаете, что у Государя гостит мосье Филипп Ансельм-Вашо?

-Разумеется. Ныне все думы у меня о том, как получше услужить мосье Филиппу.

-Так вот... - Пропустив реплику Луканова мимо ушей, продолжил виконт. - В общем, я не буду ходить вокруг да около. Список. Необходимо срочно найти список.

-Какой именно список необходимо найти, ваше сиятельство?

-Тот, который вы обнаружили в квартире Радецкого.

-Такая мелочь беспокоит Государя? Неужели этим списком интересуется даже маг и волшебник Филипп, пользующийся беспредельной доверчивостью императорской семьи?

-Оставьте это. Доверчивостью... Нет, разумеется, не тот список с именами «клиентов» адвоката-шантажиста, а тот, что унес с собой Сакердон.

-Так может, будет проще спросить самого Сакердона, куда он дел его? Вызвать и со всей строгостью спросить его.

-Сакердон... - Виконт судорожно раскурил сигару, - Сакердон четыре дня назад пропал. Его ищут, но пока безуспешно, никаких следов.

-Как пропал? Буквально вчера, около двух дня я разговаривал с ним по телефону.

-Что!? Вы разговаривали с ним по телефону?!

-Да. Он сам мне позвонил.

-Вы в этом уверены?

-Абсолютно, ваше сиятельство. Уверен так же, как уверен в том, что сейчас разговариваю именно с вами.

-Вот так фортель... Савелий Платонович, вы не будите возражать, если в нашем разговоре примет участие еще один господин? Он занимается розыском Сакердона.

-Нет, конечно, вы же хозяин...

Виконт нажал кнопку звонка.

В кабинет, скромно улыбаясь вошел Гурьян Уварович Силин.

-Господа, вероятно нет надобности представлять вас друг другу? – Спросил де Конон.

-Нет, конечно. - Силин взял стул и сел за столик. - Добрый день, Савелий Платонович.

Луканов сухо кивнул.

-Гурьян Уварович, господин Луканов утверждает, что вчера разговаривал по телефону с Сакердоном. Вы знаете об этом?

-Разумеется, ваше сиятельство. Полагаю, Савелий Платонович не в претензии, что мы совершенно случайно прослушали его телефонный разговор с Сакердоном?

-Помилуйте, сударь, какие претензии! Вы, надо думать, все разговоры прослушиваете. И не только телефонные, безусловно, сове-е-ершен-но случайно.

-Перестаньте, господа. Сейчас не время предъявлять взаимные упреки. Дело государственной важности. Сам государь весьма озабочен этим делом. Советую вам хотя бы на время оставить свои разногласия.

-Как прикажите, ваше сиятельство. – Силин скромно потупил хитрые глазки. – Но, возвращаясь к телефонному звонку, Савелий Платонович, вы ожидали звонка Сакердона?

-Разумеется, нет. Вы же слышали наш разговор. Пустой и никчемный. Кстати, вы, должно быть, установили, откуда он телефонировал?

-Да, нам удалось определить, что Сакердон звонил из квартиры Алтуфа.

-Как!!! – Воскликнули Луканов и де Конон одновременно.

-Да вот так.

-Что же он там делал? Как он туда попал? – Спросил Луканов.

-Я тоже желаю знать, что делал там Сакердон и как он туда попал. – Ответил Силин и зловеще добавил. – И рано или поздно я выясню ответы на эти простые вопросы.

-Но, учитывая должность Сакердона, это для него серьезный проступок. – Заметил де Конон.

-Вы правы, ваше сиятельство. Случай весьма серьезный. Сакердон не имеет отношения к расследованию убийства Алтуфа и потому не имеет права входить в его квартиру. – Силин лукаво взглянул на Луканова. – Это позволено только чинам Сысского управления. Ну а что касается Сакердона, то благодаря его незаконному посещению квартиры Алтуфа у нас нынче есть полное право арестовать его, скажем, по подозрению в убийстве Алтуфа.

-К черту вашего Алтуфа! К черту ваши подозрения! Список! Вот что необходимо срочно и даже еще много быстрее найти. – Де Конон нервно ткнул окурочку в серебряную пепельницу. – Сакердон... Если вскрыется, что именно он повинен в утере списка или в его сокрытии... То тогда он сам подписал себе смертный приговор.

-Ваше сиятельство, в Российской империи смертная казнь отменена. – Вставил Луканов.

-Неужели? – Делано удивился де Конон. – Экая незадача. Придется вновь ввести. Но, господа, хватит пустословия. Давайте обсудим то, что у нас есть на сегодня по списочному делу. А что случилось и кто во всем виноват, мы обстоятельно обсудим позже.

-Ваше сиятельство, вам что-нибудь говорит имя некоего Родиона Панфиловича Ухтомского? – Спросил Луканов.

-Нет. А кто это?

-Персонаж одной из моих версий. Ничего особенного. И тогда еще один вопрос – вы случаем не знаете графа Владимира Константиновича Соколовского?

-Нет. Странная для графа фамилия. Из разночинцев?

-Вполне возможно, но точно не знаю. А вы, господин Силин, что-нибудь слышали о них?

-Увы, нет. Но если вы полагаете, что эти лица могут помочь в розыске, то в самое ближайшее время я постараюсь предоставить вам информацию о них. – Силин что-то отметил в своем блокноте.

-Вот как? И как же вы намерены действовать?

-У меня, Савелий Платонович, свои методы.

-Вероятно именно эти ваши методы и помогли вам проворонить список?

-Поверхностные мотивы...

-Господа... господа! Прекратите немедленно. Ну что за перепалка! Как гимназисты, право! – Де Конон легонько стукнул ладонью по столу. – Вы забываетесь, где находитесь! Вы еще арестуйте друг друга.

-Ну как же я могу арестовать господина Силина? Кто мне это позволит? Но мысль неплохая.

-Подгоняемый сознанием долга, охотно соглашусь с вами, Савелий Платонович, что мысль об аресте хоть куда. Разрешите в таком случае и мне отметить, что у меня пока нет формального повода арестовать вас.

-Вот и славно, господа. Вы как Журавль и Лисица в басне Крылова! И потому я вновь призываю вас к сотрудничеству.

-Ваше сиятельство, - Луканов встал, - ваш призыв к сотрудничеству носит приказной характер?

-Разумеется нет, ваше превосходительство. Это необременительная для вас рекомендация.

-Чья рекомендация?

-Ну... Некоего влиятельного лица.

-Ваше сиятельство, вы не назовете имя этого анонима?

Де Конон развел руки.

-Увы...

-В таком случае, позвольте откланяться. На сегодня у меня много дел. Я искренне сожалею, если не оправдал чьих-либо надежд. Виконт, вы были очень любезны со мной, благодарю вас. Господин Силин, желаю вам всяческих успехов. Честь имею, господа!

Уже выйдя на Фонтанку, Луканову вдруг пришла в голову мысль, что он не спросил Милену - а как вообще попала Антуанетт на ту злополучную первую лекцию Ухтомского? У него возникло предчувствие, что ответ на этот вопрос способен дать в руки ту ниточку, благодаря которой можно раскрутить весь клубок.

Глава 28

Будучи околоточным, Гудович проводил самостоятельные расследования, но то были дела мелкие, преимущественно бытовые. Распоряжение Луканова провести следствие по делу убийства Антуанетты графини де Серьжо несколько озадачило Константина Георгиевича, но за дело он взялся с большим энтузиазмом и рвением.

На следующее утро Константин Георгиевич поднялся очень рано. Спал он в эту ночь плохо, часто просыпался, курил прямо в постели, а уже под утро выпил чашку крепкого кофе, что окончательно развеяло сон. Он встал, побрился, позвонил околоточному Еремееву и договорился с ним о встрече в квартире Антуанетты для проведения повторного обыска.

Утро выдалось без дождя и Гудович, с видом человека, которого ничто не может удивить, помахивая коленкоровым скоросшивателем, энергично перешагивал лужи и размышлял о таинственном любовнике Антуанетты. Константин Георгиевич заранее убедил себя, что, найдя этого господина с моноклем, он, тем самым, изобличит и убийцу графини. Серпуховская от дома Гудовича была на приличном расстоянии, но он специально не стал брать извозчика: на ходу хорошо думалось.

Сама Антуанетта, по мнению Гудовича, была заурядной дамой - вышла замуж, потому что муж означал для нее обеспеченную праздную жизнь. Что ж, об этом мечтают многие женщины и ее в этом трудно упрекать. Своего супруга она вряд ли любила но, по всей видимости, была с ним терпимой и достаточно ласковой. Потом уехала с ним во Францию. После смерти мужа вернулась. Вот это последнее обстоятельство вызывало у него недоумение – «Зачем вернулась? Для чего? Поменять Ривьеру на меблированный клоповник? Может обстоятельный обыск что-нибудь прояснит?». Гудовичу показалось, что истина близка, ну просто рукой подать.

Околоточный Еремеев, двое городских и двое понятых уже ждали в квартире Антуанетты.

-Доброе утро, господа.

-Здравия желаю, ваш-сок-бродь! Гаркнул околоточный.

Городовые вытянулись во фрунт и взяли под козырек.

Понятые, два косматых и бородатых мужика, похожих друг на друга как близнецы-братья, испуганно вздрогнули и перекрестились.

-Господа, вы верно уже поняли, - сказал Гудович, - что я не случайно пригласил вас. Мы проведем тщательнейший обыск. Вы, - обратился он к понятым, - будете сидеть молча, ни во что не вмешиваться и не мешать нам. После обыска просто подпишите протокол. Вы, я надеюсь, грамотные?

-Писать и читать мы выучены.

-Вот и отлично! Итак! За дело, господа!

-Что именно мы будем искать. – Спросил околоточный.

-Все, что поможет нам найти господина с моноклем. Письма, записки, что-то из личных вещей... А я пока спущусь вниз и допрошу консьержку. Когда придет горничная, дайте мне знать...

Гудович прекрасно знал, что свидетелям нельзя верить на слово. Люди помнят лишь версии событий и то, что придумали сами, интерпретируя их. Но знал он и иное - если всегда исходить из этого соображения, можно вовсе не добиться никакого толку. Сейчас он попросту не

знал чем занять себя, да и подспудная надежда - а вдруг консьержка или горничная что-нибудь скажут примечательное?

-Итак, мадам, я надеюсь, что вчерашние ужасные для вас мгновения ушли в прошлое. Вы успокоились? Расскажите все... абсолютно все... с самого начала. Только ничего не выдумывайте!

– Гудович достал из скоросшивателя лист писчей бумаги. - Теперь, для протокола, ваше имя?

-Ксения Плежер. – Консьержка, элегантная, стройная, лет тридцати, устало, но доброжелательно улыбнулась.

-Как давно вы здесь служите?

-Пятый год пошел.

-Отлично! Тогда вы должны многое знать о жильцах и о гостях, что к ним приходят.

-Господин сыскной, если бы я много узнала, то меня бы тут же уволили бы. Консьержкам не полагается много знать ни о жильцах, ни об их гостях.

-Да? Странно. Но вы же видели господина с моноклем, что приходил к графине? Верно?

-Да. Но я уже говорила, что я не знаю ни его имени, ни его звания. Приходил и уходил. Мне что за дело? Графиня сама распорядилась пропускать его в любое время.

Гудович схватил Ксению за запястье и сильно сжал:

-А вы меня, сударыня, не обманываете? Перестаньте дурить! Это серьезное дело.

-Отпустите! Мне больно! Зачем мне вас обманывать? – Ее голос дрогнул и она попыталась встать, но Гудович удержал ее. Ослабив захват почти до дружеского рукопожатия, он медленно отпустил руку.

-Ну-ну... А... документы?

-Какие документы?

-Паспорт у вас в порядке?

-Конечно. Кто бы взял консьержку на службу с не выправленным по всем правилам паспортом?

-Ну да... Конечно. Это я так, для протокола, спросил.

В околотке Гудович привык иметь дело с пьяными фабричными рабочими, бродягами и мелкими жуликами. С ними было все просто. Консьержка в его представлении была уже почти из господ и как вести себя с ней он даже не представлял. В зубы не дашь. Еще окочурится. Да и визгу будет. В каталажку на ночь не посадишь, надо официальное постановление – Сыскное управление это не околоток, где он был полновластным хозяином и сам решал кого в камеру, кого для острстки выпороть, кого отправить к сыскным, а кого отпустить.

-Вы, наверно, ужасно испугались? – Примирительно сказал Гудович. – Убийство. Полиция. Допросы.

-Конечно, испугалась. Наш дом тихий, а тут сразу обрушилось такое.

-На вид вы спокойны.

-За пять лет я научилась сдерживать себя. С господами ведь работаю! А с ними и трудно, но и легко.

-Как так?

-Так они, господа, по пустякам не пристают. Идут себе мимо, тебя и не замечают. А если что им понадобится, так вежливо обратятся. «Милочкой», к примеру, назовут. Ни ругани тебе, ни, прости господа, рукоприкладства. Я-то прежде на фабрике работала. Так там такое творилось... что и вспоминать-то стыдно.

Щелкнул замок парадной двери и с улицы вошла стройная барышня, лет двадцати пяти, с прямыми рыжеватыми волосами и приятным продолговатым лицом с ямочками и веснушками. Цветущий вид ее мог бы украсить коробку «Геркулеса» фабриканта Калитина.

На барышне дорогое твидовое пальто с небрежно накинутой горжеткой беличьего меха, в руке маленький несессер черной кожи.

-А вот и горничная госпожи Антуанетт пришла. Может она что-нибудь вам расскажет?

-Да? Хорошо. – Гудович встал и загородил собой вход на лестницу. – Сударыня, а я вас с самого утра жду. Вы горничная графини де Серьжо?

Девушка медленно хлопнул глазами и, надменно взглянув на Гудовича, жеманно спросила:

-А вы кто такой чтобы вопросы спрашивать?

-А я из полиции. Прошу вас... Ксения, подпишите протокол и, будьте так добры, позвольте нам побеседовать с горничной у вас за стоечкой.

-Пожалуйста. Мне все равно нужно лестницу промести, да перила протереть. Беседуйте себе на здоровье. – Странно усмехнувшись, она ушла к лифту.

На этот раз в допросе Гудович решил применить тактику нажима.

-Итак, сударыня, вы предпочитаете, чтоб вас арестовали сразу?

-Меня?

-Да-да. Именно вас.

-А за что? – Туповато спросила горничная, кокетливо растягивая слова. – А покажите-ка бумагу, разрешающую вам меня арестовать.

-Да без бумаги. Арестую и все. Но если честно ответите на мои вопросы, то я отпущу вас домой..

-Господи! Голова у меня вся мокрая и за воротник стекает, да ботики мои промокли... Бр-р! А тут вы еще со своими вопросами, да арестами. Да я ни в чем не виновата. В глаза уличить бесстыдно всякий горазд, да еще и облыжной напраслины всякой наплести.

-А я ни в чем и не подозреваю вас. Просто сыскной порядок такой. Да и кто может на вас поклеп-то навести?

-Да хоть эта вот. Ксюха-консьержка. – Горничная понизила голос. - Я ее с дворником видел в портерной. Пиво пили. Та еще оторва. А опосля портерной они...

-Ну это ладно... Если вы скажите, как зовут господина с моноклем, что постоянно приходил в гости к вашей хозяйке, то вам ничего не грозит.

-А мне и так ничего не грозит. Что я – побирушка или у меня «Желтый билет»? Что я, горизонталка из Рождественской части!

Я не спрашиваю вас, когда вы прошли и вообще проходите ли вы врачебно-полицейский осмотр служительниц любви. Я спрашиваю, где вы находились в момент убийства?

-А когда это было? - Горничная истово перекрестилась и уставилась мутными глазами на Гудовича.

-Что – когда?

-Ну, хозяйку-то? Когда кончали?

-Это я у вас хотел узнать.

-Во! А я знаю? И не пытай меня!

Одни свидетели дают показания, только если их довести до крайнего волнения, другие – только когда испуганы, с некоторыми нужно обращаться жестоко, с другими только мягко, можно даже договориться и поторгаться, если того требуют интересы дела. Но эта горничная явно не отличалась ни интеллектом, ни чувством юмора. По опыту Гудович знал, что такие самые упертые, таких можно заставить говорить только посредством примитивного физического воздействия. Логические выкладки, сколь ни были бы они безупречными, никакие аргументы для подобных людей попросту недоступны. Чертыхнувшись про себя, он уныло спросил:

-Как ваше имя?

-Грунька мы. А что?

-Да так, ничего, - и мрачно добавил, - красивое у тебя имя. Гру-у-ня.

-Сама знаю.

-Так что ты, Груня, можешь сказать о господине с моноклем?

-Да ничего. Госпожа Антуанетт отпускала меня, когда он приходил. Да ничего я не знаю. Отстаньте вы от меня. Мне работать надо.

-Кстати о работе. Ты сейчас куда идешь?

-Как куда? Наверх. На службу. Тама остались еще немытая посуда, пыль протереть надо, коврик в проходной вытряхнуть.

-Но ведь ты теперь безработная.

-Почему это?

-Боже праведный! Так хозяйку твою убили. Вот почему. Кому ты теперь нужна здесь. Так что сдавай консьержке ключ от парадного, тебе он более не нужен.

-Да? – Наивно удивилась Грунька. – А ведь и верно! Хозяйку-то утюкали. А я об этом и не подумала. Похоже, ты не врешь, господин хороший. А как же я теперь? Что же мне делать?

-Искать другую работу.

-А где?

-Тьфу ты, - Гудович нервно закурил и тихо выругался. – В общем так, говори где живешь?

-Наклонись, я шепну на ушко...

Гудович послушно пригнулся.

-У друга своего. Мы с ним с одной деревни. Его Петькой зовут. Хороший мужик... Почтительный, но пьющий.

-Адрес говори, а не с кем ты живешь.

-А я знаю? Мне что? Письма самой себе писать? Это тут, прямо за углом. На углу Кабинетской и Николаевской. Как свернешь сразу под арку, тама врезанная в уступ дверь в нашу каморку. Вот в ней мы и живем. Чай не трущобное место. А ты что ко мне в утробу в гости собрался? Смотри! Петька ревнивый, по шее так наcostыляет! За милую душу! Он меня любит.

-В общем так, Груня. От своей каморки далеко не отходи. Пасись рядышком. Поняла?

-Поняла. А почему?

-Потому что понадобится.

-Кому? Тебе что ли? Ну и умора! Нужен ты мне... Да и дорого у меня! У тебя денег не хватит. - Груня кокетливо засмеялась и даже зарделась от удовольствия. – А если хочешь схлопотать по роже, так это мой Петька запросто и задарма сделает! Ох и лютый же он когда трезвый.

-А когда напьется, на руках тебя что ли носит? – Гудович усмехнулся. – Но ты понадобится не мне, а полиции. Сысному управлению. Ясно?

Груня долго и бессмысленно смотрела на Гудовича, беззвучно шевеля губами и, наконец, произнесла:

-Ясно. А зачем?

-И тебе, и твоему Петьке там все доходчиво объяснят. Так что сиди и жди в своей конуре.

-Это тебя что ли ждать-то? Ну ты, кобель окаянный, и даешь! Да у меня, таких, как ты, знаешь сколько? – Она облизнула кончиком розового язычка влажные губы, взгляд ее окончательно помутнел и, как бы защищаясь, она загородила руками высокую грудь. – Желаю на тебя начихать! Много тут вас, лишь об одном только и думают. Да катись ты разом на все четыре стороны со своими отворотами! Нашел просмешницу! Тебе только с лошадьми разговаривать, а не с благородными дамами. Ну, что вылупился? Все вы дерьмо, что самое вонючее.

На миг Гудовичу показалось, что мозг его стал двумя пустыми оболочками. А тут еще все тело его болело после бессонной ночи. Эта девица без всяких мыслей и без намека на воображение, своей непосредственностью кого хочешь сведет с ума. Но следом появилась здравая мысль, что Антуанетта просто не могла взять в горничные такую тупицу. Просто не могла. Но, впрочем, отчего бы собственно и не могла? Глупость в определенных ситуациях бесценное достоинство.

Но, судя по всему, Груня может сконцентрироваться только на одной секунде своей жизни. Она держится за клочок времени, оторванный и от прошлого, и от будущего. Она попросту выдернута из непрерывности времени и потому вне его. Если это так, то ей действительно нечего бояться. Ибо источник страха в будущем, а она не в силах представить это свое будущее хоть на миг. Груня родиться-то родилась, но вот проснуться явно забыла. Но нет, что-то здесь все равно не то...

-С тобой, Груня, исключительно трудно иметь дело. И я начинаю думать, что мы дадим маху, если тут же не арестуем тебя и твоего дружка. А теперь покажи мне свой вид на жительство. Паспорт-то у тебя, надеюсь, есть?

-Есть. Дома. – Фыркнула Груня и равнодушно махнула рукой на парадную дверь.

-Сейчас ты сходишь с городовым к себе домой и покажешь ему свой паспорт. Поняла?

-Поняла. – Визгливо вскрикнув, Груня зажала рот рукой. – А твой городской при форме?

-Разумеется.

-Тогда вались. Если он при форме и при фуражке, то мой Петька его не тронет. У него знаешь как? Чуть что, задаст такого трезвона, что не шали, а читай отходную!

-И на том спасибо, что не тронет. Тоже мне – принцесса! Кстати, твой Петька был хоть раз в квартире госпожи Антуанетт?

-Нет. – Груня покачала головой. – А что ему там делать?

-И последний вопрос - сколько времени ты служила у графини?

-А с сентября. Теперь уже больше двух месяцев будет.

-Распишись здесь. – Гудович хмуро ткнул пальцем куда-то вниз протокола. - На козе к тебе, Груня, не подъедешь, да и не искришься ты благим смущением.

На миг Константину Георгиевичу показалось, что сквозь мутный взгляд экс-горничной блеснуло что-то осмысленное. Но только на миг. Этакое выражение раздвоенности. Или ему это почудилось? Но улыбка у Груни была какая-то нехорошая. Как будто она видела его насквозь и читала все его мысли.

Повторный обыск в квартире Антуанетт ничего не дал. Ни одной зацепки. Где и как искать господина с моноклем, Гудович себе даже не представлял. Но что-то предпринимать необходимо и он решил вечером позвонить Силину в надежде, что тот чем-нибудь поможет ему. Но заметалось заунывным эхом в голове, что указание о расследовании убийства графини де Серьжо он получил от Луканова, а значит доложить результаты необходимо и Савелию Платоновичу. Не дождавшись городского, что послал с Груней удостоверить ее паспорт, он отпустил понятых и полицейских. Сложил протоколы в скоросшиватель и, взяв извозчика, отправился в Сыскное управление.

Глава 29

Часы пробили четыре дня, когда Гудович, по ставшей уже привычкой, без стука вошел в кабинет Луканова. Пристав и его помощник являли собой образец служебного прилежания. Алексей, за своим маленьким столом в углу, внимательнейшим образом присматривал пухлую стопку газет, а Луканов, сидя на стуле возле открытого стального цирренмановского сейфа доставал папки с документами, бегло просматривал их и аккуратно клал на место. На некоторых папка стоял фиолетовый штамп: «Департамен сыскной полиции. Наивысшая секретность».

-Константин Георгиевич! Здравствуйте! Как продвигается дело Антуанетт?

-Покамест глухо, Савелий Платонович. Добрый день.

Луканов понимающе кивнул. Алексей на секунду оторвался от газет и спросил:

-Что, никакой зацепки?

-Совершенно, господа. Сегодня я провел доскональный обыск квартиры Антуанетт, допросил консьержку и горничную. Ничего нового.

-Каковы ваши дальнейшие планы? – Спросил Луканов.

-Пока никаких. Разве что допросить соседей. А что у вас нового по делу Алтуфа? Я вижу, господин Сугробин заинтересовался прессой? Или это от праздности?

-А-а, - отложив очередную просмотренную газету, - отозвался Алексей, - да нет, не от досужего любопытства. Так, знаете ли... Учитывая, что мы об убийстве Алтуфа узнали из газеты, решил вот просмотреть все сегодняшние выпуски, в надежде узнать еще что-нибудь интересного... По делу Алтуфа, разумеется.

-Да-да, Алексей! И будь повнимательнее да не отвлекайся на бытовые фельетоны и светские сплетни.

-А вы, Савелий Платонович, решили навести порядок в своем сейфе?

-Порядок? Гм... Если в моем сейфе когда-нибудь возникнет порядок, то это значит, что мне пора на пенсию.

-Ну что вы, ваше превосходительство! Да как мы без вас...

-Прекратите, Константин Георгиевич. Что вы как канцелярист, право. Вы сыщик и потому давайте без лстивости. Сыскное управление работало до меня, будет работать после и так будет до скончания веков. Кстати, первый начальник Сысского управления Иван Дмитриевич Путилин начинал свою карьеру именно в околотке Спасской части, квартальным надзирателем.

Гудович пожал плечами:

-Ну и что из этого?

-Как что? Вы сказали, что сегодня проводили обыск?

-Да.

-А околоточный Федор Иванович Еремеев присутствовал?

-Разумеется.

-Так это его околоток. Именно Спасской части. - Вмешался Алексей.

-Да? Гм... А ведь, в самом деле. Надо же.

Луканов закрыл сейф и сел за свой стол:

-Нуте-с, Константин Георгиевич, присаживайтесь поближе и докладывайте. Что дал допрос свидетелей?

Гудович развел руками:

-Ничего.

-Как квартира Антуанетт? Все ли на месте?

-Да. Впрочем, околоточный отдал дворнику аквариум. А так все на своих местах.

-То есть ничего не пропало и квартира в порядке?

-Да, Савелий Платонович. Вот извольте. Я составил рапорт. — Гудович открыл скоросшиватель и достал лист бумаги:

-Прошу вас.

Луканов поморщился и, взяв рапорт, вслух прочел:

«27-го ноября 1901 года. Город Санкт-Петербург.

Его Превосходительству, следственному приставу Санкт-Петербургского Сысского управления, г-ну Луканову С. П.

Помощник пристава того же управления Гудович К. Г.

РАПОРТ

Настоящим имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что сего 27-го ноября, согласно Вашему распоряжению, мною...».

-М-да... - Савелий Платонович пролистнул рапорт, взглянул на протоколы допросов и обыска. - Все это, конечно, правильно. Ну а сами вы можете рассказать? Без казенных бумаг?

-Разумеется...

Гудович подробно рассказал о допросе Ксении Плежер и Груньки.

-Вам сегодня досталось. А? Эх, Груня, Груня! Несгибаемая барышня, ничем ее не прошибешь, почти блаженная. Василек во ржи. Что скажешь, Алексей?

-Странно все это. — Задумчиво произнес Сугробин. — Любой человек - это его прошлое. А что если попробовать охарактеризовать Груню, используя несколько слов. Ну, скажем — пять.

-Ты опять что-то затеял? — Усмехнулся Луканов. — Зачем это? Кстати, ты просмотрел все газеты?

-Да. Шнейфер-Экзекуторв связи « С непостижимым убийством графини де Серьжо» вновь в уповании, что перст карающей Немезиды настигнет убийцу. На убийстве которой, по мнению Экзекутора, опять лежит треклятая печать загадочности.

-Ясно. Можешь не продолжать. Зерцало столичной журналистики все в том же стиле, даже слова все те же. Но что нам даст характеристика Груни?

-Пока не знаю. Пусть это будет как игра или, если угодна, умственная разминка, весьма искусственная и произвольная. Алгебраическое уравнение со всеми неизвестными. Попробуем, Константин Георгиевич?

-Ну-у... Даже не знаю... Как-то неловко. Но извольте. Э-э-э... «Горничная графини де Серьжо круглая идиотка».

-Слово «идиотка» в устах медика диагноз, но ведь вы не врач, стало быть, в этом случае это звучит как ругательство. Давайте не будем употреблять ругательных слов и попробуем еще раз. Кстати, вы можете использовать и меньшее количество слов.

-Меньшее? – Пробормотал Гудович. – Хорошо, попробую – «Горничная графини законченная тупица».

-Уже лучше. Но давайте выкинем слово «законченная». Оно здесь явно лишнее.

-Повторить?

-Да, если это вас не затруднит.

-«Горничная графини тупица».

-Вот! Трех слов оказалось вполне достаточно. А теперь, Константин Георгиевич, ответьте мне – как деревенская девка, этакая пастушка, неразвитая этически и эстетически и даже откровенная хамка смогла поступить на службу к молодой и весьма состоятельной особе, которая претендовала на аристократизм и принимала у себя уважаемых господ?

-Да как... как... Да очень просто! Антуанетта дала объявление в газету, Груня пришла, вот и все.

-Изумительно! Музыка продолжает звучать, но свечи уже догорели. «Груня пришла»! Этак легко ступая, поражая изяществом манер. Из простых, ломовых и гужевых. Забавно, увлекательно, но не убеждает. Есть же мера и на тупость. Ну хорошо, пускай пришла. И что дальше? Ее тотчас без лишних вопросов приняли на место и даже не спросили рекомендаций? Вот так с улицы, по газетному объявлению заглянула лакированная физиономия и ее тут же приняли на службу? И это в Петербурге, где найти приличное место без знакомств и связей просто невозможно! Нечего сказать, хороши делишки!

На минуту воцарилась мертвая тишина.

-Верно. – Сказал Луканов. Он сидел откинувшись на стуле и, повернув голову, не отрываясь смотрел на Гудовича. - Существует же отлаженный порядок найма прислуги – паспорт, постоянное место жительства, рекомендации, умение себя вести, чистоплотность и безукоризненная честность. Иногда даже – врачебный осмотр.

-Но... Может быть Груня чем-тоглянулась Антуанетте.

-Перестаньте, Константин Георгиевич. – Махнул рукой Алексей. - Тоже мне – смотрины на светском рауте. Найм прислуги очень сложный и ответственный момент. А если бы Груня вдруг оказалась бывшей проституткой? Вы представляете себе что это такой? Это вам не тусклый «красный фонарь» где-то там на углу, это северное сияние на весь Петербург!

-Да мало ли...

-Нет! Не мало! Для молодой графини горничная экс-проститутка было бы позорным пятном на всю жизнь. А это далеко не мало. Тут еще необходимо принимать в расчет, что Антуанетта стала графиней не по факту рождения, а по мужу. С точки зрения потомственных аристократов, она и так графиня второго сорта, а тут еще горничная из проституток. Да для Антуанетты попросту закрылись бы все двери. И счет в банке ей не помог бы.

Гудович пожал плечами.

-Да кто их там знает?

-Антуанетта вовсе не была простушкой, и потому взять к себе на службу случайного человека не могла. А отсюда вывод – Груня решительно не так глупа, как вам это показалось... Возможно даже больше - Груню подослали к графине и сделали все, чтобы Антуанетта взяла ее горничной. Да и насколько же ей нужно быть тупой, чтобы на следующий день после убийства хозяйки, как ни в чем не бывало прийти на службу?

-Я вообще-то тоже так подумал, когда допрашивал ее. Этой Груне «раскидаями» или свистульками «уйди-уйди» торговать, а не горничной молодой графини быть. Что-то с этой Груней не то.

-Зачем приходила Груня? Вы выяснили? – Спросил Луканов.

-Она сказала, что ей необходимо сделать уборку в квартире. Коврик из прихожей вытрясти, ну там еще чего-то.

-Черт! – Луканов хлопнул ладонью по столу. – Что доложил городской?

-Какой?

-Как какой? Вы говорили с городovým, что ходил удостоверить паспорт Груни?

-Нет. А зачем? Если бы паспорт был просрочен или...

-Тэк-с! Весьма многообещающий случай! Алексей, хватай филеров, городского, что ходил домой к Груне и быстро к ней на квартиру. Как можно быстрее! Ох, не опоздать бы! Константин Георгиевич, вы тоже с Алексеем. Берите и ее и Петю, если конечно таковой есть в природе. Впрочем, всех, кого застанете – тех и заматайте. Действуйте по обстановке. Да-а, Груня, хороша-таки девица, но похоже, ты переиграла.

-Куда их доставить? – Сухо, по-деловому спросил Сугробин.

-Сразу в камеру. Утром, по холодку мы и поговорим с ними по душам. Но это только если вы успеете взять их.

-А если нет? – Спросил Гудович.

-Ох... Не говорите – «нет». Потому как если «нет», то мы будем весьма скучать без Груни и, начиная с нынешнего вечера, нам придется искать ее по всей империи.

-Черт, - пробормотал Гудович, - и как меня угораздило обмишуриться? Надо было сразу ее арестовать.

-Надо было. – Согласился Луканов, ощутив азарт охотника. – Но теперь нам нужно сохранять спокойствие и действовать, а не причитать. Ну-с, господа, ни пера, ни пуха...

-А может просто дать объявление в газету в рубрику «Потери». – Предложил Алексей и, пока Луканов на шаривал пресс-папье, стремительно выскочил за дверь.

Глава 30

В Царскосельском дворце неспешный, почти сонный день плавно перешел в унылый вечер. Ветер за окном усилился, и глухое завывание его превратилось в сплошной вой. В воздухе повисла дождливая пыль.

На семь часов Николаем Александровичем были вызваны для докладов по неотложным государственным делам обер-камергер виконт Феликс Эллиот де Конон, министр императорского двора граф Владимир Борисович Фредерикс и шеф заграничного отдела МВД Петр Иванович Рачковский.

Часы пробили половину восьмого, но сановники все еще сидели в приемной и терпеливо ожидали высочайшего приема.

-Господа, - нарушил молчание Рачковский, - вы не знаете, кто у Николая Александровича?

-Императрица.

-Александра Федоровна? В такой час? Странно.

-Что тут странного, Петр Иванович, - пожал плечами Фредерикс, - императрица привела с собой мосье Филиппа... Это надолго. Верно, опять на таро или воске гадают. Вы же знаете нашу императрицу: она если поверила - то безоглядно и целиком. Кстати, вчера министр финансов Витте и министр иностранных дел граф Ламздорф так и не дождались аудиенции.

-Вот как? И чем же государь был вчера занят?

-Обсуждал с императрицей и баронессой Берингард убранство рождественской елки. Сегодня уже 27 ноября и не за горами рождество, Новый год, а с ним и вступление нового двадцатого века. – Спохватившись, Фредерикс добавил. – Но это секрет, господа. Государь желает сделать сюрприз своим дочерям.

В кабинет, в сопровождении молчаливого адъютанта императора капитана Мандрыка, прошла какая-то женщина в длинном, черном мешковатом платье. Лицо ее скрыто под густой вуалью. Она в неполголоса нараспев молилась - «Ныне отпускаеши раба Твоего...» и перебирала костлявыми пальцами четки. Следом, на почтительном расстоянии, семенили две фрейлины. Пахло ладаном.

-А это еще кто? – Громким шепотом спросил Рачковский, недоуменно взглянув на Фредерикса.

-Блаженная. Валаамская старица Сабура. Она читает императрице молитву перед сном и изгоняет нечистую силу из императорской опочивальни.

-Блаженные! Не забыть бы закапать в глаза атропину, патентовано придающий им божественную святость и благочестивое выражение. – Проворчал де Конон. – Но, тем не менее, ждать весьма томительно. Особенно, будучи в курсе, что его величество тратит время на юродивых и кликуш. Кстати, граф, отчего бы этой блаженной, между сменами молитв, ни указать императрице, что гадания великий грех? Впрочем, чего уж там... Нас скоро самих выставят за порог, как... нечистую силу.

-Вот именно... - Согласился Рачковский. – Но дела государственные нельзя ни в коем разе смешивать с делами религиозными и тем более оккультными. А мосье Филипп, скажу вам по секрету, поселен в царской спальне, дабы своими молитвами приблизить рождение наследника.

-Молитвами-с? – Де Конон сделал исключительно серьезное лицо и нарочито удивился, будто он впервые об этом узнал. – И как? Помогает? А впрочем... Вчера было обсуждение елки, сегодня гадания... Граф, вы не знаете, что будет завтра?

-Не знаю, ваше сиятельство.

-Черт бы его побрал этого Филиппа и его приятеля Папюса! – Фыркнул Рачковский.

-Жерар Винсент Анкосс или, как вы изволили сказать – Папюс, имеет огромное влияние на императорскую семью. – Назидательно и весьма сурово заметил Фредерикс. – Не стоит дурно отзываться о нем. Это именно господин Папюс своевременно указал государю не давать империи конституцию. Величайшего ума человек! Только за это мы должны вовек быть благодарны ему. Помимо того, Папюс друг самого Пеладана. Вы, Петр Иванович, человек в Петербурге новый потому и...

-Но там, где я прежде жил, дураки не растут-с. – Запальчиво перебил графа Рачковский. - Что касается вашего замечания, по поводу, как и о ком, я отзываюсь, так я его пропускаю. Именно пропускаю-с, без всякого внимания-с. Я, пардон, ищайка и мне нет дела до ваших дворцовых политесов. А Папюсом, что означает «врач», этот шарлатан сам себя окрестил. Да-с.

-Вы, безусловно, правы, Петр Иванович. Но граф сделал вам замечание вынужденно и по службе. Вы уж, пожалуйста, поймите его. Но, а что Папюс? Он и вправду дружен именно с тем Пеладаном, - усмехнулся де Конон, - утверждающего, что нашел могилу самого Иисуса?

-Именно он, дорогой виконт.

-Как права великая княгиня Елизавета, протестуя против всех этих французских шельмецов.

-Безусловно, но и сама Елизавета пытается представить императорской семье некоего человека. – Отметил Рачковский.

-Что за человека? – Поинтересовался де Конон.

-Чиновника департамента инословных религий Министерства юстиции Нилуса. Возле него постоянно крутится известный мистик и философ Владимир Соловьев.

-Позвольте, это именно тот Соловьев, которому что-то там наговорили древние курганы, когда он проезжал мимо них? – Поинтересовался де Конон.

-Да-да. Именно ему. – Закивал Рачковский.

-Гм... А на каком же языке толковали курганы этому гулевану? Никто не знает, что за народ оставил эти самые курганы не то, что их язык.

-Ну, это же художественный образ, понимаете ли... - Ввернул Фредерикс.

-Ах образ! Художественный! Но выдавать сей образ на научную истину это уже фальсификация. Да-с! И не спорьте! – Помолчав де Конон уже тише добавил. - Соловьев мнит себя пророком и что ни мысль у него, то афоризм, а всякий просится к нему в эпиграф. Однако писать о судьбах мира, опираясь на «факты» почерпнутые из бульварных романов и... «разговоров» курганов? Это, знаете ли... Тогда действительно и этот преподобный чиновник Нилус не стоит нашего внимания, а дикий папуас Папюс светоч научной мысли.

-Тем не менее, наша императрица, вероятно, уже успела выяснить свое будущее на тысячу лет вперед, – Сказал Рачковский. - А мы сидим здесь и не ведаем, что будет завтра. Александра Федоровна даже всадников Апокалипсиса умудрилась бы заставить погадать ей. Но, верно, не на свое будущее, а на дату рождения наследника престола.

-Вокруг династического деторождения столько всяких тайн нагорожено! Помимо того, очень много, я бы сказал излишне много, решают фрейлины ее величества. К стыду своему должен признать, что они порой лезут со своими советами не только в обсуждение убранства рождественской елки, но даже во внешнюю политику. – Пробурчал Фредерикс.

-Вот именно! Потому-то все мои труды насмарку. Прямо наваждение какое-то!

-Что вы имеете в виду, Петр Иванович?

-Да как же, Владимир Борисович! Годами готовишь агентуру, всеми правдами и неправдами внедряешь ее, после докладываешь государю, он, как всегда, рассказывает императрице, а она всю эту секретнейшую информацию пересказывает своим очередным чудотворцам-птеродактилям. Ныне это Филипп и Папюс. Что удивляться, что мои агенты, не успев заграницей толком обосноваться, проваливаются. И все опять идет кувырком.

Рачковский замолчал, словно тщательно обдумывая свои слова. Феликс де Конон тяжело вздохнул и, оторвав взгляд от пола, сочувственно посмотрел на него.

-Но самое фантастичное, – продолжил шеф иностранного отдела, - после крахов моих агентов меня вызывает государь и требует отчета. Никаких доводов о соблюдении секретности он и слушать не желает. Когда же начинаешь говорить о недопустимости пересказов секретов государственной важности всем этим шарлатанам, от него слышишь лишь одно – «Я сожалею».

-Ну-у, - Фредерикс откинулся в кресле и прикрыл глаза, - это не новость. Да и что вы хотите, уважаемый господин Рачковский? Обычное обыкновение.

-Я хочу, я просто желаю, чтобы мне либо дали спокойно работать, либо дали полную отставку. Мне стыдно-с перед своими людьми, господа. Один раз я попросил его величество о соблюдении секретности в присутствии императрицы. Вы знаете, что она сказала?

-Догадываюсь.

-Нет, дорогой граф. Вы не можете об этом догадаться. Александра Федоровна изволила заявить: - «Ники, ты недостаточно тверд с подобными людьми». А? Каково! Я, господа, на пороге своего пятидесятилетия. Большую часть жизни я честно служил, стараясь принести пользу государству российскому... И в итоге попал в разряд «подобных людей»!

-Потому и бывает начало, чтобы в предначертанное время наступил конец.

-Виконт, вы весьма странно выражаетесь. Что вы имеете в виду?

-Да так, знаете ли... Некие мысли вслух. Мы, Петр Иванович, все честно служим... Полгода назад я предоставил государю проект о введении секретности в Генеральном штабе, учреждения в нем охраны для предотвращения праздного хождения в нем посторонних лиц.

-И что? – Спросил Рачковский.

-Да пока ничего. Вероятно Николай Александрович покамест не нашел времени с ним ознакомиться. Но на кого вы охотитесь за границей?

-На львов, слонов и крокодилов. Дорогой виконт, мы не охотники, мы своего рода ищейки, выискивающие все и везде, что может пригодиться отечеству. Но нет, с меня хватит! Даже ноги затекли, сидя в пустую. Вы как желаете, господа, а я удаляюсь. Ждать окончания гаданий мосье Филиппа, нет больше сил. Честь имею.

Во взгляде Рачковского читалась непреклонная решимость, он встал, сунул подмышку свою пухлую папку с надписью «Pour l'empereur»:

-Вы меня извините, господа но завтра я уезжаю, а мне еще это – он кивнул на папку - надо подать в Государственный совет и узнать его мнение об этом опусе из английского адмиралтейства, - и стремительно покинул приемную.

-Некоторая загадочность прибавляет прелести женщине, но в делах государственных... Я, пожалуй, тоже пойду. Уже без четверти девять и вряд ли его величество удостоит сегодня аудиенции.

Не говоря больше ни слова, де Конон встал, сделал полупоклон и с достоинством удалился.

Глава 31

Отправив, Алексея и Гудовича за Груней, Савелий Платонович был почти полностью уверен, что Груню они не застанут. И сейчас он сидел и сосредоточенно размышлял - «Гудович допустил ошибку, потому что действовал по околоточному шаблону. Паспорт! Что мог дать ему паспорт Груни? Ничего. Что ж, плотник думает только топором. Необходимо допросить соседей, найти полотеров, монтеров, истопников, словом, всех, кто хоть однажды бывал в квартире графини. Может быть, кто-то из них что-то вспомнит. Пусть мелочь, пусть пустяк. Собрать все факты, которые только можно найти».

Незаметно прошло два часа.

Часы пробил семь, когда вернулись Сугробин и Гудович. Их понурый вид явно указывал, что вернулись они с пустыми руками: Груню они не арестовали.

-Что с вами, чудо-богатыри? Вы выглядите так, словно вас только что вытащили из парилки! – Спросил Луканов. – Как прошел арест подозреваемой или, хотя бы, обыск в ее квартире?

-Да никак, ваше превосходительство. – Ответил Гудович.

-Мы даже Груниной квартиры не нашли, где она живет. Или где жила... – Добавил Алексей.

-Вот как! Ни барышни, ни ее теплого гнездышка, в котором пребывает до жути ревнивый Отелло он же по-нашему Петр. А что городской? Тот, что ходил удостоверить ее паспорт?

-Она от него сбежала. Свернула в подворотню, сказав что ей надо поправить чулок... И ушла. Двор оказался насквозь проходным.

-Да... дела... Вот что, вы, Константин Георгиевич, завтра с самого утра в сыскной архив. Вы единственный из нас кто видел Груню. Просмотрите все фотографии в картотеке. Может быть, эта барышня уже где-нибудь отметилась. Ну, а после архива сходите на Кирочную и попробуйте осмотреть ледник купца Каблукова. Скажем, под видом брандмейстера. Это даст вам возможность беспрепятственно обследовать все здание. И не спрашивайте меня что искать. Я не знаю. Просто осмотритесь и все.

-Слушаюсь, ваше превосходительство.

-А сейчас вы свободны. Идите домой, и выспитесь хорошенько. Вид у вас, знаете ли... Не очень. Должно быть, предыдущую ночь вы дурно спали.

-Беда в том, что перед Константином Георгиевичем не может устоять ни одна девушка, - сказал Алексей, когда за Гудовичем закрылась дверь. - Не может устоять на месте и бежит себе, бежит, бежит...

-Да избавит господь простых смертных от гениев! Алексей, ошибиться каждый может. Впрочем, ты об этом даже и не догадываешься. Для тебя предел лишь небеса.

-Мой гений состоит из отсутствия терпенья и чудесной памяти.

-Ну так включай свою несравненную память!

-Память инструмент серьезный и пользоваться ею впопыхах и по мелочи все равно, что стрелять из пушки по комарам.

-Вот что. Давай сядем и спокойно порассуждаем об обаятельной девушке Груне, о фальшивом графе Соколовском и о лекторе-теологе Ухтомском. Может, на твой прозорливый взгляд, их что-то объединять?

-Груню и Ухтомского? Да. Безусловно, может. – Алексей как-то подтянулся и стал на редкость серьезным. – Но граф Соколовский в этой компании явно лишний. Он предлагает огромную сумму за список. Значит, у него нет другого способа его заполучить.

-Все же, Алексей, не следует все валить в одну кучу. Свиток барона де Рэ это одно, а список нечто другое.

-Верно. Я уже запутался во всех этих списочных свитках. Они у меня уже едины, что одно, что другое. Но... Тем не менее, Груня или Ухтомский или они вместе, по всей видимости, уже заполучили нечто ценное для них – свиток барона де Рэ.

-А вот это вряд ли.

-Почему?

-Уж коль Груня на следующий день после убийства, как ни в чем небывало пришла на службу, то это указывает, что свитка она или они пока не нашли. Или не успели его взять.

-Тогда отсюда следует...

-Вот именно... Следует!

Оба сыщика вскочили и, на ходу надевая пальто, бросились к дверям. Уже на улице, садясь в пролетку первого попавшегося извозчика, Алексей сдавленно пробурчал:

-А это значит, что найти свиток барона должны мы. – И крикнул кучеру. - На Серпуховскую 27! Гони! Ну, чего же рысью? Давайте-ка побыстрее! Галопом!

-А ты сознаешь, Алексей, что свиток барона и список, что мы ищем, это все-таки разные вещи.

-К черту... - Встрепенулся Алексей. - Не огорчайте меня раньше времени. Когда найдем свиток барона, тогда и будем разглагольствовать об их разности.

-Однако нас может посетить дама, с которой мы уже заочно почти знакомы. Помнится, Гудович упоминал, что она забыла вытрясти коврик из прихожей.

-Груня! Точно! Как я не догадался! Нужно было сразу же оставить несколько филеров в квартире графини.

-Вероятно ошибка гения?

-Ох! Но теперь только бы успеть!

-Тогда нам, Алексей, следует заранее решить - мы включаем свет во всей квартире и ищем свиток, либо сидим в полной темноте и ждем прекрасную незнакомку, личность которой пока что не установлена.

-На месте и разберемся... Но слишком много света вредно для глаз.

-Тогда учти: говорить в квартире придется как можно тише, а лучше совсем молчать.

-Все! Приехали.

Алексей позвонил и нетерпеливо постучал в стекло двери парадного. Дверь приоткрылась.

-Впусти-ка нас, сударыня.

-Послушайте, мне и так неприятностей хватает, - сказала консьержка. В своей меховой жилетке и с руками, прижатыми к груди, она была похожа на испуганную белку.

-Мы из полиции. – Поежившись от порывов холодного ветра, сказал Луканов. - Ксения Плежер, если не ошибаюсь? Вы нас узнаете? Что с вами?

-Простите, господа. Мне показалось... Но так поздно? Впрочем, как вам будет благоугодно. Входите.

Алексей, не дожидаясь лифта, ураганом кинулся вверх, едва касаясь витых латунных перил, перепрыгивая через две-три ступеньки. С площадки второго этажа он крикнул:

-Савелий Платонович, гляньте – лифт внизу или на этаже?

Лифт оказал внизу и Луканов на нем поднялся на четвертый этаж. Алексей нетерпеливо стоял у квартиры Антуанетт. Плотнo сжав губы он старался сдержать неровное дыхание. Откуда-то сверху шел сильный запах жареной ветчины.

-Лифт ползет, как черепаха! Скорее, Савелий Платонович, скорее! Доставайте свою волшебную галстучную булавку. Ключа же у нас нет.

-Ш-ш-ш... Ну-ка угомонись, Алексей! Не пори горячку и довольно буяннить соседей. Устроил здесь... Грохот по все этажам. И вот что. Если твой разум догнал тебя, то, пока я заколкой открываю дверь, спокойно спустись вниз и еще спокойнее поговори с консьержкой. Прояви хладнокровие и все свое обаяние, но она должна помалкивать о том, что в квартире Антуанетт полиция. Никому ни слова. Ты понял меня?

-Да.

-И еще. Пусть она выключит свет на площадке четвертого этажа.

-А это еще зачем?

-Маленькая предосторожность. Нам же придется сорвать с двери эту чудную бумажную ленточку с синей полосой и печатью околотка Спасской части.

-Ясно...

-А впрочем... Отставить, Алексей. Наша дама если и явится, то непременно воспользуется черным ходом. Пусть на площадке свет горит.

-Но ведь черный ход обыкновенно закрывается изнутри на задвижку.

-Это пустячок для Груни. Она, надо думать, предусмотрела этот маленький нюанс.

-Савелий Платонович, не излишне ли мы хорошо думаем о Груне? Не чересчур ли восхваляем ее таланты?

-В самый раз, Алексей. Поверь старому сыщику. Я почти уверен, что эта барышня стоит того, чтобы с ней обращаться на равных. Ну а черный ход даст ей возможность пройти в квартиру без ведома консьержки.

Издав губами отвратительный звук Алексей бросился вниз.

Глава 32

Знание большого числа фактов дает возможность легко ими жонглировать в этом граф Фредерикс был абсолютно уверен, как был уверен и в том, что когда беседуешь с кем-нибудь, никогда не мешает заранее вооружиться необходимыми сведениями.

Проводил де Конона задумчивым взглядом, граф встал и неспешно прошелся по приемной. Но вдруг, словно что-то решив, он кинулся за виконтом.

-Тсс! Дорогой виконт, - тяжело дыша, оживленно прошептал Фредерикс и покосился на караульного кавалергарда, застывшего истуканом у стены, - вы, по-видимому, были вызваны для доклада о розыске некоего списка?

-Да, вы совершенно правы.

-Мосье Филипп в высшей степени заинтересован в этом списке. - В голосе графа послышались заискивающие нотки.

-Так ему, как говорить, и карты в руки. Он же ясновидец, так что ему стоит произвести парочку чародейных пассов, да и указать, где находится сей список?

-Не все так просто.

-Граф, вы серьезно верите, что список поможет определить дату рождения наследника престола?

-Нет, конечно. Но... Но ведь согласитесь, всегда есть место чуду. Как знать... - Фредерикс немного помялся. - Вы знаете, виконт... Нам надо поговорить. Поговорить без свидетелей и обстоятельно. Сейчас я не могу. Как министр двора я должен дожидаться высочайшей аудиенции. Скажем, если завтра в час дня? Вас устроит?

-Разумеется, Владимир Борисович. Здесь во дворце?

-Что вы! Нет, конечно. Здесь есть люди, которых следует опасаться. Давайте у вас. Вы не против? - Фредерикс смотрел на де Конона почти с обожанием. На миг показалось что его нафабренные размашистые усы от усердия зашевелились.

-Ради бога, Владимир Борисович. Это большая честь для меня. Буду рад вашему визиту.

К Фредериксу подошел начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал-лейтенант Мосолов и что-то тихо прошептал ему на ухо. До де Конона донесся лишь конец фразы: «...будет маэстро Мантоли и фортепьянный концерт Чайковского».

Владимир Борисович кивнул:

-Передайте, непременно буду. – И снова повернулся к де Конон и оловянно заглянул в глаза. – Так до завтра, дорогой виконт, я с вами прощаюсь!

-Да, дорогой граф.

Виконт удачно избежал рукопожатия – вечно влажная ладонь Фредерикса вызывала у него чувство омерзения и ассоциацию поглаживания жабы. Кое-кто из придворных утверждал, что влажные ладони графа, это признак наступающего малярии. Но само слово «малярия» лукаво избегали и использовали французский эквивалент «рамолик».

Владимир Борисович весьма быстро сползал в младенчество. Даже самовеличание себя «графом» и требование к окружающим, чтобы и они называли его именно «графом» и соответственно «ваше сиятельство», когда как в действительности Фредерикс не был им, отдавало ребячеством: при его высокой дворцовой должности нет надобности в графском титуле. Но верно и авторитет он имел только у их величеств, тогда как все остальные попросту посмеивались за его спиной и совершенно не принимали всерьез.

Феликсу де Конон, как и многим в его окружении порой казалось, что Фредериксу нравится быть горемыкой, страдать и стараться вызвать к себе жалость. Это избавляло его от многих дел и служило объяснением его невероятной лени. Вовсе неслучайно он, считая себя искренним человеком не способным к интригам, получил свою высокую должность при дворе. Император Николай Александрович любил неудачников, он находил их божьими людьми и блаженными...

В желтоватом свете фар крытого автомобиля де Конон мелькнули ворота Царскосельского дворца, когда он вдруг осознал, что завтра, по всей видимости, произойдет нечто очень важное. Министр двора Его Императорского Величества граф Фредерикс был у него дома один раз, да и то по случаю лет десять назад еще в прошлое царствование и вот теперь сам напросился в гости. Это явно неспроста. Запоздало подумалось, что император, со своими чудотворцами, подобен царю Эрисихтону, что съел самого себя. Но мысль о государе тут же ушла, а виконту не хотелось продолжать ее, появилось лишь желание больше никогда не приезжать в Царскосельский дворец.

Сквозь голые ветви деревьев справа вдалеке замерцал одинокий огонек. Феликс де Конон прищурился, пытаясь сфокусировать взгляд и разглядеть его, но тщетно. Огонек мигнул в последний раз и погас. Де Конон вздрогнул и зябко запахнул пальто.

Тяжелый, сверкающий, как черное стекло, мерцающая хромировкой, со сдвоенными задними колесами «Ланчестер» свернул на дорогу, ведущую в Санкт-Петербург, задержался на скрытых лужах колдобинах и, сыто заурчав, прибавил скорости. Шины пронзительно взвизгнули, застучали в пол мелкие камешки и за авто потянулся шлейф водяной пыли. Мимо унылого осеннего леса, мимо болот и заколоченных на зиму дач. Порывистый боковой ветер, непроглядная темень и дождь; от напряжения по лицу шофера заструился пот и он снял фуражку.

«Впрочем, - подумал де Конон, - а что нужно этому паркетному шаркуну? Что он может рассказать о списке? Одно дело посплетничать, сидя в приемной в ожидании приема, и совсем другое выслушивать бесконечные подробности дворцовой жизни, которые я и сам отлично знаю».

От нахлынувшего вдруг волнения у виконта заблестели глаза, и стало невыносимо жарко.

-Чуть приоткрой окно и прибавь скорости. – Бросил он шоферу и расстегнул пальто тончайшего сукна с проседью бобрового воротника.

В тот же вечер де Конон телефонирует Фредериксу и, сославшись на обострение застарелой болезни супруги, сообщил, что не сможет завтра его принять.

«Но если взглянуть на ситуацию моими глазами, - положив телефонную трубку, подумал де Конон и улыбнулся вялой снисходительной улыбкой. - Луканов, вот кто мне необходим! Нужно срочно переговорить с ним. Выяснить, наконец, истинные перспективы дела о списке. Да. Именно он необходимее всего».

Виконт несколько раз пытался связаться с Лукановым: длинные гудки долго и мучительно пульсировали у него в ухе, отдаваясь и спирально клубясь где-то в центре мозга, но служебный телефон пристава не отвечал. Памятуя о том, что охранка прослушивает домашний телефон Луканова, виконт отправил к нему на дом дворецкого с запиской и со строгим наказом передать ее лично Савелию Платоновичу, а если его не будет, то обязательно дожидаться его возле парадного. В записке де Конон особо указал, что встречу лучше всего провести дома у Луканова.

В начале второго ночи вернулся дворецкий и доложил, что Луканов готов принять виконта у себя дома в двенадцать часов дня.

В эту ночь виконт, просунув большие пальцы рук в проймы жилета, долго ходил по своему кабинету, а спать лег уже под утро, наказав разбудить его в одиннадцать часов.

Дождливая ночь, за кованой оградой особняка де Конон медлительная Фонтанка и ободранные осенью тополя Михайловского парка...

Глава 33

Первое что бросилось в глаза, когда Луканов и Сугробин вошли в квартиру Антуанетт, и что заставило их на миг оцепенеть, так это темнеющий на фоне слегка выгоревших атласных обоев сиротливый прямоугольник над диваном.

-А где «Христос в пустыне»? – В один голос воскликнули сыщики, забыв о секретности, и недоуменно посмотрели друг на друга.

-Я совершенно точно помню, что над диваном висела литография картины Крамского. И где же она теперь? – Алексей осекся. - Боже! Да ведь свиток барона был уже почти в наших руках. Черт возьми, да как же мы его проворонили?

-Успокойся, Алексей. Теперь мы совершенно точно знаем, что свиток находился в литографии. Точнее в паспорту литографии. Меня так это отчасти успокаивает. Хоть одной тайной меньше.

-Но меня так это злит необычайно! К черту спокойствие... Кстати! Но ведь входная дверь была опечатана и закрыта на замок. Верно, Савелий Платонович?

-Верно.

-Так кто, когда и как уволок эту литографию?

-Кто? На этот счет у меня лишь одни предположения. Когда? Думаю что сегодня. А вот как? Вероятно воспользовались черным входом. Как собственно я и предполагал. Да и никто ее не уволакивал. Вон она... Лежит себе разодранная возле дивана.

-Ну да. Взяли то, что было нужно, а ее просто-напросто бросили.

-Разумеется.

-Савелий Платонович, единственная причина нашего невезения то, что мы опаздываем. А опаздываем мы просто потому, что обречены на опоздания, пока гоняемся за кем-то, кого пока не знаем. Вдобавок, что гораздо хуже, наш сыск нарушает закон экономии мышления - он вносит много лишнего, что вовсе не продвигает нас к разгадке списочного дела. Но, в конце концов, какие у нас есть возражения против идеи найти свиток барона де Рэ?

-Алексей, тебе делает честь, что ты рассуждаешь в выражениях одновременно и глубоких, и многословных. Нельзя ли изложить свою мысль покороче?

-Что за чертовщина! Эта окаянная девка обвила нас вокруг пальца.

-Ну, хотя бы и так. Совсем другое дело. По крайней мере – просто и понятно. Но все равно, про даму говорить в столь грубой форме не стоит. Лично у меня она вызывает уважение.

-Я ее тоже зауважаю, но только когда она переедет на жительство в «Кресты».

-Интересно и какое обвинение ты ей предъявишь? У нас нет ни одного доказательства ее вины, ни одной улики. Что ей можно инкриминировать?

-Как что?.. Ну что...

-Вот именно. Ничего. Разумеется, пока ничего. Пока она чиста перед законом и досадно неуловима.

-Мне кажется, что она еще и неистребима. – Проворчал Алексей.

-Прекрасно. А теперь давай осмотрим то, что еще осталось в этой квартире. Может быть, найдем что-нибудь интересное. Кстати, можно включить свет, теперь до него нет никому дела.

При ярком свете, будуар показался удручающе пустым. Несколько дней не топили печь, и ощущался запах сырой затхлости.

Алексей из книжной кучи на полу, выбрал книгу, глубокомысленно хмыкнул, и уселся в кресло. От лампы, спрятанной в матовом стеклянном шаре, на книгу падает мягкий свет.

-Что читаем?

-«Заметки об истории и лечении белой горячки» американца Джона Уэра. Кстати, доктор Фрейд утверждает, что в области алкоголя господство собственного «Я» несостоятельно. Хочу - пью, хочу – не пью, иллюзия, не более того.

-Гм... Может быть, когда ты прочитаешь обо всех ужасах алкоголизма, подавляющее твое «Я», ты, наконец, бросишь чтение. По крайней мере на службе.

Но Алексею и так и не сиделось и не читалось. Бегло пролистав книгу, он откинул ее и встал. Открыл платяной шкаф и хотел было выдвинуть ящички, ношибанул столь едкий запах нафталина, что Алексей поспешно захлопнул дверцу.

Луканов подошел к окну, закурил, выпустил три ровных кружка дыма. Оттянул гардину и бросил взгляд сквозь уютный французский балкончик вниз на тротуар. Напротив лавка с табличкой в витрине «Закр. Просим зайти в другой раз». Проехал извозчик, пьяный настолько, что засыпал прямо на козлах. Справа по улице прошли несколько мастеровых, оживленно о чем-то болтая, размахивая руками и хрипло смеясь. Видно где-то уже прилично гульнули и теперь не спеша расходились по домам. Мощный тротуар тускло блестел, отсвечивая в лужах зеленоватое уличное освещение.

Им обоим вполне понятно, что искать здесь что-либо проливающее хоть малейший свет на обстоятельства убийства Антуанетт бессмысленно. Уже были произведены два обыска. Свиток, как только что они убедились, похищен. Кем и как по-прежнему неизвестно. Единственно, что пока определено ясно, так это то, что убийство графини совершено именно из-за свитка барона де Рэ.

Напротив, в окне зажегся ослепительный свет. Прямо в лицо. Перед глазами Луканова по мокрому стеклу пошли разноцветные круги.

Настенные часы пробили половину десятого. День заканчивался, и делать в квартире графини им больше нечего.

-Савелий Платонович, если мы рассчитываем ровно в полночь увидеть спиритический фантом личности Антуанетт или ощутим ее ауру, то нам это едва ли удастся.

-Да. Ты прав. Обычно демоны приходят сквозь землю или воду... или сквозь болотную грязь, к примеру. Но нам пора и честь знать и вернуться в наезженную колею с возом спокойствия и благоразумия.

Луканов пошел было к дверям, но вдруг услышал какой-то слабый шум. Резко остановившись, он задержал дыхание и взглянул на Алексея:

-Г-м-м... странно! Ты слышишь то же что и я?

-Вероятно. Сдается мне, что мы не одни здесь.

В глубине коридора, ведущего в ванную и на кухню, где находится дверь черного хода, чуть слышно скрипнула половица и послышались чьи-то легкие, кошачьи шаги. Звук шагов сменился легким позвякиванием ключей.

С возгласом - Был бы лес, а леший найдется! - Алексей сдернул очки и, сунув их в карман, бросился в темный коридор.

Послышалась возня, загрохотало ведро, и посыпалась посуда, Луканов поспешил за Алексеем, по пути включив свет во всей квартире.

Громко пыхтя, Сугробин боролся на полу с молодым человеком лет двадцати пяти. Но силы были явно неравные, и Алексей быстро подмял противника под себя. Молодой человек,

уткнулся лицом в пол, среди рассыпанных столовых приборов и извиваясь всем телом, пытался выскользнуть из крепких объятий.

-Ну хватит, господа! Что вы, в самом деле, третесь друг о друга, словно механические щетки. Пре-кра-тить! – Прикрикнул Луканов, начав с повышенного тона и, как по ступенькам, с каждым слогом понижал его.

Алексей вскрикнул и вскочил:

-Господи!.. Чтой-то?! Так это дама?!

Молодой человек в потертом пальто и ботинках явно не по размеру, вскочил, отпихнул ногой кофемолку и прижался к стене. Он сделал несколько судорожных глотательных движений и, ослепленный внезапным ярким светом, озирался по сторонам. Как ни странно, но он вовсе не выглядел напуганным или смущенным и почти спокойно заявил:

-Какое вы имеете право нападать на честного человека словно на какого-нибудь вора? Вы ошиблись, господа, приняли меня за кого-то другого.

-Ну-ну... - Примирительно сказал Сугробин и, сорвав картуз с головы молодого человека, освободил пышные волосы до плеч.

-Какая удача! Просто глазам своим не верю! – Луканов дружелюбно улыбнулся. – Ничего не говорите, барышня! Молчите! А то я сейчас проснусь, а вас уже опять нет.

-Кто вы, господа и откуда вы здесь?

-Мы? – Алексей отошел от смущения и деловито отряхивался. – Мы полиция, а вот вы, барышня, кто?

-По какому праву и за что вы повалили меня на пол и обшаривали? И нога у вас, сударь, явно не танцевальная! Так сильно пнуть...

-Что... шлепок удался увесистым?

-Шлепок. – Фыркнув, передразнила девушка, и гордо вздернула подбородок. - В общем так, господа, прошу немедленно возвратить мне свободу, иначе я тотчас же буду жаловаться прокурору!

-Какие у вас... хрустальные глаза. – Сказал Луканов. - Восхитительная белизна кожи... волосы с рыжинкой... очаровательные ямочки... и эти милые веснушки. Они вам очень идут, милейшая Груня. Ведь вы же Груня? Верно?

-Ну-у... Может быть и Груня.

-Барышня, не огорчайте меня. Ведь если вы Груня, то, стало быть, бывшая горничная графини, а это одно дело, но если вы особа посторонняя в этом доме, то я обязан тут же арестовать вас и препроводить в тюрьму.

-Ну хорошо – я действительно Груня.

-И вы пришли к графине в гости?

-Не молитесь чепуху. Графиню убили. Какие еще могут быть гости?

-Верно. Я, должно быть несколько растерялся, увидев вас в столь поздний час да еще в мужском облачении.

-Мне нравятся брюки. В них значительно удобнее, чем в платье.

-Удобнее делать визиты в квартиры бывших хозяев? Впрочем, в чем ходить это, разумеется, ваше личное дело. Нравятся брюки? Да ради бога! Мы сыщики, а не синодальные блюстители нравственности.

-Черт, ваш помощник столь цепок, что у меня теперь все тело болит.

-Мадемуазель, если бы вы сразу предупредили меня что вы женщина, я бы, конечно, себе этого не позволил. Тоже мне, цацачка. – Смущился Алексей. – В коридоре было темно, а вы норовили выскочить в дверь черного входа. Вы мне не оставили выбора, как только применить силу.

-Вот видите, Груня? Вы сами виноваты. Но расскажите нам, из каких вы краев, где женщины так хрупки, что прикасаться к ним надо весьма осторожно.

-Да зачем вам это, господа? Кстати, а как вы здесь оказались?.

-Да как вам сказать... Вышли мы с Алексеем из дома и, взявшись за руки, решили прогуляться, да и забрели случайно сюда. Место здесь не в пример улице сухое, тихое, спокойное, да и какое ему еще быть, коль хозяйку на днях убили.

-Да, знаете ли. – Поддакнул Алексей и даже зажмурился, как от ни с чем несравнимого удовольствия. – Мы так часто прогуливаемся. На наших моционах Савелий Платонович учит меня мудрому и вечному. Вы нас не осуждаете за это?

-Нет, конечно. – Слегка смутилась Груня.

-А как вы здесь оказались?

-Вошла через дверь черного хода.

-Так вы открыли дверь черного хода? И чем? Ключом?

-Разумеется. Я прежде работала здесь горничной. И у меня совершенно случайно остались ключи от двери и от подъезда.

-Груня, объясните нам, кто вы на самом деле, как ваше настоящее имя и что вы делаете в этой квартире. Кстати, квартира опечатана полицией, и вход в нее категорически воспрещен. – Луканов взял девушку за руку. – Пойдемте в будуар. Там есть кресла. Посидим спокойно, поговорим.

Луканов сел и кивком указал Груне на кресло напротив себя:

-Итак, мадамзель. Кто вы? – Закуривая, спросил он.

-Горничная графини. Вы же это знаете.

-Что вас привело сюда?

-Меня чуть не арестовали, только потому, что у меня при себе не оказалось паспорта. А теперь еще вы собираетесь допрашивать меня, прежде чем сообщить причину ареста. Мне это не по нутру. Так и кажется, что вы хотите сделать из меня преступницу. Из-за паспорта?

-Ну нет у вас паспорта. Что ж... Это конечно грубое нарушение паспортного режима. Но может у вас есть матрикула?

-Я не студентка университета и пропуска у меня нет.

-Хорошо. Пока оставим это. Но вы проявили большое мужество и не побоялись прийти сюда в такой поздний час. Многие девушки не дерзнули бы на такой шаг. Но все же будем соблюдать правила. Вы не могли бы выложить содержимое ваших карманов? Избавьте нас от унизительной процедуры обыскивать вас.

Немного помявшись, Груня выложила на стол ключи и пергаментный свиток в клеенчатом чехле в виде обложки.

-Вот. Больше ничего нет.

-Что это за свиток?

-Точно не знаю. Мне его... - Взгляд Груни уткнулся в разорванную литографию. - Кстати, сколько стоит эта литография?

-Вот оно как... Я понимаю вас, Груня. – Усмехнулся Луканов.

-Вот и отлично. Тогда разрешите идти? – Груня с видом воплощенной скромности опустила длинные ресницы и слегка улыбнулась.

-Что за чепуха! А в чем собственно дело? – Алексей недоуменно смотрел то на Луканова, то на Груню.

-Видите ли, юноша с цепкими руками, вы не можете предъявить мне никакого обвинения. Разве что попытку кражи литографии из квартиры своей бывшей хозяйки. Я ведь пришла сюда именно за ней.

-Как это? А свиток?

-Сей свиток, юноша, я принесла с собой. Мне его подарила бывшая хозяйка, а ныне покойная графиня де Серьжо. Знаете оно как - все проходит, а подарки остаются. Я надеюсь, что графиня не очень сильно потратилась на этот скромный дар. Ведь свитка же нет в описи обыска? Он же не вещественное доказательство? Верно?

-А литография?

-Должно быть, черт меня попутал, но уж больно мне глянулся этот «Христос в пустыне». Еще когда работала у графини. Иной раз метешь пол, нет-нет, да и посмотришь на Христа. Уж очень он, бедненький, одиноко сидит в своей пустыне-то. Души не чаю я, знаете ли, в религиозных сюжетах особенно в изобразительном искусстве.

-Так отчего же вы порвали ее?

-Пыталась вынуть из рамки и вот незадача вышла. Вы уж меня неловкую простите. Но я готова полностью возместить причиненный ущерб... покойной хозяйке. Ведь наследников у графини нет.

-Но, черт возьми, вы ведь сбежали от городского!

-Нечаянно. Поверьте, юноша, совершенно нечаянно. Перепутала выход из подворотни. Мне нужно было налево, а я, вот глупая баба, завернула направо, вот мы с ним и разминулись. Меня же не конвоировали? Ведь верно? Я же не убегала из-под стражи.

На лицо Алексея легла тень озабоченности:

-Черт! Так что, Савелий Платонович, выходит, что мы должны отпустить ее?

-Не совсем. Но в принципе она права. Пока предъявить ей что-нибудь серьезное, достаточное для ареста, мы не можем. Смешно же арестовывать за порванную литографию. Я восхищен вами, Груня, и снимаю шляпу. Но, тем не менее, вынужден препроводить вас в известный шоколадный домик, что на Шпалерной. Ну, скажем, за незаконное посещение опечатанной полицией квартиры. У нас к вам очень много вопросов.

-Что ж, господа, если вы считаете это необходимым, я повинуюсь. Да и отчего бы и не допросить, коль неймется? Я много слышала о вас, уважаемый Савелий Платонович, и вполне доверяю вашей порядочности. – Груня повернулась к Алексею. – И о вас, господин Сугробин, я тоже много хорошего слышала. Но прошу учесть, что я вошла через черный вход и никакой приклеенной казенной бумаги на двери в глаза не видела. Но это, разумеется, для моего адвоката. Что ж, ведите меня в свой шоколадный домик. Только одна просьба у меня к вам или, если позволите, условие...

-Условие? - не удержался Алексей. - Дело становится интересным, особенно если это условие невыполнимое.

-Вполне выполнимое! Составьте, пожалуйста, полную опись изъятых у меня при задержании вещей, чтобы при освобождении мне без задержек вернули из цейхгауза единственную память о хозяйке, упокой господь ее безгрешную душу, этот дряхлый и никому не нужный свиток.

-Разумеется. А после освобождения вы, верно, будете жаловаться на своеволие полиции?

-О каком своеволии вы говорите? Жаловаться, - улыбнулась Груня, - да бог с вами, Савелий Платонович. Я девушка скромная и прилюдно рассказывать, как меня лапали на полу кухни, постесняюсь. Но я так волнуюсь...

-Через пять минут мы выйдем отсюда. Тогда и волнуйтесь на здоровье. – Пробурчал Алексей.

-Тогда в путь. Но должен отметить, мадемуазель, что плоха та сказка, что имеет только один смысл и заключает в себе только одну истину.

-Вы очень добры ко мне, Савелий Платонович. Я обязательно учту это. Через минуту я буду в вашем распоряжении. - Груня встала, подошла к зеркалу и взяла со столика расческу...

-Вы не собираетесь по пути в управление выкинуть какой-нибудь номер, мадемуазель? – Спросил Алексей и галантно сделал пригласительный жест. – Мне, право не хотелось бы вновь причинять вам физическую боль.

-Номера это не по моей части. Это ниже меня, поверьте.

Проходя мимо консьержки, Луканов немного пошептался с ней. Ксения Плежер рассеяно кивала и, вздрогнув, натянуто улыбнулась. Ее лицо выразило высшую степень возмущения.

-Как-то странно выглядит эта консьержка. Вы не находите? – Тихо произнес Алексей. Он стоял в луже, но, не замечая этого, одной рукой придерживал пролетку, раскачивающуюся на высоких английских рессорах, а другой деликатно помогал сесть Груне.

-Пустое. У меня самого душа так и кипит... А у нее, по-видимому, просто большое воображение. Но у каждого есть свой личный «пунктик».

Извозчик хлопал слезящимися от встречного ветра глазами, бестолково взмахивал кнутом и покрикивал: «Посторонись!». Не каждый день такие седушки, будет что рассказать на извозничьей бирже.

Глава 34

Хмурый дождливый день 28 ноября. В ожидании виконта де Конон, Луканов и Сугробин в квартире пристава пьют кофе. Встав рано утром, они уже побывали в Сыском управлении. Савелий Платонович отдал несколько распоряжений и передал свиток для экспертизы в химическую лабораторию, а Алексей навестил Груню, находящуюся в следственной камере.

-Все-таки с этой Груней не все так однозначно, как мне прежде казалось. – Покачал головой Алексей.

-Мне так это сразу почудилось. Она пронзительно умна и просто не может пойти на убийство. Во всяком случае, такое м-м-м... гнуснообразное. Человека убивают, если ненавидят, в приступе гнева или чтобы ограбить. Но Груня вполне владеет собой, она отменно воспитана, а чтобы заграбастать свиток, никакого убийства совершать и ненужно было.

-Так вы считаете, что убийца графини де Серьжо личность не истощенная умственными упражнениями? Но как же тогда свиток? Зачем же он туповатому громиле? Что он с ним будет делать? Только попытаться его продать! Враз сцапают. А свиток неоспоримая улика преступления. Без вариаций. Хотя конечно, душегуб мог пойти на это преступление за обещанную плату.

-Заказные убийства редко в самом деле оплачиваются. Это знает самый последний мазурик. Гораздо дешевле, да и спокойнее после дела убрать самого душегубца. Нет свидетелей, все чисто и никаких улик. Это только в плохеньких романах потеют от тяжких трудов убегания наемные головорезы. В жизни все значительно сложнее. Да оно и понятно, ведь после выстрела гильзу выкидывают, чтобы освободить казенную часть и вставить новый патрон. Верно? Так и убийца после совершения деликта никому не нужен. Но вот сам он становится предельно опасным хотя бы тем, что может сболтнуть по пьяни или со зла лишнего, вляпаться под следствие по другому делу, затеять шантаж клиента. Серьезные люди в таких делах не рискуют.

-Ну а если специальность убийцы «смерть от несчастного случая»?..

-Таковские мелко не плавают и работают исключительно только на себя. А это не в пример спокойнее и весьма способствует продлению собственной жизни...

Разговор прервал телефонный звонок. Луканов взял трубку:

-Да! У аппарата... Хорошо, Константин Георгиевич. Я понял вас. Значит в картотеке Груни нет. Это... Да! Визит на Кирочную к купцу Каблукову отменяется. Отправляйтесь на Серпуховской... Да-да... Совершенно верно, дом Антуанетты. Поговорите с консьержкой и дворником. Просто поговорите не как при допросе. В разговоре невзначай делайте упор на виновность именно горничной графини. Да. Все. Телефонуйте мне в четыре часа в управление.

-А отчего Гудовичу делать упор именно на Груню? – Удивился Алексей.

-Пока точно сам не знаю. Но полагаю что в три или в четыре часа кое-что прояснится.

-Вы не боитесь, что про Груню, через нашего Гудовича, станет известно охранке?

-И что это изменит? Груня охранке вовсе не нужна. Как собственно и баронский свиток. Помнится, что и мы и господин Силин ищем список Радецкого.

С Петропавловки донесся выстрел, возвещающий полдень. Раздался звонок в дверь.

-Как точен виконт. Ровно двенадцать. – Заметил Луканов и крикнул. – Митька! Оторвись от плиты и открой дверь его светлости!

Феликс Эллиот де Конон со странной смесью надменности и конфузливости, но с твердым, как сталь взглядом, поздоровался. Выглядит он неважно, вероятно плохо спал. Под глазами желтоватая припухлость на руках набухшие синие вены. Горло его по-студенчески обмотано шерстяным кашне.

-Прошу вас, ваше сиятельство. Проходите и располагайтесь запросто. Митька! – Луканов укоризненно взглянул на слугу. - Забери пальто виконта и принеси кофе и ежевичный ликер. Вы ведь, ваше сиятельство, у меня в гостях первый раз? Верно?

-Вы совершенно правы, ваше превосходительство. – Виконт неопределенно, словно поежил, пожал плечами. - Признаюсь, что несколько удивлен скромностью вашей квартиры, ведь ваш чин соответствует генеральскому званию. Впрочем, это лишний раз доказывает вашу порядочность и нестяжание.

-Благодарю вас!

-И прошу, если можно, только не кофе. Лучше стакан теплой воды.

-Разумеется.

-Господа! - Де Конон сел в предложенное кресло. - У меня мало времени и я не хочу задерживать вас. Давайте же сразу и перейдем к делу.

-Мы вас внимательно слушаем.

-Прежде всего, я хочу пояснить вам, отчего столько шума из-за списка Радецкого. Название «список Радецкого», разумеется, условен и я применяю его только чтобы дать понять о каком списке я говорю.

-Да. Мы с Алексеем тоже его именно так и называем.

Де Конон кивнул и продолжил:

-Предупреждаю вас, господа, что все, что касается списка, является государственной тайной и разглашению не подлежит. Итак. Согласно Закону престолонаследия, жалованного императором Павлом Первым, наследовать престол может только сын здравствующего императора. Но, как известно, ныне царствующая семья не имеет ребенка мужского пола. Четыре дочери, но нет сына, которой только и может наследовать престол.

В надежде обрести сына Николай Александрович и Александра Федоровна стали обращаться за помощью к всевозможным «божьим людям». В начале этого года черногорские принцессы Милица и Анастасия познакомили императорскую семью с неким Филиппом Ансельм-Вашо магом и чудотворцем, имеющего у себя на родине во Франции весьма дурную репутацию и даже преследуется судом за шарлатанство.

Сразу же при знакомстве, увидев, что императрица беременна мосье Филипп предсказал ей рождение именно сына, чем тут же заслужил горячую благодарность августейшей семьи и неограниченное доверие. Однако вопреки предсказанию, пятого июня родилась четвертая великая княжна, нареченная, как известно, Анастасией. – Виконт достал из кармана портсигар. - Савелий Платонович, вы позволите, я закурю?

-Разумеется, ваше сиятельство. Курите. Но должен уточнить, что седьмой параграф Закона престолонаследия гласит: «По пресечении мужского потомства право на престол переходит к лицу женского пола».

-При нынешнем монархе этот параграф категорически забыт, и я настоятельно рекомендую не вспоминать его. - И, выпустив несколько колец, де Конон продолжил. - Признаюсь, что рассказывать о дворцовых чудачествах мне весьма тяжело и неловко. Но, прочь сантименты. В конце концов, это необходимо для дела.

Скандалный просчет Филиппа, как это не печально, не открыл глаза императрице и не заставил ее усомниться в его колдовских чарах и этого французского говоруна пригласили в Россию. Приезд Филиппа и тот теплый прием, который ему был оказан, породил сильное возмущение в императорском, да и не только в императорском окружении. Даже императрица-мать была вынуждена побеседовать с Николаем Александровичем и весьма жестко потребовать выдворения Филиппа из России. Однако, как собственно и всегда, император согласился, но не выполнил своего обещания и Филипп остался. Ныне он проживает в Царскосельском дворце. Это, господа, краткое изложение предыстории настоящего дела.

-М-да... Густая эзотерическая похлебка для людей, изголодавшихся по чуду. Их вкус не взыскателен. Сгодится любая дрянь, только бы насытиться. – Проворчал Алексей.

-Но при дворе, насколько мне известно, есть еще один французский приживалец некий Папюс. Что, и он не может своими чарами содействовать рождению наследника? – Спросил Луканов, допивая немного остывший кофе.

-Папюс и Филипп соперники. Каждый из них находит себя истинным магом и признает конкурента шарлатаном. Каждый из них стремился перекричать другого, а присутствовать при их сварах и смешно и весьма грустно, но в любом случае зрелище это тягостное и безобразное.

-Но в чем же между ними разница?

-Да ни в чем, господин Сугробин. На мой взгляд, по ним обоим каторга тоскует. Впрочем, Папюс именует себя Гроссмейстера Ордена Мартинистов. Собственно, именно так же именуют себя еще добрых две сотни магов, обитающих, кстати сказать, преимущественно во Франции.

-Но это как же? Насколько мне известно, чтобы стать гроссмейстером ордена необходимо пройти инициацию, посвящение. Кроме того, гроссмейстером ордена может быть только один. Если мы говорим о Папюсе, то как же он стал гроссмейстером? Без посвящения?

-А он, Савелий Платонович, его прошел. Папюс сам себя скоротенько посвятил по рукописи некоего Паскуалли.

-А что мосье Филипп? – Усмехнулся Алексей. – Что отстал от конкурента? Что же ему мешает так же быстренько посвятить себя в гроссмейстеры? Да и что это за орден такой – мартинисты?

-Мартинисты? Как только при императорской семье появилась эта французская братия я много просмотрел литературы по данному предмету. Можно даже сказать, что я стал своим человеком в библиотеке Зимнего и с господином Леманом, вы, Алексей, верно, знаете, это библиотекарь Зимнего дворца, стал на короткой ноге.

Алексей пошарил в карманах и достал записную книжку.

-Вы намереваетесь записывать? – Удивился виконт.

-Разумеется, может быть что-то из того, что вы скажете нам пригодиться в розыске списка.

-Пустое. Уверяю вас. Все эти фиглярства с посвящениями, толстыми и бессодержательными книгами «великих» для экзальтированных гимназисток и сублильных студентов и вовсе не стоит серьезного внимания.

-Алексей, сиди, слушай и не перебивай виконта. – Сказал Луканов.

-Если вкратце, господа, - продолжил де Конон, - то все известные ныне ордена и магические общества: каббалисты, филадельфийцы, розенкрейцеры, тамплиеры, Общество Святой Евхаристии или, как его по безграмотности называют - «герметическое», путая Гермеса Трисмегиста с Евхаристией и прочие, пошли от ордена Палладистов.

-И масонские ложи? – Перебил виконта Алексей.

-Оставьте, господин Сугробин, мы говорим о более-менее серьезных вещах, а не безобидных забавах людей, не наигравшихся в детстве в «таинственность» и потому подражающим взрослым. Но я, с вашего позволения, продолжу... Габриель-Антуан Жоган-Пажес, более известный как Лео Таксиль, утверждает, что ордена, как и самого учения палладистов никогда не существовало. Но, все же, этот орден действительно был и ведет свою родословную от Шумерского царства. Согласно преданию, основные положения мистического учения палладисты получили от владыки Гильгамеши и его таинственного советника или как его называли сами шумеры «дикого человека» Энкиду.

Учение палладистов, если, разумеется, его можно назвать учением, привело, например, к возникновению в Древнем Египте бога Амона, чуть позже уже Амон преобразовался в эллинского Зевса и латинского Юпитера ну и так далее.

-Все это крайне интересно, ваше сиятельство. Но что общего между палладистами и мартинистами? – Осведомился Луканов.

-Самое что ни на есть прямое. На излете седьмого века, некий Бриан Жан Теофилиус, алхимик, маг и вообще кудесник, вдруг осознал всю греховность своих занятий и вступил в орден бенедиктинцев.

Поселился раскаявшийся Бриан в Монтекассинском монастыре и, будучи человеком грамотным, больше времени проводил в монастырском скриптории, где читал и переписывал книги, нежели у алтаря в святых молитвах и покаяниях. Но религиозные книги окончательно совратили его с пути истинного и, приблизительно через восемь лет, он и создал из учения палладистов орден мартинистов. Разумеется, тогда название этого ордена было другое. В литературе встречаются два наименования, первое – монтекассинская школа и, второе, брианская ересь.

-Но откуда же тогда появилось название мартинизм? – Спросил Алексей.

-Вот тут самое интересное. В конце восемнадцатого века французскому философу Сен-Мартену пришла в голову, вероятно, единственная светлая мысль за всю его философскую карьеру, а именно - стать богатым и преуспевающим. Для достижения этого, он сменил трудное для него занятие философией на легкое и доходное ремесло мага. Но и в то время всевозможных мистиков было великое множество, и он озадачился вопросом, а что именно сможет его выделить из толпы конкурентов? Ведь производить с серьезнейшим видом пассы и при этом что-то «магическое» бормотать было уже и не ново, и не модно. Недолго думая, он назвал своим именем «брианскую ересь» и выдал его, как это водится у магов, за откровение свыше. Вот так незатейливо и появился «модный орден мартинистов». Но все же должен отметить, что ныне сей «основатель» заслуженно почти забыт и многие чудотворцы называют отцом-основателем мартинизма некоего Станисласа да Гуайта, учредившего семнадцать лет назад игрушечный орден мартинистов.

-Век доброты и находчивости Сен-Мартена не забудем. Да и то верно, «орден мартинистов» звучит значительно благозвучнее и респектабельнее, нежели «брианская ересь». Да и как тогда назвать должность? Великий гроссмейстер Ордена Брианской ереси? Кто ж вступит в такой орден? - Луканов взглянул на Алексея и улыбнулся. – Вот какие нужно книжки читать. А ты впустую изводишь деньги у своего букиниста на всяких Лессажей.

-Нет уж... Увольте. Всему есть предел. – Брезгливо сморщился Алексей. – Но, ваше сиятельство, стало быть все те, кто именуют себя мартинистами и есть палладисты и они же брианские еретики? Независимо от времени основания всех этих школ, учений и ересей?

-Именно так.

-Поразительно! – Воскликнул Алексей. - Представляю какая крошка в головах мартинистов! Впрочем, нет, представить это попросту невозможно. Нельзя же сойти с ума без сумасшествия.

-Алексей категорически отрицает магию. – Усмехнулся Луканов.

-Разумеется отрицаю. Маги, так же как и все люди, рождаются, болеют и умирают. Болеют и умирают их близкие, которым эти маги не могут ничем помочь. Я слышал, что у мосье Филиппа умерла дочь Виктория, которую он усиленно лечил своими колдовскими чарами. Или вот, скажем, что стало с Брианом Теофилиусом? А? Ваше сиятельство?

-Прискорбен был его конец... По приказу папы Бенедикта Второго Святого его утопили. Кстати, Бенедикт был всего один год папой. Но вот успел, как видите, примерно наказать еретика Бриана.

-М-да-а... Утонул бедняга, и магия ему не помогла. Позвольте задать вам, Савелий Платонович и вам, ваше сиятельство, одну известную загадку? Обещаю, что если вы мне дадите на нее ответ, я тут же, не сходя с места, уверую в магию, в гадание, в таро, в каббалу и во все остальное.

-Что ж... Как вы, ваше сиятельство?

-С удовольствием попытаюсь дать ответ.

-Может ли бог или маг создать камень, который сами же не смогут поднять или хотя бы сдвинуть с места?

Луканов и де Конон переглянулись и рассмеялись.

-Вот-вот. – Алексей сжал зубы так, что напряглись желваки. - Ничего не создав, ничего не достигнув, маги и всевозможные святоши охотно поучают всех и каждого, как надо жить и что

делать и даже кого утопить. Причем в ореоле невинности, что самое возмутительное. Впрочем, известно, что затянувшееся преступление становится респектабельным и кому-то магия, может быть, и поможет... Хотя бы избавиться от единственной своей болезни - от врожденного абсурда своей же собственной жизни. Ведь исхитряются же некоторые наслаждаться природой, не выходя из дому.

-Но разве электричество в своем роде не колдовство? Сама жизнь основана на согласованном движении молекул, атомов и их электронных уровней в недрах клетки. Иными словами, жизнь подчиняется электричеству. А что такое это электричество? Вы можете, господин Сугробин, объяснить мне почему нажимая на выключатель, зажигается или гаснет свет?

Или вот Белл, изобрел телефон. Но как он работает? Никто не знает. Одни предположения. Но, тем не менее, мы пользуемся его изобретением. А все это весьма таинственно уже само по себе.

-Это давнишний трюк, ваше сиятельство, установить родство оккультистов с современной наукой. Однако ж должен отметить, что электричество открыл Фарадей, а совсем не какой-нибудь эзотерик. И в аппарате Белла используется электричество, то есть открытие, совершенные ранее другим ученым, в данном случае опять таки Фарадея. А четыре года назад ученые открыли электрон - носитель электричества. Но удивительное дело! - Запальчиво повысил голос Алексей. - Стоило только к примеру, Вильгельму Рентгену открыть свои икс-лучи, как тут же объявилась масса магов, кстати, среди них и Папюс с Филиппом, уверяющих, что они видят людей насквозь! Так что? До открытия этих лучей не видели? Или молчали от изрядной скромности?

-Господа! Давайте вернемся к свитку и списку. - Заявил Луканов и отнесся к Сугробину. - Пойми простую вещь, если человек не верит в себя, то тогда он начинает верить в чудо. Нужно же чем-то нашпиговать свою пустопорожность. Да и что же еще делать, если реальность постоянно ускользает, но хочется чем-то выдвинуться, а особых талантов нет?

-Вы абсолютно правы, ваше превосходительство! Уверовавший в магию отнюдь не герой, хотя бы уже тем, что боится своей жизни и пытается получить все за так. Не умом, ни трудом, ни прилежанием, а лишь произнеся заклинание. Но согласитесь, что оккультные мистерии, совершаемые, к примеру, в полнолуние чрезвычайно впечатляют.

Однако я, с вашего позволения, продолжу и сразу же отвечу господину Сугробину на вопрос по поводу мосье Филиппа. Разумеется, Ансельм-Вашо может посвятить себя в гроссмейстеры мартинистов. Но какова цена будет подобного посвящения? Этот мосье по умственному развитию явно превосходит суетливого Папюса и прекрасно понимает, что проходить обряд инициации по рукописи Паскуалли, попросту смешно.

-Тогда за чем дело стало? Можно взять рукопись другого мага. У эзотериков пруд пруди всяких больших и малых «великих» и «посвященных». На всякий вкус, цвет, прозрачность и даже придурь.

-Это верно, господин Сугробин, но лишь отчасти. Скажите, а что вы знаете о бароне де Рэ, близком друге Жанны Д'Арк, маршале Франции, родственнике короля Карла Седьмого и прототипе сказки Шарля Перро «Синяя Борода»?

-Предельно мало. - Ответил Луканов. - Можно даже сказать, что ничего не знаем, помимо того, что он вроде бы был садистом и убийцей.

Виконт кивнул:

-Да, история и людская молва порой переворачивает все с ног на голову. Но барон де Рэ на самом деле не был ни садистом, ни убийцей. Из 47 пунктов предъявленных барону де Рэ обвинений ни один не был в суде доказан. Все обвинения барона основывались на показаниях двух доносчиков и полученных под пытками от самого барона. Вы же понимаете, что принимать всерьез показания, вырванные на дыбе, нельзя.

Всего же на процессе де Рэ были опрошены около ста свидетелей, но это были люди случайные. Многие из них в первый раз увидели барона только в зале суда. Однако суд не потрудился вызвать в качестве свидетеля ни одного из пяти тысяч слуг барона. 26 октября 1440 года в городе Нанте барона де Рэ по приговору суда был казнен. Кстати, когда барона де Рэ вели

на казнь, его приветствовала и восхваляла толпа народа. Вопреки суду, люди не верили в виновность барона.

-В чем же причина осуждения де Рэ?

-Как знать... Но он был богаче короля и был знаменит, как храбрейший рыцарь Франции.

-Да, это многое объясняет.

-А что у барона и вправду была синяя борода? – Поинтересовался Алексей.

-Нет, конечно, он был русобородым. Синяя Борода это образ, придуманный сказочником Перро для пущего эффекта. Хотя и поныне находятся знатоки, утверждающие, что барон красил бороду. В частности все тот же дока по былому и будущему - Папюс. Но это совершеннейшая чушь. Пятнадцатый век, господа, времена инквизиции... Да кто ж посмеет столь явно продемонстрировать пренебрежение к церкви и общественной морали, раскрашивая бороду в синий цвет?

Из кухни повеяло горелым. Вероятно Митька бросил без присмотра кастрюлю и затаился где-нибудь. Он по природе своей весьма любопытен и питал слабость к изучению людей, потому и любил подслушивать или особенно прислушиваться.

Не обратив на запах никакого внимания, Луканов спросил:

-Но причем здесь свиток барона де Рэ. Список Радецкого и свиток де Рэ это же разные вещи. Или я ошибаюсь?

-Разумеется разные. Но дело в том, что в свитке де Рэ запечатлено заклинание посвящения в Великие Гроссмейстеры ордена Мартинистов.

-А, ну конечно. Средние века. Маги, чернокнижники, алхимики...

-Вы напрасно иронизируете, господин Сугробин. Именно благодаря этому заклинанию барон де Рэ 30 апреля 1430 года провел обоз в осажденный Орлеан через все посты англичан, безо всякого сопротивления с их стороны и без единого выстрела. Англичане стояли словно пораженные столбняком, а славящиеся своей непревзойденной меткостью английские лучники не выпустили в сторону обоза ни одной стрелы. Ни одной!

-Да-а...

-Но и это еще не все. Через три дня Жиль де Рэ провел еще один обоз. И опять английская армия, осаждавшая Орлеан, была, как будто скована неведомой силой. Согласитесь, господин Сугробин, что два схожих случая уже не случайность, а закономерность. И еще. В мае, при снятии блокады с Орлеана англичане потеряли почти восемь тысяч, тогда как французы около ста человек преимущественно ранеными и утонувшими в крепостном рву в результате сутолоки. И это достоверный исторический факт. Именно после этого события Жанна Д'Арк стала Орлеанской Девой.

-Немыслимо!

-Тот, кто получит свиток Жиль де Монморанси-Лавалья сира де Рэ станет истинным Великим Гроссмейстером ордена Мартинистов, приобретет власть над будущим и над всеми магами. А это вам, господа, не клоунада с посвящением Папюса.

-Следовательно, Гроссмейстером ордена Мартинистов может абсолютно точно гарантировать рождение наследника российского престола?

-Именно! Вы правильно поняли меня, Савелий Платонович.

-Но тогда причем здесь список Радецкого? – Удивился Алексей.

-В нем ключ к шифру, которым зашифрована в свитке де Рэ главная часть магического ритуала посвящения.

-Так почему же охотники до посвящения в гроссмейстеры не охотятся за свитком барона? - Спросил Алексей.

-У кого находится свиток де Рэ хорошо известно, но без списка Радецкого он просто-напросто кусок пергамента, представляющий интерес разве что для любителя редкостей. Держать же его при себе в ожидании расшифровки весьма опасно по двум причинам. Первое: ты привлекаешь к себе повышенное внимание и тайную озлобленность всех остальных магов. Второе: ты обнаруживаешь ущербность своего магического дара. Это только императорская семья

не понимает очевидного – если маг действительно маг, то для него не представляет никакой сложности указать место нахождения списка Радецкого.

Кроме того, свиток де Рэ стоит огромнейших денег и тратится на его покупку, не имея списка, все равно, что выбрасывать деньги на ветер. Приобрести же свиток де Рэ преступным путем, скажем, украсть его, невозможно. Ведь если список Радецкого все-таки будет найден, то как тогда объяснить, откуда у тебя появился свиток де Рэ?

Имея на руках список Радецкого можно просто одолжить свиток де Рэ на время, необходимое для совершения ритуала посвящения в гроссмейстеры. Затем уничтожить список и вернуть владельцу свиток. И все. Отныне и во веки веков только ты действительно легитимный Великий Гроссмейстер.

-Но, тем не менее, самому барону де Рэ его свиток никак не помог. Отчего же? – Спросил Алексей.

-Он не посвящал себя в Великие Магистры и предостерегал от этого шага других. Именно поэтому, по всей видимости, он и зашифровал главную часть заклинания.

-А у кого сейчас находится свиток де Рэ? – Поинтересовался Луканов.

-У Антуанетты графини де Серьжо. Она была специально приглашена в Россию, чтобы быть, что называется, под рукой, когда будет найден список Радецкого.

-Но ведь графиня убита. – Ввернул Сугробин. – Кто знает достоверно, где она хранит или хранила свиток барона?

-Я знаю, что графиня убита. Разумеется, было бы гораздо удобнее держать свиток де Рэ у себя под подушкой, если бы... Но о двух основных причинах, почему это невозможно, я уже сказал. Однако если свиток пропадет, найти его в любом случае будет гораздо проще, нежели список Радецкого.

-Но тогда отчего после смерти графини никто не озаботился сохранением свитка де Рэ?

-По причине все тех же двух пунктов. Если кто-то пусть даже из самых лучших побуждений заберет его к себе, чтобы просто сохранить свиток, то он моментально будет обвинен в убийстве графини. И тогда, уж будьте уверены, этот доброхот будет немедленно осужден, ну а свиток... Свиток сразу же найдет своего нового хозяина.

-Ваше сиятельство, разрешите задать вам несколько сколький вопрос.

-Сделайте одолжение, Савелий Платонович.

-Почему императорская семья, даже в ущерб делам государственным, настолько озабочена наследником? Ведь Романовых весьма много. Среди них есть вполне законные претенденты на престол. Ну не будет у ныне царствующего монарха цесаревича и что из того? Династия же не погибнет. Что ж на потеху всей империи впадать в мистицизм и дискредитировать саму идею монархизма?

-Савелий Платонович, вы ставите меня в щекотливое положение. Разрешите мне не отвечать. Вы сами прекрасно все понимаете и знаете то сакраментальное слово, которым это можно охарактеризовать. Это слово есть в словаре Владимира Даля.

Но если серьезно, то вопрос престолонаследия для Романовых всегда был первостепенным и очень болезненным. Это наследственная черта всех Романовых. Отсюда и крайности, и впадение в мистику или в религию, что суть одно и то же. Вспомните, например, Александра Первого.

-Ну да... Одолели черти святое место. Да и пусть себе российский орел трепещит крыльями и смотрит в разные стороны. Да и что из того, что даже и без повода. – Грустно усмехнулся Луканов и вспомнил афишу с индийским магом и йогом Бен-Сани. – Какое паскудство-с. Но откуда же у адвоката-вымогателя Радецкого появился такой примечательный список?

-Вряд ли кто это точно знает. Вероятно это случайность. Радецкий любил собирать всякие документы. Собственно то, что список был у него стало известно только после его смерти. Но он так и не понял всю ценность и значимость этого списка.

-Но мы совершенно упустили из виду еще один вопрос... который меня теперь волнует и, я бы сказал, в высшей степени тяготит. - Еле слышно сказал Алексей и стал медленно протирать очки. Глаза его, как у гончей, плотоядно расширились. – Но это так... сущие пустяки

Повисла пауза. Лишь дыхание да потрескивание дров в камине нарушает тишину.

-Так что же? – Виконт недоуменно взглянул на Луканова.

-Да и в самом деле! Алексей, поведай нам о своих волнениях.

-А вот что, господа. Откуда вдруг стало известно, что именно в списке Радецкого находится ключ расшифровки свитка де Рэ? – Алексей откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза, с видом человека, который мужественно сражался и знает, что теперь его совесть чиста.

Виконт неожиданно резко встал и, чеканя каждое слово, неожиданно заявил:

-Господа, прошу меня простить, но мое время вышло и мне необходимо прибыть в Царское Село.

Едва за виконтом закрыла дверь, раздался телефонный звонок. Луканов взял трубку:

-У аппарата!

-Савелий Платонович, это Гудович... Слушайте, здесь такое... Дело конфиденциальное...

-Вы откуда звоните?

-Из шорной лавки, что напротив дома Антуанетт.

-И что же произошло?

-Приехал Силин с целой оравой жандармов. Все двери закрыли, выставили охрану, а меня выставили за дверь... Я как раз разговаривал с дворником. Скажу я вам, это такой безобразный мужик... лет пятидесяти, грязный и воняет от него... Но я попал в ужаснейшее положение!

-Вот что, Константин Георгиевич, приезжайте в управление там все и расскажите подробно...

-Что стряслось, Савелий Платонович? – Спросил Алексей.

-Пока не знаю и не спрашивай меня впустую. Приедет Гудович и сам все расскажет.

Глава 35

На Санкт-Петербург опустился густой туман. Медленно проезжали осторожные экипажи и редкие авто, на ощупь нащупывая путь. Прохожие возникали словно из ничего и тут же растворялись в туманном молоке.

Потратив на дорогу в Сыскное управление почти полтора часа, в без четверти четыре Луканов и Сугробин вошли в ставший теперь общим кабинет. Савелий Платонович первым делом позвонил в химическую лабораторию и через несколько минут пришел химик-эксперт управления Михаил Парфенович; невысокий, бледный, с большими залысинами. Он имел привычку постоянно кивать головой, а его борода при этом, как метелка, подметала галстук.

Поздоровавшись, Михаил Парфенович положил на столе перед Лукановым, еще сыроватую фотокопию свитка.

-Вот, ваше превосходительство, полюбуйте. Перед фотографированием я покрыл сернистым аммонием те места на пергаменте, с которых чернила почти сошли. Поэтому на снимке хорошо виден весь текст.

-Действительно есть на что посмотреть. На этот раз, Михаил Парфенович, снимок у вас выдался отменный. Но что вы скажете по поводу подлинности самого свитка?

-Я провел химический анализ чернил.

-И?..

-С точки зрения состава чернил, все в точности так, как можно было и ожидать: железо в форме закиси, смешанное для связи с настоем галлов. Нет следов кислот, хрома или анилиновых красителей, добавлено лишь немного сажи для большей черноты и примерно пять процентов сахара.

-Сахара. – Удивился Алексей.

-Да, именно сахара. В средние века широко применяли сахар, для придания чернилам блеска после высыхания. Так что это обычные железо-галловые чернила, они характерны для периода, которым датируется сей пергамент, а именно пятнадцатым веком.

-Так просто? Но тогда выходит, что эти чернила не так уж трудно изготовить и в наше время, как, собственно и в любое другое.

-Правильно, ваше превосходительство, - согласился Михаил Парфенович. - Посему я провел дополнительный титриметрический анализ закиси железа и галлов, точно так же, как это я обычно и делаю в сомнительных случаях. Так вот, анализ показал, что именно эти чернила по титриметрическим показателям, в частности, оптической плотности, подобны, но не идентичны чернилам, которыми написаны другие документы того же пятнадцатого века.

-Подобны, но не идентичны... - повторил Луканов. - И насколько же подобны?

-Средневековые чернила, как в настоящее время и китайскую тушь, смешивали вручную перед применением. Настойка галлов - а это наросты на листьях - органическое вещество. Следовательно, чернила при достаточно длительном хранении должны разложиться. Но, упуская малозначительные подробности можно утверждать, что концентрация галловой настойки и железа в этих чернилах не превышает двадцати процентов. Положительна и реакция Седдонкса. Таким образом, мы можем достаточно достоверно датировать текст на этом пергаменте пятнадцатым веком.

-Вздор какой-то. - Алексей даже помотал головой. - Эти ваши двадцать процентов чего-то там, не доказывают ни подлинности, ни подделки пергамента.

-Отнюдь. Существуют специальные справочники и, в частности, по чернилам. О химическом анализе чернил писал еще великий Либих. Расхождения в составе средневековых чернил возможны в пределах двадцати-тридцать процентов. Уж не полагаете ли вы, господин Сугробин, что я, скромный химик, впервые в криминалистике выполнил химический анализ чернил? Мне, конечно, это льстит. Но, увы.

-Но отчего же тогда китайскую тушь, как и средневековые чернила, смешивают перед применением? Может это ошибка? - Спросил Алексей. - Может короткий срок хранения именно этих чернил их характерная особенность? Как и туши? Ведь китайская цивилизация и ремесленничество насчитывает...

-Перестаньте, господин Сугробин! Вы еще скажите, что порох и бумага пожаловали в Европу из Китая! Китайской цивилизации всего пятьсот лет, а порох был известен в Европе еще в двенадцатом веке, когда и самого Китая ни как цивилизации, ни как государства попросту не было. - Разгорячился Михаил Парфенович. - И то, если не принимать во внимание феномен «греческого огня»...

-Как же...

-Да вот так, господин Сугробин! Ненужно походя оскорблять иностранное государство. А с Китаем мы соседи. Если бы Китай и вправду бы имел столь древнюю историю, как это нам сияются доказать, то отчего же тогда они отстали от России и Европы просто-таки навсегда? Если цивилизация Китая в разы старше европейской, то отчего они застряли в раннем средневековье? Что сдерживает их развитие? Ресурсы? Так у них их поболее, чем в Европе будет. Дефицит населения? Так только в самом Китае населения в два раза больше чем во всей Европе с Россией вместе. Климат? Так в основном он мягче европейского, не говоря уж о России. Тогда выходит, что китайцы сами ничего не могут сделать, потому что просто...

-Да погодите вы! - Луканов наморщил лоб. - Тоже мне... казусники! Так значит, эти чернила соответствуют чернилам, которыми писали манускрипты в пятнадцатом веке?

-Да, ваше превосходительство. Кстати, следов смывки на пергаменте я не обнаружил.

-Какой еще «смывки»? - Алексей крепко сжал губы и сдвинул брови.

-Дело в том, что фальсификаторы иногда смывают текст с действительно древнего пергамента, чтобы нанести свой. Это как подделка картин. Берут холст, никому неизвестного художника, главное чтобы он творил в нужное время, затем смывают изображение, ну а далее малюют, так сказать, шедевр. Обычно, таковские подделки не определяются. Новомазня старица

специальными реактивами и перепадами температуры, а холст и даже грунтовка изначально подлинно старинные.

-Вот вам и достоверность химического анализа. – Усмехнулся Алексей. - Разве что предположить, что химия означает только лишь зловоние.

-Вы не правы.

-Неужто?

-Да-с! Конечно химия не панацея и в ней много пока еще неясного, но... Вон, Дюма придумал, будто бы первую медь выплавляли случайно: охотники костер разложили и пожалуйста-с вам медь. Все сразу же ему и поверили. Как же, сам Дюма! Эта чепуха даже в учебники попала. А Пьер Бертло усомнился и решил проверить. Костры палили разные и во множестве - все одно, ничего не вышло, не хватает температуры. Так откуда же медь? Загадка-с! Но загадка временная.

-Волчок. – Небрежно бросил Алексей медленно перелистывая страницы какой-то книги словно вглядываясь в лицо каждой страницы.

-Что, простите? – Спросил химик.

-Волчок. Или, если угодно, юла. Знаете, есть такая игрушка со всякими зверями, которые кружатся по кругу, и кажется, что они гонятся друг за другом. Так и ваша химия, как беганье по кругу. Я бежал за кем-то, а кто-то бежал за мной... Как это ваше «подобное», но «не идентичное».

Михаил Парфенович скрестил руки на груди, откинул голову и, выдержав секундную паузу, заявил:

-Вы знаете, ваши инсинуации...

-Все, господа! – Луканов слегка стукнул ладонью по столу. – Михаил Парфенович, а что вы можете сказать по поводу клеенки? Эта папка, видимо, изготовлена значительно позже?

-Отнюдь.

-То есть как это? Вы что хотите сказать, что эта клеенка тоже пятнадцатого века?

-Материал из которого сделан чехол в виде папки у меня вообще не вызывает никакого сомнения. Это, несомненно, пятнадцатый век.

-Вы хотите сказать, что клеенку изготавливали уже тогда? – Удивился Алексей. – Но откуда?.. Просто чудеса!

-Ничего сверхъестественного, господин Сутробин. Клеенку изобрели викинги еще в девятом столетии. В десятом веке она получила широкое распространение по всей Европе.

-Спасибо, Михаил Парфенович! Вы хорошо поработали.

-Я могу идти, ваше превосходительство?

-Разумеется. Вы свободны. – Луканов осторожно взял свиток и аккуратно положил его в сейф. Захлопнув стальную дверцу, он сел за свой стол, вытащил из портсигара папиросу, постучал ею по столешнице и прикурил, затем, перегнулся через стол и сказал:

-Алексей, ты еще в состоянии повышенной лютости? Эх, как на тебя исторические лекции по ересям да магиям воздействуют. Пойми, законов в эзотерике нет, потому как не наука. Посему можно непринужденно и свысока парить над всеми. Чем собственно все маги и заняты. Но тебе пора бы и остыть. Возьми тайм-аут.

-Да я вовсе не о магах. Черт с ними! Но, Савелий Платонович, «подобное», но «не идентичное», это же чистейший вздор, который можно использовать логически непротиворечиво для чего угодно. Например, чтобы опровергнуть существование Митькиного анемичного блинчика или вот, скажем, вашей папироски. Кстати, у вас не найдет еще одной?

Закуривая, Алексей пробубнил про себя:

-Зеркало. Вот истинное лекарство от всех иллюзий. Без всяких там - вам померещилось.

-Хватит, мне подобные разговоры не нравятся, - оборвал его Луканов. – Обращаю твое внимание, что мы вместо бумажного списка нашли пергаментный свиток, который вовсе не искали. Вот над этим парадоксом нам и следует хорошенько подумать.

-Однако, как выяснилось, список и свиток имеют определенную связь между собой. Мы же, принимая во внимание эту связь, теперь будем носиться со свитком, как муравьи с дохлой гусеницей... Нужно допросить Груню.

-Верно. Уж коль посадили человека в камеру принудительной задумчивости, то необходимо его как-то развлекать. Хотя бы и разговорами. Но вначалеждемся Гудовича... А-а вот и Константин Георгиевич! Легко на помине!

Гудович шумно отдуваясь, скорее плюхнулся, чем сел на стул. Выглядел он взлохмаченным и совершенно подавленным.

Луканов нахмурился:

-Как вас... У вас вид ночного кошмара. Вам что, кровь в голову ударила? Алексей, будь любезен, подай Константину Георгиевичу воды.

Выпив стакан залпом, Гудович, запинаясь и тяжело переводя дыхание, прохрипел:

-Бр-р! Вода холодная... Охранка-с... М-м-м... Господин Силин...

Алексей, деловито протерев очки, водрузил их на место, поудобнее сел и сказал:

-Ясно! Так что опять натворили эти ватажники вкупе с серийным вскрывателем всяческих злодеяний господином Силиным? Вероятно нечто экстраординарное?

-Нет... или да... Но они ищут горничную Антуанетт...

Алексей быстро взглянул на Луканова:

-Прикажите срочно доставить Груню на допрос?

-Да. И побыстрее. А то, по всей видимости, глазом не успеешь моргнуть, как уведут красавицу. А вы, Константин Георгиевич, идите домой и отдохните, а завтра к купцу Каблукову.

Глава 36

В сопровождении Алексея в кабинет изящной походкой вошла Груня. Луканов с удовольствием оглядел девушку: прямой нос, глаза с золотой искоркой, лицо спокойное, гладкие слегка выдающиеся скулы, припухлые губы, приоткрытые в благосклонной улыбке. Выглядела она невинно и свежо, словно только что вышла из детства.

-Очень приятно, мадемуазель. – Тепло сказал Савелий Платонович, ему понравилась манера Груни держаться с истинным, а не показным достоинством и ее открытый взгляд. - Проходите и присаживайтесь, в ногах, как известно, правды нет. Думаю, вам здесь понравится больше чем в камере, да и льщу себя надеждой, что наше общество вас не огорчит.

-Да, очень надеюсь, - в тон ему произнесла Груня и добавила. - Неплохо б кофейку выпить.

-Сударыня, у нас к вам несколько вопросов. Вопросы простые - каково ваше настоящее имя? что вы делали в опечатанной квартире? откуда у вас пергаментный свиток? И вновь о господине с моноклем. Вы совершенно ничего не знаете о нем? Может быть вы вспомнили какое-нибудь мимолетное впечатление? Ну, например, сколько ему лет? Тридцать, сорок, пятьдесят? Или каков он видом? Худощавый, крепкого сложения, дородный? Расскажите откровенно, без утайки.

-Назовите хотя бы свое полное имя, состояние и место жительства. – Алексей, поставил чашечку кофе перед Груней, машинально достал из лежащего на столе портсигара Луканова папиросу и сел за свой маленький стол.

-Господа, я вам все уже рассказала. - Махнув ладошкой, она взяла чашечку. - Мне нечего утаивать. Зовут меня Груня. Ну была я в квартире. Ну и что из того? Ведь не намереваетесь же вы меня сажать в острог за попытку стащить литографию?

-Сажать? Что вы! Пока нет. Да еще за грошовую литографию? Конечно же, нет. Пока максимум, что вам грозит, так это административная ссылка, скажем, в Лодейное Поле Олонецкой губернии. Но не думаю, что до этого дело дойдет. Но вот за свиток, обнаруженный у вас? Вот это вопрос уже серьезный, который нам с вами как можно скорее и нужно разрешить. – Савелий Платонович пододвинул к Груне фотографию свитка де Рэ. – Узнаете манускрипт?

-Надо же. Почти не узнать. Это что же и есть подарок графини? Какой-то он конфузный, да и скрючился весь. – Горничная всплеснула руками. - Да что же вы с ним сделали? Это все что от него осталось? Клочок бумаги?

-Груня... Да хоть бы и не клочок бумаги, а капустный листок! Хватит самостоятельных спектаклей. – Заметил Алексей. - Вам, верно, самой уже надоело притворяться. Давайте на чистоту.

-Давайте. А что делать-то?

-Говорить правду.

-Так я и так говорю правду.

Савелий Платонович достал из стола папку:

-У нас есть протокол вашего вчерашнего допроса, что был произведен в доме графини. – Он взял в руки и взглянул на лист бумаги. - Но вы могли бы помочь нам, да и себе, если бы дали дополнительные сведения. В частности, о господине с моноклем. Ваши показания какие-то туманные. Не могли бы вы описать его поведение? Манеры? Пьет ли он? Курит ли? А если пьет и курит, то что именно? Вы же посуду, скажем, пепельницу, и бокалы после его визитов мыли?

-Да не знаю я никакого господина с моноклем. Отстаньте вы от меня! Надоели уже, до тошноты в ушах.

-Как же так, Груня? Весьма досадно. Но вы же сами сказали о нем в предыдущем допросе. Вот, взгляните, внизу стоит ваша подпись? Да и околоточному три дня назад вы также говорили о господине с моноклем.

-Ну говорила и что из того? Консьержка сказала ну и я следом брякнула. А что мне еще оставалось делать?

-Говорить правду. – Вновь подал голос Алексей. – Допрос это вам, барышня, не тары-бары под штоф-с мадеры на двоих. Савелий Платонович, мне право будет неловко, если Груня решит, что попала в компанию сухих и скучных прагматиков.

-Во-во... - плутовато усмехнулась Груня. – Я даже не уверена, что мне так уж необходимо присутствовать при вашем разговоре. Тут от кого-то исходит смутное гудение и оно меня жутко пугает. - Она резко двинулась, словно собираясь уходить, но не поднялась с места.

-Погодите, Груня, не лишайте нас вашего восхитительного общества.

-Что ж... Я не вашим промежуточным чета! Раз взглянешь - век чахнуть будешь!

Луканов широко улыбнулся:

-Вы правы. Вы, Груня, как восход солнышка. А хороший восход должен повторяться на бис. Да что там на бис! Вечно! Верно?

-Пожалуй, останусь и досмотрю эту комедию до конца. Но вам, ваше превосходительство, необходим свежий воздух. Этакий густой хвойный воздух. А то вы совсем засохли, сидя здесь над своими пыльными папками.

Луканов вздохнул:

-Это верно. Но вернемся к нашим вопросам. Вы собираете коллекцию?

-Чего? Что я собираю? Да вы все о свитке, что ли?

-О нем. Но не только. Так, стало быть, теперь вы утверждаете, что никакого господина с моноклем у графини не было? Так? Я вас правильно понял?

-А-а... Черт с вами! Как на духу! – Груня потрянула головой и занавесила лицо густой волной рыжеватых волос. - Не было. Соврала я, испугалась как дура.

-А что же вас так испугало, что вы соврали полиции?

-Думала, что враз меня арестуют, если поперек консьержки пойду. Она-то что? Она внизу сидит. А я? При хозяйке в квартире. Она значит о моноклевом господине говорит, а я его ни сном, ни духом? Дескать, не видела, и знать не знаю? Так кого тогда в кутузку?

-Гм... А вам, Груня, не чужда логика.

-Очень рада...

Луканов откинулся в кресле, внимательно наблюдая за горничной. «Странно, – подумал он. - При допросе подозреваемый должен чувствовать себя не в своей тарелке, но Груня совершенно спокойна, а всплески эмоций притворны и, судя по всему, ей самой уже надоели. Кураж, должно быть, уже прошел».

Он взял со стола отточенный карандаш, рассеянно повертел его, положил на место и начал было фразу:

-Но из-за того, что вы залезли в чужую квартиру...

-В пустой дом я залезла, - буркнула Груня, перебив пристава.

Луканов выдержав паузу, согласился:

-Верно. В пустой дом. Но в дом, опечатанный полицией, в котором всего лишь сутки назад была убита ваша хозяйка. - Уже мягче пристав продолжил. - Если вас что-то беспокоит, не стесняйтесь, скажите нам. Мы постараемся все уладить. Вас никто не принуждал прийти в квартиру с целью похитить что-нибудь из нее?

-Да что вы! За кого вы меня принимаете?!

-За особу, которая лжет. - Фыркнул Алексей.

-Влезь мне в голову, упырь сыскной, сам увидишь, что не вру. И вообще, охолопись и танцуй назад! Впрочем вы, господин Сугробин, можете сколько угодно оскорблять меня, я привыкла к этому. Но вы ничего не докажете!

-Значит о господине с моноклем вы слыхом не слыхивали. Забрались по черной лестнице поздно вечером, почти ночью в квартиру, чтобы украсть всего лишь дешевую литографию?

-Именно так, ваше превосходительство. Наконец-таки, даже и года не прошло, как вы меня поняли. - Груня пожала плечами. - Очумеешь тут от вас.

-Вы знаете, - продолжил Луканов, - я, пожалуй, поверю вам, учитывая ваше обаяние и необыкновенную выдержку.

-А что? Разве я похожа на женщину, которая может запросто плюхнуться в обморок? - Груня лукаво прищурилась.

-Вы похожи на весьма милую барышню, если хотите знать. Вы очень бледны, отчего ваши веснушки задорно сияют, но вот тени под глазами, будто вы последнее время мало спите или вас что-то беспокоит.

-Да полно вам, сударыня, валять комедию! - Сказав, Алексей подошел к Груне.

-Какую еще комедию?

-Какие у вас дела с охранкой?

-С охранкой? Да что вы, господин Сугробин! Не пугайте меня! Зачем жалкая горничная понадобилась охране?

-Несчастливая девушка, - сказал Луканов.

-Бесстыжая нахалка! - фыркнул Сугробин.

-Я бедная и одинокая, - твердо заявила Груня.

Алексей без перерывов стал задавать вопросы жестким, официальным тоном. Периодически он поправлял очки или протирал их, что выдавало его волнение.

-По каким делам находитесь в столице?

-Ни по каким. Родилась я в Питере.

-Кто может это подтвердить?

-Да кто угодно.

-Угодно кому? Вам? Тогда назовите имена, адреса тех людей, которые могут удостоверить вашу личность.

-Ну нетушки! Еще чего! Вы их по судам затаскаете.

-Тогда по судам затаскают вас, мадемуазель. Вы этого добиваетесь? Вчера вы говорили, что родились в деревне, а сегодня заявляете, что родились в Санкт-Петербурге. Так что же правда?

-Я устала. Мне надо отдохнуть. Господин Сугробин, пожалуйста, отведите меня скучать в камеру. В ней, верно, воняет лошадьми... Но что же делать, когда здесь у вас в кабинете так разит краской?

-Удивительно... - Ухмыльнулся Алексей. - Я готов поклясться, что вы предпочитаете запах именно лошадей, а запаху краски, вернее всего, предпочитаете аромат скипидарных примочек от веснушек да, заодно, и от морщин.

-Не насмехайтесь надо мной, - Груня обиженно закусилла нижнюю губу. - Не моя вина, что я так сложна, хоть лицом и не похожа на херувима. Но больше всего я не выношу мужчин, которые любят лошадей. А вы, господин Сугробин, на Николая-угодника чем-то похожи. Может быть своим невыразимым – чего изволите?

-«Кто знает путь, тот и в аду как дома» - гласит тибетская пословица. Так что...

-Совершеннейшая чушь, господин Сугробин. – Перебила его Груня. - В буддизме нет такой идеи как «ад» или, если угодно, «эдем». Ни в махаяне, ни в хинаяне. Более того, отвергается само существование «ада», следовательно, не может быть и таковской поговорки. Это все равно, что говорить о голубоглазых китайцах или японках блондинках. Буддисты занимаются самообманом, веря в карму или, как они ее называют, – «самскара» и в реинкарнацию, они пустые созерцатели, упертые в свою «нимитту» и не более того⁵.

-Но как же тогда... Я ведь сам читал. – Смутился Алексей.

-Да вы, видать, не те книжки читаете. Верно чушь какую-нибудь, вроде Чжуан Цзы, Нан-ин или Лао Цзы.

В пол-уха слушая перепалку, Луканов улыбнулся: «Допрос скатился в никуда. Ну да и бог с ним. Однако Груня явно увлеклась. Для туповатой горничной свободно говорить о буддизме, это уже чересчур, это она переиграла. Ладно, послушаем, что будет дальше».

Он с ленцой взглянул на протокол предыдущего допроса горничной. Внезапно вспомнилась реплика Гудовича, сказанная им по телефону о дворнике: «это такой безобразный мужик, лет пятидесяти, грязный, воняет от него». – Стоп! А что наша консьержка? Ухоженная дама тридцати лет, стройная, чуть выше среднего роста и вообще весьма привлекательная. Что же между ними общего? Ведь Груня, а ей лгать было ни к чему, упомянула о посиделках в портерной Ксении Плежер с дворником. Такой девице пить пиво? Да еще в обществе нищего дворника отвратной наружностью, и которой значительно старше ее? Что-то здесь не то. А впрочем... Вот оно!». Взгляд его вспыхнул и он воскликнул:

-Ба! А вот и ответ!

-Ответ на что? – Алексей повернулся к приставу.

-Думаю на простой вопрос – кто убил графиню.

-Ну, слава богу! Дошло, наконец-таки. – Тихо, но отчетливо произнесла Груня. Она слегка наклонилась к Луканову и с самым серьезным видом следила за выражением его лица. На этот раз в ее голосе не было нарочитой развязности, что заставило сыщиков недоуменно уставиться на нее.

-Чудесно, поразительно... Груня, я вас не узнаю. Вы как истая женщина, вечно меняетесь. Вам бы лекции читать на тему «Как вскружить голову мужчине всякого сословия и состояния».

-Нет уж, ваше превосходительство. Увольте. Самой бы не вскружиться. – Груня незаметно бросила быстрый взгляд на Сугробина, но тут же упрямо вздернула свой приятно очерченный подбородок. - Мечта у меня, знаете ли, перенять у какой-нибудь почтенной дамы искусство вышивки. Болгарским крестиком, например.

-Дело принимает любопытный оборот, - растерянно пробормотал Алексей, переводя взгляд с Луканова на Груню и обратно. – Так кто же убил графиню?

Внезапно в дверь кабинета деликатно постучали.

-Я занят! – Бросил Луканов.

Но дверь широко и шумно распахнулась и в кабинет стремительной походкой вошел Силин.

Даже тишина в кабинете стала звонкой, будто жила она сама по себе.

Какое-то время Силин молча смотрел на присутствующих и, наконец, чуть ли не епископальным басом спросил утвердительно:

-Можно? Надеюсь, ваше превосходительство, я не причиню вам слишком много неудобств?

⁵ Нимитта (nimitta) означает, что вы не деятель, вы не причина, даже не одна из причин; вы просто нимитта – т. е. пустота (прим для редактора)

Выражение его лица ежесекундно менялось, как, наверно, менялось бы у Робинзона Крузо, нежданно увидевшего высаживающуюся на его остров развеселую компанию.

Глава 37

Алексей глубоко затаился, задержал дым и двумя струйками выпустил его через нос. Снял очки, задумчиво пожевал дужку и, близоруко взглянув на Луканова, произнес:

-Гурьян Уварович очутился здесь, вероятно, используя свою тонкую проницательность, но более ведомый инстинктом и предчувствием, что явно преобладает у него над всем остальным.

-Возможно, вы и правы, господин Сугробин, но уверяю вас, мне ныне не до шуток. Позвольте я сяду. Замотался я нынче. – Силин несколько раз сглотнул и сел на стул у стены. – Прошу простить меня, господа, но даже глаза слипаются.

-Хм! - буркнул Луканов. - Н-да! А все-таки чему мы обязаны вашим визитом? И кто, собственно вам дал право врываться в мой кабинет?

-Ваше превосходительство, прошу простить за вторжение, но дело, которое привело меня сюда, весьма важное и не терпит отлагательства.

-Вот еще, - фыркнул Алексей, - у нас тут было веселье в самом разгаре, а вы врываетесь с хлопаньем дверью и говорите «простите», – и тихо добавил, - герой, уставший, но живой.

-Господа! – Груня встала, - это за мной.

-Вот как? – Сугробин посмотрел на Луканова. – Я ничего не понимаю, а вы?

-Отчасти. Но, впрочем, это укладывается в мою схему.

-В какую еще схему?

-Видишь ли, Алексей, графиню приглашают в Россию, чтобы она была под рукой в нужное время. Следовательно, к ней должны приставить особу, которая будет ее тайно контролировать и, что самое главное, приглядывать за свитком, хранящимся у графини. Ну а кто сможет лучше всего выполнить эту работу? Разумеется прислуга. Вот и ответ, отчего Антуанетт наняла нашу насмешницу. – Луканов улыбнулся. – Груня, я прав?

-Да, Савелий Платонович. Я действительно не та, за кого так старательно себя выдавала. Вы уж простите меня за спектакли, что я устраивала вам. Особенно акт третий, сегодняшний.

-Ну что вы! Я понимаю. Главное чтобы этот акт не был сценой прощания. Скажу вам по секрету, мне даже ваш запах нравится. Ну а вы, Гурьян Уварович? Что ж так скромно сидите? Представьте нам барышню.

-Да... - Силин встал. - Извините. Господа! Позвольте представить вам - Кристина Юрьевна Беляева! Прошу любить и жаловать!

-А если копнуть чуть глубже? – Алексей сел за свой стол. - Совсем чуть-чуть.

-Вы имеете в виду должность и чин Кристины Юрьевны? – Силин пожал плечами. – Но эта информация секретная, я и так уже сказал слишком много.

-Ну... Не чин, я вообще... - Смутился Алексей.

-А вот если вообще, то и спрашивать тогда нечего, господин Сугробин. – Оскорбилась Кристина и обратилась к Луканову. – Савелий Платонович, так что с горничной и дворником?

-Да! Надо срочно действовать. Кстати, а отчего вы, Кристина Юрьевна, не сообщили по команде о своих довольно весомых, нужно отметить, подозрениях? Что вам помешало?

-Вы же понимаете, что мой департамент тривиальные убийства не интересуют. Для меня же основной задачей, после гибели Антуанетт, стало тайное изъятие свитка, который, кстати, еще необходимо было найти. Вот мне и понадобилось два дня на поиски в квартире графини этого свитка. Но... Тут-то мы с вами и познакомились. Сообщать же вам напрямую о своих подозрениях в качестве Груни... Вы бы это восприняли, как попытку направить сыск по ложному пути и все равно стали бы искать мифического господина с моноклем. Меня сразу поместили бы в камеру и свиток остался в литографии на неопределенное время или вообще бы исчез.

-Кстати, а где свиток? – Подал голос Силин.

-В моем сейфе. Могу его вернуть под расписку Кристине Юрьевне. Мадемуазель, вы его сейчас заберете?

-Благодарю, но будет лучше, если свиток де Рэ останется в вашем сейфе, но, простите, тогда вы напишите мне сохранную расписку, а вот фотокопию нам придется забрать.

-Но, Кристина Юрьевна, это же не логично. – Поморщился Силин.

-Ну и что из того? Зато правильно. Для наших целей вполне сгодится фотокопия. Тем более что текст на ней значительно четче. Вы не возражаете, Савелий Платонович?

-Ну как можно, Кристина Юрьевна? Для вас все, что угодно и в любое время. Вот и Алексей со мной согласен. Верно, Алексей?

Сугробин густо покраснел и уткнулся в стол.

-Видите? Молчит, стало быть, согласен. Уж я то его знаю.

-Что-то ваш помощник совсем приуныл. – Улыбнулась Кристина.

-Простите меня... Кристина Юрьевна... - Еле слышно проговорил Алексей. – Я вел себя безобразно.

-Неужели? – Удивилась Кристина. – И когда же?

-Кристина Юрьевна, - Луканов заговорщицки подмигнул Беляевой. – Будьте милосердной, ну скажите, прошу вас, что прощаете его. А то он спать будет плохо, да и, по-видимому, аппетит совсем пропадет. Пожалейте нас. Мне ведь с ним еще работать, он у нас величайший мастер сыщицких методов.

-Так я ведь на самом деле зла никакого не помню. Ну разок подрались, ну чутко поругались, ну обменялись комплиментами... Так и что из того? Это разве повод для обид? А, Алексей?

Услышав не формальное обращение по фамилии, а свое имя, Сугробин распрямился:

-Благодарю вас, Кристина. Вы очень добры ко мне.

-Ну вот все и разрешилось. – Луканов повернулся к Силину. – Ну а вы, Гурьян Уварович, что так припозднились выручать свою барышню? Вы же нашего Гудовича когда выставили?

-Да, действительно произошла некоторая накладка. Дело в том, что мои дуболомы только сейчас расспросили консьержку. Она и сказала о вашем посещении квартиры графини и то, что вы прихватили с собой горничную. Я тотчас сюда к вам. Вот, собственно, и причина моего беспардонного вторжения. Так что вы, Савелий Платонович, не держите на меня зла, а я еще раз прошу простить меня.

-А-а... - Луканов махнул рукой. – Хватит нам велемечиво извинять друг друга. Вы что-то хотите сказать, Кристина? Если вы позволите, я по имени, без отчества. Но только не подумайте что это от неуважения к вам, напротив...

-Оставьте, Савелий Платонович. Я совсем не против, если вы и господин Сугробин будете называть меня просто по имени. Но нам, тем не менее, необходимо продолжать игру, не так ли?

-Да.

-Что вы думаете делать с консьержкой и дворником?

-Тут и думать нечего! Необходимо взять их под стражу. Я совершенно уверен, что они и есть убийцы.

-Но что мы сможем предъявить им в качестве улики? – Спросил Алексей.

-Пока отпечатки пальцев из квартиры графини. Ну а там... Думается мне, что консьержка быстро сознается и даст показания, ведь убивал скорее всего дворник. А Ксения это так... кукла-матрешка. Ее откроешь, а там дворник затаился. Она, по-видимому, просто наводчица. Получит максимум три года, да и поедет себе в Минусинск на Енисей и природу, кедровые орешки лузгать. Уж очень она своим обличьем на белку смахивает. Да и сам Минусинск вовсе не Остров Дьявола, куда отправляют своих преступников как бы цивилизованные французы или английский Ботани-Бэй.

-Но должна отметить, что возникает чувство унижения, когда суют в камеру и захлопывают окованную дверь. И появляется желание руки помыть.

Луканов развел руками:

-Но покамест, увы, ничего иного не придумано, ведь подследственные имеют свойство скрываться. Вы же знаете, Россия излишне либеральная страна и, скажем, для получения заграничного паспорта необходимо всего-навсего уплатить грошову пошлину. И где потом прикажите искать подследственного за преднамеренное убийство?

Да тот же дворник. Ведь Антуанетту сперва дважды пырнули ножом, а затем ее же шарфиком и задушили. А сие уже особая жестокость. Законом признается убийство, исключаящее особую злость, или в состоянии запальчивости совершенное одним ударом, ножа ли, топора ли или еще чем-то. Как же такому злыдню да и не скрыться?

-Так кого все же арестовать, Савелий Платонович? Дворника или консьержку? – Спросил, вставая, Алексей.

Луканов поднял левую руку и растопырил два пальца:

-Не мелочись. Обоих! Возьми с собой филеров. А вот господин Силин со своими людьми тебе поможет.

-Вот-те раз! Как это? Я?

-Ну да. Именно вы! Гурьян Уварович, телефонируйте, будьте любезны, и распорядитесь, чтобы приглядели за консьержкой и дворником дома Антуанетт. Их можно даже где-нибудь запереть для большей сохранности, но только в разных помещениях.

-Я понял вас, ваше превосходительство. – Силин энергично взял трубку телефона.

-Господа, благодарное чувство ко всем вам готово перелиться через край и чтобы не расплескать его впустую, я пока прощаюсь с вами. И с вами прощаюсь, Алексей. Боже мой, сегодня, после ванной комнаты, я буду нежиться в своей удобной кровати, а не на шершавых досках в вашей камере. Какое счастье!

-Так мы с вами еще увидимся? – Смущенно спросил Алексей

-Конечно же! Ведь нам теперь предстоит найти список. Но не отчаивайтесь, теперь я беру дело в свои руки, и вы можете быть абсолютно спокойны – список мы обязательно найдем. – И насуплено, как человек, вынужденный объяснять очевидное, добавила. - Я же ведь нахальная и бессовестная, если вы, Алексей, еще не забыли этого.

Глава 38

Как ни подмывало Сугробина расспросить Силина о Кристине, он сдержался, понимая, что Гурьян Уварович попросту не может что-либо рассказывать о агентах охраны. Сейчас, мельком взглянув на уже знакомый фасад дома Антуанетт, он следом за Силиным вошел в парадный подъезд.

В вестибюле холодно и сыро, сегодня камин явно не протапливали. Пахнет влажной одеждой и табаком, часы над лестницей показывают половину восьмого.

Заложив руки за спину, возле стойки консьержки стоит жандармский унтер-офицер. Мужчина лет сорока, с грубыми чертами лица и крепким телосложением на нем синяя шинель с башлыком, форменные белые перчатки, портупея желтой кожи с шашкой и кобурой из которой выглядывает рукоять тяжелого «Смит и Вессона». Ничего примечательного, все строго по уставу.

Увидев Силина, унтер подтянулся, по привычке оправил портупею и, скользнув цепким взглядом по Сугробину, молодецкато отдал честь:

-Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

-Как дела? Вы изолировали консьержку и дворника?

-М-м... Дворник успел спрятаться в подвале. Мы пока его не стали преследовать. Но он там. Консьержка заперта в чулане. Прикажете ее доставить? - Говорил унтер аккуратно, как-то бережно, но с чувством собственного достоинства.

-Приведите.

Два жандарма привели консьержку и, отдав честь, стали по бокам.

Силин нахмурился и, внимательно оглядев ее, сказал:

-Мадемуазель, прежде чем изложить суть дела, я должен задать вам несколько вопросов, необходимых для точного установления вашей личности. Это в ваших же интересах. Итак. Ваше имя при крещении?

-Ксения.

-Ваше полное имя?

-Ксения Владимировна Плежер. – Консьержка нервно передернула плечами и запахнула меховую безрукавку, хотя истекала потом.

-Вы замужем? Если у вас дети?

-Нет.

-Вы служите в этом доме? Если да, то кем?

-Консьержкой.

Силин принялся, уловив слабый запах лауданума.

-Вы хорошо себя чувствуете?

-Ну... Как обычно. Я просто приняла немного лекарства, чтобы успокоиться.

-Хорошо. – Силин сделал минутную паузу и продолжил совершенно казенным тоном. - Ксения Владимировна, вы арестованы по подозрению в совершении особо опасного преступления – убийстве Антуанетт графини де Серьжо. Сейчас вы будете доставлены в Сыскное управление. В пути следования в разговоры с конвоем не вступать. Предупреждаю, что в случае попытки бегства против вас может быть применено оружие. Вам все понятно, что я сказал?

-Да... - прошептала Плежер.

-Есть ли какие-нибудь просьбы, пожелания?

-Нет. – И крикливо вскрикнула. - Но я ни в чем не виновата! За что вы меня арестовываете? Я вообще не пойму, о чем идет речь! – Но голос ее предательски осип и она закашлялась.

-Увы, мадемуазель, ничем не могу помочь. Желаю удачи! – Силин повернулся к Сугробину. - Можете ее забирать.

Алексей кивнул двум филерам Сысского управления, оба они в одинаковых пальто грубой шерсти и картузах.

-Господа, доставьте эту барышню в Сыскное управление. Учтите, что эта подозреваемая проходит по делу об убийстве и потому вам следует принять строгие меры предосторожности. По прибытию доложить его превосходительству господину Луканову. Все! Выполняйте!

Филеры сделали два шага вперед и старший из них обрушил на плечо консьержки тяжеленную ладонь и, смерив ее взглядом, дружелюбно улыбнулся:

-Ну что? Чужая душа - копейка, и своя душка - полушка? Ну тогда прокатимся. Тут не далеко. Так что пошли, красотка, и без блажей.

Второй филер невозмутимо защелкнул наручники.

«Прав Савелий Платонович. Ксения и вправду похожа на белку. На одинокую белку, ведущую бессмысленное существование. Дом, постылая работа, дом... И одиночество... А мимо проходит сытая, праздная и красивая жизнь, но дома беспутно и одиноко... Но на излете молодости одиночество для женщины хуже каторги».

Все это быстро пронеслось у Алексея в голове, пока филер вел ссутулившуюся Ксению к выходу и он решил сказать что-нибудь хорошее:

-Ксения, вы не казнитесь. Быть может все уладится и ничего больше не случится.

-Очень мило с вашей стороны. – Консьержка жалобно улыбнулась и испуганно посмотрела на черный силуэт арестантской двуколки.

-Женщинам верить нельзя. – Бросил Силин и обратился к унтеру: - Покажите где вход в подвал. Необходимо выловить дворника. Оружие у него есть? Топор, нож?..

-Не могу знать, ваше высокоблагородие!

-Ну хорошо. Но личность-то установлена?

-Никак нет! Не успели, ваше высокоблагородие!

-М-д-а... Гурьян Уварович, бардак-с. – Не удержался от колкости Алексей.

-Он и всюду бардак, – в тон ему заметил Силин. – Но домовладелец в вечной отлучке, нынче он на водах в Карлсбаде, оттого и невозможно установить, кто у него служит. А наш дворник прослужил здесь всего два месяца и потому квартальный его тоже не знает...

-Ну что ж... Коль мы не знаем, вооружен дворник или нет, то у нас есть весома причина поступать с ним не спортивно. – Заключил Алексей.

Глава 39

Пройдя боковые двустворчатые двери, Силин и Сугробин в сопровождении унтера спустились по скрипучей лестнице опутанной паутиной в подвальный коридор. Штукатурка от сырости местами отвалилась и проглядывала кирпичная кладка. Тусклые лампочки натужно освещали тесный проход, забитый ломаной мебелью и прочим хламом. Под ногами противно хлопает корявый настил, небрежно брошенный на подтопленный пол. Пройдя мимо распределительного щита и разинутого проема чулана, под завязку забитого торфяными брикетами, они уперлись в стену. Болтающаяся под потолком лампочка отбрасывает желтый конус неровного, тусклого света. Затхлый запах влажного торфа и хотелось обратно на свежий воздух.

-Вот тут, ваше высокоблагородие, замурован вход в подвал, но там, - он показал рукой, - оставлено слуховое окно. Верно по предписанию брандмейстера. Сквозь него дворник и сбежал. Внизу, - он снова показал рукой, - есть еще одно оконце. Но оно забито железом.

-А там что? – Силин кивнул на глухую левую стену.

-Там квартиры дома, что фасадом выходит на Орловский переулок.

-А в этом доме, стало быть, подвальных квартир нет?

-Так точно, ваше высокоблагородие! Этот дом дорогой и жилых помещений в подвале нет.

-А отчего вход в подвал замуровали. – Спросил Алексей.

-Не могу знать. – Отчеканил унтер.

-Ну а еще выходы есть?

-Жилец из второй квартиры, сказал, что больше выходов нет. Других жильцов нам не удалось опросить.

-Что так? Времени не было? – Усмехнулся Сугробин.

-Либо на звонок не открывают, либо отсутствуют. В общем попрятались.

-Все ясно. – Заявил Силин. – Нечего дискуссии разводить. Унтер, давайте сюда двух людей. Основное внимание на окно, в которое удрал дворник. Он может и вылезти из него. Ну а мы воспользуемся нижним, забитым окном.

-Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

-Ну что ж... - Силин снял пальто, зябко поежился и многозначительно взглянул на Алексея. - Давайте доставать нашего дворника. Место здесь, конечно, удобное для засады, но ждать его нет смысла, если он и вылезет то, скорее всего где-нибудь в другом месте. Сейчас бы хорошую овчарку, но пока ее доставят, дворник может уйти с концами.

-Но он может уже и вылез, а теперь улепetyвает во все лопатки.

-Может оно и так. Но только вряд ли. Слишком мало времени прошло, а в подвале нет освещения, да и хлама там, скорее всего, навалено столько, что черт ногу сломит. Вы же знаете, что домовладельцы экономят на вывозе мусора. Да и не думаю, что он заранее предусмотрел вариант бегства по подвалу.

-Питерские подвалы почти все сообщаются между собой. То квартиры, то комнаты, то дровяные сараи. Можно пройти весь город, ни разу не выйдя на поверхность.

-Ну это, да. Кстати, оружие у вас есть? – Спросил Силин.

-Разумеется, нет.

-Совершенно напрасно. Оружие может пригодиться.

-А у вас?

-Есть немного, на нас двоих, надеюсь, моего «нагана» хватит, только вы держитесь меня и не отходите далеко. Дворнику теперь терять нечего. Но может быть, вы останетесь? Я возьму с собой унтера. – Силин оставался по-прежнему невозмутимым, лишь его губы слабо кривились толи в усмешке толи от тщательно скрываемого волнения.

-Ваш унтер в оконце не пролезет. – Хмуро бросил Алексей. - Ну что, пошли?

Забитое ржавым железом окно, расположенное в полутора аршинах от пола, они вырвали вместе с гнилой рамой. Сыщики, чертыхаясь, по очереди продрались в узкий проем, и повалились на загаженный пол. Подождали немного, пока глаза не привыкли к подвальному полумраку. Мертвая тишина, притаившаяся, казалось, в бездонной глубине подвала, отбивала всякое желание сделать хоть один шаг вперед.

Вдоль стен протянуты обглоданные ржавчиной канализационные трубы и отвислые кишки электрических кабелей. С потолка свешиваются шматки проводов, может обесточенные, а может и под напряжением. Над головой насквозь прогнившие, никогда не просыхающие деревянные перекрытия. В голове Алексей мелькнуло, что этот дом постройки первой половины века, еще до изобретения железобетона.

Отовсюду тянет тошнотворной сыростью и гнилью. Даже вырвавшиеся из кладки кирпичи здесь не падают, а медленно, год за годом сползают по липкой грязи стен.

Разбрасывая пинками крыс, они осторожно пошли вперед вдоль труб, кабелей и провалов, ведущих неизвестно куда. Порой ноги, не находя более-менее твердую опору, расползались. Все же главное не растерять друг друга в этой мути и не потеряться здесь, что очень даже просто.

За очередным поворотом подвернулась осыпавшаяся траншея. Алексей перескочил ее и, едва не упав, все же сумел сохранить равновесие и удержаться на ногах. Но Силин, по колену угодив в траншею, шумно повалился на пол. Нашарив в темноте его руку, Алексей помог ему подняться.

Сугробин, как идущий в атаку солдат, переживал нечто среднее между восторгом и ужасом. От контуженых мыслей его отвлек Силин:

-Т-с-с! – И, задержав дыхание, он взгляделся в темноту.

Ничего, только какие-то тени. На лицо Алексея упала капля воды, пахло тухлятиной. Но вдруг темнота раздвинулась, словно занавес, и в шагах десяти от них возник смутный мужской силуэт. Силин легонько стукнул Алексея по плечу и, кивнув на мужика, крикнул:

-Стой!

Мужик метнулся в глубину.

Сполох выстрела с ходу поглотил сумрак. Силин стрелял вверх и пуля спрессованным хрустом вбилась в потолок.

Они бросились за силуэтом по коридору. В конце его оказался тупик. Узкий луч света, если его вообще можно назвать светом, что пробился с улицы через кошачий лаз, осветил прижавшегося к стене взбешенного мужика с жабым лицом и в засаленном дворничком переднике. Могучие покатые плечи придавали его фигуре почти коническую форму, а выгнутые ноги казалось, вонзились в пол. Он тяжело дышал, держал в руке железный прут и зло бормотал.

-Ту-ру-ру... Зашибу, падлу... - Перехватив прут поудобнее, он наклонился вперед.

-Брось прут! – Крикнул Силин. – Я с тобой в пристенок и в орлянку играть не буду!

-Закрой хлебало, сучья отравы!

-Живо пулю в брюхо получишь!

-Ухряй отсюда! Только тронь...

-Эй! Что это за рожа позади тебя?! – будто обухом огрел, рывкнул Сугробин.

Мужик непроизвольно дернулся и в следующее мгновение его подбородок был прижат к локтю Алексея. Свободной рукой он вырвал из рук дворника железный прут и отбросил в сторону. Мокро всхлипнув и выпучив глаза, дворник извернулся и сильно ударил головой в лицо Сугробину. Алексей резко отклонился назад, ударился о стену, в глазах потемнело, и он на секунду потерял сознание. Но на ногах удержался. Дворник пружинисто отскочил в сторону и ощерил редкие желтые зубы:

-Убью подлы!

-Я тебя научу закон уважать, сволочь, - прошипел Силин и, сделав левой ногой ложный замах, ударил правой в голову, прямо в висок. Рот дворника широко раскрылся, брызнул слюной, и он резко качнулся, но неожиданно кинулся на Силина. Оба повалились на пол. Но дворник тотчас вскочил и, целя в голову Силина, замахнулся ногой. Но оправившийся после мощного удара в лицо, Алексей опередил его. Он подскочил к дворнику сзади, ухватил за шиворот, рывком развернул, и с резким поворотом тела врезал снизу по челюсти, да так, чтобы костяшка согнутого указательного пальца ткнулась в подчелюстную кость. Голова дворника откинулась назад в ней что-то чьякнуло, и он начал оседать.

-Ну что, мерзавец, по полной отгуделся? Теперь сам пойдешь или тебя здесь и кончить? – Силин встал и отряхнулся. - Ч-ч-черт! - Прошипел он и, подойдя к дворнику, ударил рукояткой «нагана» по бицепсу правой руки. Рука дернулась и обмякла. Уперев ствол в лоб, Силин сплюнул. – Ну так решай скорее! Холодно здесь, а из-за тебя получать насморк я не намерен. Если ломиться не будешь, то обещаю, на выходе налью коньяку для твоего, сволочь, согрева. Как? «Ласточку», «три звездочки» потребляешь?

-Сам пойду. – Прохрипел дворник, губы его шелестели, как оберточная бумага. Вставал он в три этапа; сначала на карачки, потом упираясь левой рукой в стену, правая весела плетью, и, наконец, выпрямился. Его покачивало и стоял он немного в раскорячку, по его подбородку сочилась темная струйка крови, а кадык трепыхался.

-Оружие есть? – Спросил Силин и быстро обыскал его. – Чисто! Вот и хорошо.

Дворника пришлось через оконце проталкивать. Снаружи его тянули два жандарма, из подвала выпихивали Силин и Сугробин. Как он сам пролез через него, осталось тайной, поистине страх порой делает чудеса.

Выйдя на улицу и вдохнув полной грудью прохладного воздуха, к Алексею вернулись ощущения, и он чуть не рассмеялся, почувствовав пронзительное понимание, что дело сделано, и дворник арестован, и убийство графини можно считать раскрытым.

Силин сдержал свое обещание и когда филеры усаживали дворника в пролетку, от него явственно несло коньяком, он кивал и бессмысленно бормотал:

-И никого, ничего, и вообще...

На улицу тихо, словно крадучись, вышел ухмыляющийся Силин:

-А вы знаете, господин Сугробин, наш дворник-то дезертир. Да-да. Он мне сам только что под коньячок и повинился. Так что прошу если и не любить то жаловать - рядовой Ковенского гарнизона в бегах. Впрочем, если вы докажете что он убийца, то его дезертирство сочтут ерундовой шалостью. - Отстегнув пряжку под левой рукой, Силин стянул кобуру с ремня. На миг стало видно, что подкладка пиджака уже протерлась до дырки от частого соприкосновения с кобурой.

-Кстати, господин Сугробин, как ваш нос? Цел?

-Да. Просто повезло, даже не расквасил.

Резкий свет редких уличных фонарей оттеснял густые ночные тени к запертым магазинам. Алексею вдруг вспомнился лже-граф Соколовский и оставленный им зонтик с отпечатками пальцев из квартиры Антуанетт... Мысль мелькнула и тут же исчезла.

Глава 40

Двадцать девятого ноября Луканов и Сугробин встали в начале первого. Затянувшаяся осень впервые дохнула зимой, ветер переменялся и ночью выпал мокрый снег. Даже шпиль Адмиралтейства высится над Санкт-Петербургом, словно огромная сосулька, а позолоту купола Исаакиевского собора укрыт рыхлым снегом. В мутно-белесом небе шумно и бестолково мечутся вороньи стаи.

Днем, сквозь скупые прорывы облачности, местами проглянуло солнце. Невесть откуда взявшаяся серая муха с жужжанием забилась в оконное стекло.

Луканов хмуро проговорил, глядя на часы.

- Н-да... Скоро, по всей видимости, я каждый день буду вставать так поздно. Но верно и время нынче не идет, а скачет себе да спотыкается.

Митька, по обыкновению с манерами гробовщика, принес отливающий никелем жаркий кофейник и блюдо своих анемичных блинчиков. Поймав на лету осуждающий взгляд Луканова, он унес блинчики обратно на кухню. Попугай в вестиб-люе, внушительно покряхтев, словно оперная прима, прочищая горло, громко и внятно сам с собой поздоровался, чем немало удивил Алексея:

-Надо же, а ваш попугай, Савелий Платонович, видно готовится к зиме, потому и выучил приветствие. Он, верно, так и от своей привычки ругать всех подряд отучится. Гм... Холод не тетка, а в гостиной-то не в пример теплее, да и сквозняков меньше. - Серые глаза Алексея слегка припухли от сна, но выглядел он свежо и вполне отдохнувшим.

-Надо этого охальника переселить. Все же живая душа. Митька! – крикнул Луканов. – Перенеси пернатого в гостиную, но только когда мы уйдем. Мы еще немного побудем без его интерпретаций...

-Савелий Платонович, а кто будет вести дело Антуанетт? Мы?

-Нет. У нас еще список Радецкого. Кстати... Дай-ка мне телефон. Надо Гудовичу телефонировать и отменить визит к купцу Каблукову. Пускай Константин Георгиевич и проведет предварительное расследование. За пару дней справиться и передает в судебное следствие. Улики-то неоспоримые – отпечатки пальцев из квартиры графини полностью совпали с отпечатками консьержки и дворника.

-Нам, стало быть, можно забыть о графине?

-А вот это вряд ли. Зонтик. Вот что нам еще предстоит выяснить.

-Какой зонтик?

-Ну как же... Графа или кто он там? Зонтик Соколовского.

-Верно! Я и позабыл. Вчера еще после ареста дворника о нем вспомнил, и вот опять вылетело из головы. Ну так что с зонтиком? У вас, Савелий Платонович, есть какие-нибудь версии?

-Догадок полно. Но, верно, все несурзные. Так... мечтания.

-Ну, например?

-Например? Гм... Вот вчера, когда тебя ждал, подумалось мне, а хорошо бы, если бы пройдоха Соколовский своим зонтиком просто бы давал нам понять обратить особое внимание на убийство Антуанетт. Этак ненавязчиво.

-Да... Неплохо. Даже слишком хорошо, чтобы быть реальной. А что с отпечатками на ручке зонтика?

-Эта деталь требует серьезного размышления. Шерлок Холмс говаривал в подобных случаях, что если отбросить невозможное, то останется невероятное. Но если ты все же оторвешься от своей сигары и подашь мне телефон, то мы сейчас это и выясним, - улыбнулся Луканов.

-Извините, - смутился Алексей, положил сигару в пепельницу и протянул приставу телефон.

-Барышня, - излишне громко произнес пристав в трубку, - будьте добры, соедините с коммутаторной Сыскного управления. Номер? Да не помню я номера... Но ведь Сыскное управление в Питере всего одно... Что? Прекрасно! Тогда попросите старшую телефонистку подойти и соединить.

Очевидно телефонистка не стала раздувать скандал и тут же соединила с управлением.

-Луканов! Дактилоскопическую лабораторию, пожалуйста. – Пока соединяли, пристав закурил папиросу и показал Митьке, вошедшему забрать опустевший кофейник, чтобы он сварил еще кофе. – Да! Номер? Какой номер? – Зажав рукой трубку, Савелий Платонович прошептал Алексею, - какой регистрационный номер у нашего зонтика?

Сугробин быстро достал записную книжку и принялся лихорадочно листать ее:

-Черт... Где-то записывал... Да не помню я, Савелий Платонович. Да что у них там? Столько зонтиков, что обязательно нужен номер?

-Алле! Зонтик вам был доставлен двадцать шестого ноября. Напрягите ноги, встаньте со стула и потрудитесь посмотреть в регистрационном журнале, уточнить и срочно телефонировать мне на квартиру. Все! Выполняйте! – положив трубку, Луканов проворчал. – Это черт знает что! Пустомели! Телефонистка спрашивает, с каким именно Сыскным управлением соединить, в лаборатории требуют номер дела, по которому у них значится зонтик. Что за день такой?

-Первый день зимы.

-Ну, разве что...

-Но то, что отпечатки на ручке зонтика совпадают с отпечатками, обнаруженными в квартире Антуанетт, мы и так уже знаем.

-Верно. Но будет весьма интересно узнать, чьи именно эти отпечатки. Консьержки? Дворника? Или еще кого? - Луканов вновь взял трубку и назвал номер абонента. - Константин Георгиевич? Доброе утро! Рад, что застал вас дома. Ситуация изменилась. Вчера по подозрению в убийстве графини де Серьжо арестованы Ксения Плежер и дворник Роман Ташланов. Вы сейчас отправляйтесь в управление и займитесь ими. Да... Отпечатки совершенно совпали. Так что особо их и вылушивать не нужно. Вам следует просто надлежащим образом оформить дело и передать следователю. Нет-нет. Купец Каблуков покамест подождет. Мы сами навестим его. У меня пока все.

-Надо бы связаться с Кристиной? – Неуверенно и с надеждой произнес Алексей.

-Кх-м... Если нужно, то соединяйся. Скучно не будет.

-Вы позволите?

-У тебя что, есть ее номер? – Удивился Луканов.

-Совершенно случайно, знаете ли...

-Ну-ну... - Луканов важно кивнул и усмехнулся. – Оно понятно. В твоей распухшей от записей книжке полно чего случайного, жаль лишь, что что-то нужного в ней нет.

-Отчего же...

-Погоди, Алексей. У тебя, что - хлестаковское самомнение? Ты намечаешь договориться с Кристиной о свидании? Или поговорить о деле?

-Разумеется о деле, - Алексей смутился и даже немного покраснел, - только о деле. Я хочу уточнить некоторые подробности... К примеру, как зонтик из квартиры Антуанетт попал к липовому графу Соколовскому?

-Да... Это в самом деле, интересно. – Луканов перестал улыбаться и резко сказал. – Звони, не тяни! Но поменьше гусарства и помни, что Кристина девица ласкового и весьма лукавого возраста! Так что без шалостей!

Алексей взял телефон и встал:

-Вы позволите? Мне... нам... действительно необходимо...

-А-а... - Луканов прервав его объяснения легким взмахом руки. – Скромник. Седло об крыльцо цепляется, добавки просит... По делу ему, видите ли, поговорить приспичило. - И процитировал Лермонтова. – «Мысль сильна, когда размером слов не стеснена».

-Мы будем смирными. - Сугробин пересел к письменному столу и, сняв трубку, тихо пробубнил номер и пока его соединяли спросил. - Савелий Платонович, а может пригласить Кристину сюда?

Луканов кивнул и крикнул, - Митька! Сходи-ка, братец, в книжную лавку и купи все сегодняшние газеты. Ты понял? Именно все.

-Не стоит читать газеты. – Мрачно заявил Митька.

-Ладно... Ты еще тут со своим мнением. Подкинь в «голландку» дровишек и отправляйся!

Глава 41

Алексей сидел за письменным столом прямо, как стрела, опираясь на спинку своего стула с локотниками. Голова его низко наклонена к правому плечу и он, шевеля губами, перелистывал принесенные Митькой газеты в поисках объявления о лекции Ухтомского.

Луканов, сунув руки в карманы, задумчиво смотрел в окно вниз на тротуар. Взгляд его задержался на мальчишке-курьере в синей форменной тужурке с золотыми галунами и эмблемой Торгового Дома Лейзер, что во всю прыть перебежал улицу. Мальчишка так спешил, что чуть не сбил с ног бродячего торговца с большой корзиной, из которой выглядывали симпатичные мордашки пятнистых щенков.

Прошел томительный час, прежде чем приехала Кристина. Вступив в вестиб-люй она небрежно скинула огорошенному Митьке пальто и мокрую, потерявшую форму шляпку. Мельком взглянув на оторопевшего попугая, подошла к зеркалу, критически осмотрела на себя, слегка коснулась светло-рыжих волос с очаровательной челкой, поправила платье аквамаринового шелка, ослабила беспечно висящий белый шарфик, ниспадающий на высокую грудь, между которыми притаился серебристый медальончик. Найдя себя в полном порядке, Кристина вошла в гостиную и сказала. - Добрый день, господа! – ее доброжелательная улыбка обнажила белоснежные зубы. – Рада вас видеть.

-Здравствуйте, Кристина! Проходите, будьте добры. Мы тут вас уже заждались. Верно, Алексей?

Сугробин резко, со стуком встал, смущенно пробурчал что-то неразборчивое, снова сел и принялся листать газеты. Он вдруг ощутил набегающие толчки крови под внезапно ставшим узким воротником сорочки и туго завязанным галстуком, и делал усилие, чтобы противостоять возникшему искушению: расслабить узел галстука и расстегнуть верхнюю пуговицу.

-Алексей, - Луканов развел руками и вздернул плечи. - Усади даму.

-Да я и сама сяду запросто, спасибо.

-Кофе? – Луканов не очень убедительно разыгрывал гостеприимного хозяина, все-таки дама, да еще такая милая, весьма редкий гость в его доме.

-Если можно, чаю и... если можно рюмочку шардонэ или коньяка. На улице столь промозгло и сыро... А что вы, Алексей, так старательно кромсаете скальпелем и раскладываете по баночкам?

-Простите?..

-У вас такая кипа газет, что невольно приходит мысль о некоей затее, вынудившей вас усесться за них. Впрочем, я уже догадалась. Вы ищите некоего Ухтомского? Верно?

-Да... - Алексей протер очки. – От вас ничего не скроешь. Это даже пугает.

-Кстати, Кристина, а вы знаете Ухтомского? – Луканов сел в кресло напротив Беляевой.

-Видела пару раз мельком у графини.

-И каково впечатление?

-Представьте себе – никакого. Среднего роста, мушкетерская борода, повадки мелкого жулика, слащавый, до оскомины тусклый, но очень высокого мнения о себе. Кстати, у него выпученные глаза, вероятно, от высокого кровяного давления и пахнет потом почему-то именно от живота.

-Гм... Учись, Алексей! Видеть человека пару раз и столько заметить.

-Я и так учусь. Вот, в частности, что пишет «Биржевик» в рекламе типографии - «Все, что в мире написано, пишется или еще только будет написано, уже давно напечатано в петербургской типографии Товарищества Водион». А? Каково?

-Чертовски многообещающе. – Луканов укоризненно покачал головой.

В гостиную вошел Митька, держа в руках большой серебряный поднос, уставленный чашками с кофе, блюдами с монпансье и на белоснежной салфеточке крохотная рюмка коньяку. Его растерянный вид явно указывал, что он еще не пришел в себя от потрясения, увидев барышню в квартире пристава.

-Прошу-с прощения, - сказал он и непроизвольно дернул подбородком, - чая у нас нет-с. Кристина мягко улыбнулась и небрежно махнула ладошкой:

-Нет так нет. Будем пить кофе по-студенчески с коньяком.

-Кристина, - прервав паузу, спросил Луканов, - а вы не подскажите, как нам встретиться с Ухтомским?

-Увы, нет. Если не секрет, то зачем он вам?

-Дело в том, что накануне убийства Антуанетта передала ему все свое состояние... Может и он имеет какое-то отношение к ее смерти? Согласитесь, что при данных обстоятельствах нам просто необходимо хотя бы поговорить с ним.

-Я понимаю. Вряд ли он имеет отношение к убийству графини, но... Есть люди, которые мечутся в страхе, преследуемые воспоминаниями, вот тут и появляются слизняки вроде Ухтомского, готовые снять все воспоминания. Впрочем, не буду навязывать вам свое мнение. Ну, а что зонтик? Алексей когда приглашал меня к вам в гости упоминал некий зонтик. Нужно отметить, что это было в высшей степени оригинальное приглашение. Приглашение с зонтиком.

-Ну, Алексей у нас известный сердцеед. Он точно знает, чем и как можно заинтриговать барышню, особенно такую молодую, красивую и...

-Умную. Вы, видимо, это хотите сказать?

-Да. Простите, Кристина. Вы правы, хватит расшаркиваться и сметать шляпами пыль с башмаков друг друга.

-А откуда вы узнали о передаче Антуанеттой своего состояния этому прощелыге? Графиня этого никак не афишировала.

-М-м...

-От Милен де Конон. - Выпалил Алексей.

-А-а... - Тогда понятно.

-Алексей, - Луканов от неожиданности, что Сугробин походя выдал виконтессу, смутился. - Ты чрезмерно скор. А вы, Кристина? Вы знакомы с Милен?

-Наслышана. Эта пиявка из тех, кто вечно потирает руки в предвкушении подробностей свежей крови и старых грехов. Но это так... Вздор.

Раздался телефонный звонок, Луканов поднял трубку.

-Алле! Да! Вы уверены? Спасибо.

Положив трубку, пристав под пристальным взглядами Алексея и Кристины, прошелся по гостиной и остановился у окна. Воцарилась гнетущая тишина.

-Что, Савелий Платонович? Что-то случилось. - Не выдержал Сугробин.

-Нет... Все нормально. Отпечатки на ручке зонтика принадлежат Ксении Плежер.

-Зонтика? Опять зонтик! Господа, не томите и скорее расскажите мне о нем.

-Видите ли, Кристина, - и Луканов рассказал ей о встрече с графом Соколовским. Не упустив ни одной мелочи, и о визитке, и о его предложении, и как он ушел от филеров. Кристина слушала молча, крайне заинтересовано и ни разу не перебила.

-Моя оплошность, - тихо сказал Алексей, - что граф ушел. Мне надо было предусмотреть такой вариант.

-Оставьте, Алексей! - Кристина заглянула ему в глаза. - Не вините себя. Самогрызение самое зряшное занятие, уж я то это точно знаю.

-Спасибо, Кристина.

-Ну так, Кристина, каково же ваше мнение о Соколовском?

-Сложное. Этот зонтик... Очень странно. А зонтик темно-синий с голубой каймой и ручкой из слоновой кости?

-Да. - Кивнул Луканов.

-Это зонтик Антуанетты.

-И как он мог попасть к Соколовскому? - Алексей чувствовал себя перед Кристиной как нашкодивший гимназист.

-Тут я ничем не смогу помочь. Я ведь даже этого Соколовского не видела.

-Кристина, я полагаю, что вы в курсе всего существа дела. Вам что-нибудь говорит имя Алтуф? Или, скажем, Глеб Разивильский?

-Разумеется. Это дело мы, как и вы, и расследуем. Ведь основная цель это все-таки список Радецкого. Со свитком де Рэ все было и есть принципиально проще. Я вам даже больше скажу, я упустила Разивильского со списком.

-Как?! – Вскричал Алексей.

-Да... действительно, как это случилось?

-Ну... мне неловко рассказывать об этом.

-Пустое. Мы и я, и Алексей тоже держали его в руках и успешно прохлопали. Лишь то извиняет нас, что на тот момент мы не знали особую ценность этого клочка бумаги. Но – вы?!

-А что я? Петербургская охранка следила за Разивильским. В какой-то момент она упустила его из виду и именно в это время он и получил список. От кого, на каких условиях, осталось неизвестным.

-Расскажите нам, пожалуйста.

-Да, Кристина, откровенность за откровенность. Я ведь без утайки рассказал вам о Соколовском.

-Хорошо. Тем более что ныне от вас это не является секретом. – Кристина уселась поудобнее и, как бы ненароком взяла сигару из коробки, что стоит на столе и, к немалому изумлению Луканова и Сугробина, спокойно закурила. – Но прежде дам себе слово держать себя в руках, не волноваться и не обращать ни на что внимания. – Сказав это, она осторожно начала. – Как я уже упомянула, питерская охранка следила за Глебом Разивильским. Вначале по деловым соображениям, он был кандидатом на довольно перспективную работу в охранном отделении, но после доноса и последующей кляузы некоего Георгия Гапона господину Зубатову, уже просто как за подозрительным лицом.

Было известно, что Разивильский питает слабость к молодым барышням. Особенно к чуть выше среднего роста, рыжим и обязательно с веснушками. Вот, собственно, именно по этой причине я и попала в это дело. Если вы обратили внимание, я именно тот тип женщины, который нравился будущему попу и, по сложившейся традиции святош, агенту охраны Разивильскому. – Кристина немного порозовела и бросила мимолетный взгляд на Алексея.

Луканов пододвинул пепельницу к Кристине и заметил:

-Я вот тоже люблю определенный тип женщин. Ну и что? Охранку, я полагаю, это никак не волнует.

-Да и в самом деле! – Заявил Алексей. – У всякого мужчины есть свой предпочтительный тип дам... Но должен отметить, что у Разивильского вкус был превосходный.

Кристина, постучав сигарой по краю пепельницы, сбросила пепел, поднесла сигару к глазам и внимательно, даже чересчур внимательно рассмотрела ее:

-Все это верно, господа. Кстати у женщин тоже разные вкусы. Но это так, к слову. Но я продолжу... В первых числах ноября охранке стало доподлинно известно, что список находится у Разивильского. Откуда он мог у него взяться никто понятие не имел. Но сведения были получены от Гапона, которому Разивильский предлагал за приличное вознаграждение подействовать в поисках свитка де Рэ. То, что сей свиток храниться у Антуанетт, он, конечно же, знал, но вот где именно, для него было неизвестно.

-То есть, - Луканов слегка усмехнулся, - этот поп желал пройти инициацию и заделаться Великим Гроссмейстером ордена Мартинистов?

-Конечно. Если бы это ему удалось, то он моментально стал бы неприкасаемым.

-Ну а Гапон? – Спросил Алексей. – Что ж он-то оплошал. Мог бы расстаться и сделать себя этим гроссмейстером?

-Гапон психически неуравновешенный. У него есть харизма, но, как и все харизматические личности, он пустышка. У харизматиков вся энергия на болтовню уходит потому они разрушители, но никак не созидатели. Вспомните Христа, Цезаря, Наполеона, Петра Первого и даже Жанну Д'Арк. Ведь современники ненавидели Жанну, да и выдали ее англичанам сами

французы, но британцы вежливо вернули ее назад, так что судили и казнили Орлеанскую Деву, а если быть точным, то Жанну-Орлеан-Божанси-Патэ опять-таки сами французы.

-Но Петр Первый? Он даже титул «Великого» получил. – Удивился Сугробин.

-Ну да... Только стал бы он этим «великим» без Санкт-Петербурга. Петр поверг страну в Северную войну, тянувшуюся двадцать один год, чем вогнал империю на грань разорения и опустошения. Население России после Петра составило всего-то девять миллионов подданных. Разумеется, это не были одни только военные потери, просто население разбегалось во все стороны, куда только глаза глядят. Кстати сказать, до вашего «великого» Петра в России бурно развивалась книжная торговля, после – винная и табачная. Вот вам и миф, к слову сказать, придуманной Екатериной Второй, об отсталости допетровской России. Ну а что стало после Петра? Это известно всякому: кабаки, солдатчина, ненужные России войны и череда лихоимцев при власти. Оболганный донельзя Иван Грозный, к примеру, писал музыку и стихи, и переписывался со всеми европейскими дворами, особенно со своим другом Генрихом Восьмым Английским. Причем переписывался с ним на... английском. А что мы знаем о нем? Дикарь чуть ли не людоед. История России еще ждет своего, а не придворного исследователя...

-Ну а Христос-то? Что он то разрушил? – Угрюмо произнес Алексей.

-Да как это что? Не он один, конечно, но он и ему подобные спровоцировали кровавейшие Иудейские войны. Об этом как-то не любят вспоминать. Вроде как забылось. Но для тех людей, кто тогда жил, это была катастрофа. Да оглядитесь же! Те же евреи поныне по всему миру разбросаны. И вообще, Алексей, не перебивайте, а лучше почитайте Иосифа Флавия. Я вам уже говорила, что вы не те книжки читаете.

-М-да... - Луканов грустно покачал головой. – Но давайте вернемся к списку.

-И то верно, - решительно сказала Кристина и продолжила - Учитывая вкусы Разивильского и то, что он склонен шляться по притонам с «девочками», было принято решение поймать его так сказать на «живца», а именно: он должен был клюнуть на девицу, которая полностью отвечает его вкусу.

-А не проще ли было просто пригласить его с помощью пары филеров в гости в особняк, что у Биржевого моста? – Буркнул Алексей

-Нет. Этот вариант исключался сразу. – Нравоучительно объяснила Кристина. - Разивильский прекрасно знал, чем грозит ему список. Без свитка де Рэ это бомба с уже зажженным фитилем в кармане. И если бы списка Радецкого не оказалось бы с ним в момент, как вы сказали «приглашения», то была высока вероятность что список навсегда или на довольно длительное время попросту исчезнет из поля зрения. Охранка не хотела рисковать и потому решила действовать наверняка – прощупать, а если хотите, то обыскать Разивильского, в привычной для него обстановке. Самое простое в этом случае это флирт. Точнее знакомство с продажной девкой.

-Понимаю, - сказал Луканов. – Если списка не обнаружится, то остается еще масса средств легонько пощупать Разивильского. Так сказать – от простого к сложному. Но можно было и инициировать, скажем, ограбление. Думается, что для охранки это было бы необременительной затеей.

-Вы, Савелий Платонович, весьма худо думаете об охранном отделении. Очень жаль. Но фиктивное ограбление можно совершить лишь единожды, а продажное романтическое свидание сколько угодно раз.

-Ну, тут вы правы, конечно. Грабить человека через день-два это уж чересчур. Да и канительное это дело. Постель надежнее.

-Вот именно. Только не подумайте, господа, что я собиралась... спать с этим... попом. Меня абсолютно не интересовал этот подгнивший овощ. – Кристина запнулась, поймав на себе напряженный взгляд Сугробина. - Я вовсе не падшая женщина. Я просто падший ангел... И вовсе не увлеклась своей ролью.

-Нет, конечно. – Смутился Алексей. – Мы об этом и не думаем.

-Так вот... На Моховой есть притон под прикрытием охранки. Хозяйка этого, с позволения сказать, заведения давнишний агент охранки. Там и было решено провести операцию.

Начиная с девятого ноября, я специально прогуливалась в скверике, что возле дома, где жительствовавший Разивильский. Одета я была соответственно: юбка чуть выше щиколотки, до жути приталенное пальто, не вздохнуть ни охнуть, малюсенькая шляпка на заколках, чтобы Разивильский углядел мои, в общем-то, красивые светло-рыжие волосы и полностью открытое лицо, чтобы за версту были видны мои веснушки и характерная для рыжих белизна кожи и, что уже редкость у рыжих, голубые глаза. Никаких кашне и горжеток мне не полагалось. Ходи, улыбайся, хлопай редкостными глазами и все. И это под почти непрерывным дождем. Б-р-р... Но поделаться тут я уже ничего не могла. Хозяйка заведения сидела под зонтиком невдалеке на скамеечке. Ее задачей была привычная для нее работа, быть моей «мадам».

Двенадцатого ноября Разивильский наконец-таки заметил меня и, покружив, подошел знакомиться. Немедля в дело вступила моя «мадам», заломив за меня такую цену, что у Разивильского, даже если бы и были какие-нибудь подозрения, то они тотчас испарились бы. Они договорились на тринадцатое число. Разивильский должен был прийти на Моховую, принести деньги, ну и получить страстную, рыжую любовь...

Вы знаете, что охранка, да и полиция специально содержит некоторые притоны, которым прощают даже мелкие «шалости», именно для слежения за уголовниками, которые постоянно собираются там: пьют, много болтают, в общем, вы понимаете.

-Разумеется. – Луканов взглянул на кислую физиономию Алексея.

-Как я уже сказала, притон на Моховой был действующим. Тринадцатого ноября я пришла на Моховую. План был таков – напоить Разивильского, что, учитывая его наклонности, было легко. Он вообще носится со своим алкоголизмом, как с патентом на общественное внимание. После хозяйка обыскивает его, ну а дальше по обстоятельствам. Если находится список, то Разивильского забирает охранка, если списка нет, то, проспавшись, он отправляется восвояси. На случай затруднений, были специально подготовлены две молодые потаскушки с задачей упоить клиента хоть до смерти. Эти молодки, по семнадцать лет каждой, сидели на крючке у охранки, так как летом были сцапаны с поличным на краже толстого портмоне у своего клиента и им было обещано, что если они выполнят задачу, то их дело закроют. Но пока Разивильский был трезв, должна была присутствовать именно я.

Однако вмешался его величество случай. Накануне в притон заходил некий господин и заказал сразу трех потаскушек, якобы для своего очень хорошего друга. Время было назначено на одиннадцать вечера. Как я теперь точно знаю, этот господин привез Алтуфа, который, вероятно, сам того не зная и опередил нас. Хозяйка отлучилась на пару минут, укладывая спать своего шалопутного мужа, я немного замешкалась с приведением себя в «рабочий» вид... В общем, пока суть да дело Разивильский пропал. Пропал вместе с предыдущим клиентом, а именно с Алтуфом. Вот собственно и все.

-Спасибо за ваш рассказ, Кристина. Одной тайной стало меньше. Теперь мы по крайней мере знаем, где Алтуф провел свой последний вечер. Но вы ведь уже служили у графини? Как же вам удалось потратить несколько дней? – Сказал Луканов.

-Это пустяки, я сослалась на простуду.

-А Антуанетт знала, что вы специально приставлены к ней?

-Нет, Савелий Платонович. Она вряд ли даже и задумывалась о подобной возможности. Иллюзии о провинциальных девицах. – Кристина улыбнулась. - Потому-то я и была Груней. Ну как еще отвести от себя подозрения в «приставленности»? Ведь в обществе графини мог быть человек весьма заинтересованный в получении любой ценой свитка де Рэ.

-Ну а как, - Алексей поднял брови и взглянул на Луканова. – Вам вообще удалось получить место у графини?

-По рекомендации одного солидного господина, который сделал это просто так. По личной просьбе одного высокого полицейского чина.

-Но графиня вела достаточно... легкомысленный образ жизни. Ей-то это зачем было нужно? – Небрежно, словно уже зная ответ спросил Луканов.

-Скажем из любви к искусству и из страха одиночества. Антуанетта изначально была обречена. Когда она была бедной, мечтала о богатстве, но, получив богатство, тут же отдала его первому же прохвосту. Есть люди, которые еще и в скорлупе, но уже жертвы. Антуанетта, в общем-то, была неплохой барышней, доброй и не гадливой. Но она, не осознавая этого, ждала, когда ее ограбят или даже убьют. Отсюда и страх одиночества и метания от одного мужчины к другому. Причем она выбирала именно тех, которые значительно старше ее. Не то что в отцы, это еще так, пустяки, но преимущественно они ей уже в дедушки годились. Она просто искала защиту от своих страхов, вместо того чтобы просто жить и наслаждаться свалившимся на нее богатством.

-Это вы, верно, заметили, - Луканов махнул ладонью на Алексея, готового возразить. - Преступники весьма чувствительны к «жертвам». Они их за версту, а то и поболее чуют и нападают именно на тех, кто уже заранее смирился со своей печальной участью.

-Савелий Платонович, а вот здесь, - Кристина встала и, пройдя через всю гостиную к стене, показала, где именно, - прекрасное место для японской акварели с рыбками. А? Как, Алексей, вы поддерживаете меня?

-Всегда. - Четко произнес Сугробин и, немного подумав, добавил. - И везде.

-Спасибо. В таком случае в следующий раз я обязательно захвачу с собой акварель.

Но Луканов едва ли их слышал, он сидел, глубоко задумавшись и повторял про себя единственную фразу «Да, дела, дела. Забытые дела». Вдруг он встал, резко открыл дверь и дал подзатыльника Митьке, еле успевшего отскочить от замочной скважины.

Митька сконфузился, но быстро сделал вид, что он вовсе не сгорает от любопытства.

Глава 42

Без четверти семь вечера Луканов и Сугробин пришли в Сыскное управление. Гудович уже закончил допросы дворника и консьержки и, оставив протоколы на столе пристава, ушел домой.

Еще проходя мимо регистрационной канцелярии, Савелий Платонович распорядился, чтобы в кабинет доставили Ксению Плежер и, садясь за свой стол, бросил:

-Алексей, быстро читаем протоколы допросов. Я читаю Романа Ташланова, ты Ксении Плежер. Затем обменяемся. Да, и еще... Позвони в дактилоскопическую лабораторию, пусть принесут зонтик.

Прошло полчаса, привели консьержку.

-Добрый вечер, Ксения, - улыбнулся Луканов, - проходите, присаживайтесь.

-Но меня ведь сегодня уже допрашивали...

-Мы с вами просто поговорим. Остались некоторые неясности. Ну а вас завтра вас переведут в «Кресты» и нам тогда будет сложно встретиться с вами. Может быть, хотите чаю?

-Нет, спасибо. Но о чем говорить-то?

Постучав, вышел посыльный с зонтиком:

-Куда, ваше превосходительство, прикажите положить?

-А давай-ка его туда, братец. - Луканов кивнул на свободный стул у стола напротив Ксении.

Увидев зонтик, Ксения заметно растерялась.

-Я вижу он вам знаком, - заметил Савелий Платонович и твердо взглянул на смущенную горничную. - Не хотите нам что-нибудь рассказать о нем?

Плежер с широко раскрытыми глазами медленно покачала головой.

-Ксения, - подал голос Алексей, - в сущности, нам от вас нужна только идентификация зонтика. Ведь вы его же узнаете? Кроме того, у нас есть показания горничной, что этот зонтик принадлежал Антуанетт.

Вспыхнув, Плежер глянула на Сугробина через плечо и, зло процедила:

-Этой сучке лучше знать. Видать сама-то его и украла у хозяйки, а на меня валит.

-Успокойтесь, - сощурился Савелий Платонович, - никто ни на кого ничего не валит. Но у этого зонтика, как вам, видимо, известно, не так давно появился новый хозяин. Может быть мы

его спросим? И уточним, откуда он у него? А? В вашем присутствии? – Говоря это, Луканов попросту брал на пушку консервную банку, потому как ни о какой очной ставке с уликушкой от слежки Соколовским не могло быть и речи.

-Я ничего не знаю. Оставьте меня в покое.

Послышался яростный скрип стула. - Вы всегда так немногословны? – Презрительно прошипел Алексей.

-Только с людьми, которые на меня давят, – огрызнулась Ксения. - Щеки ее покрылись пурпурным румянцем. Луканов вздохнул и терпеливо объяснил:

-Помилуйте! Да на вас никто не давит. Все это ваши заблуждения. Вы прямая соучастница убийства с целью ограбления. Вам предъявляется некий предмет, похищенный у жертвы, в данном случае это зонтик, с просьбой рассказать, кому вы его передали. В вашем деле это всего-то мелкий эпизод, который вообще ничего не меняет. Мы с вами даже без протокола разговариваем. И мы даже не спрашиваем, за сколько вы его продали.

-А я не хочу с вами разговоры разговаривать. Мне-то от этого, какой прибыль? Что, вы меня отпустите?

-Отпустить, конечно, не отпустим. В убийцу, точнее в сообщницу и наводчицу, вы сами себя обратили и в вашем случае говорить о прибыли, это знаете ли... Должна же у вас сохраниться хоть капля совести.

-Вы гляньте на себя. – Процедил Алексей. – Поначалу вы подличали и норовили подставить горничную графини, вымыслом о господине с моноклем, нынче, пойманная и избитая, ведете себя как сама невинность.

-Мое дело...

-Досадно. Но в наших возможностях отметить в вашем деле, что вы пытались взвалить свою вину на другого человека. Уверю вас, присяжным это крайне не понравится и тогда вы пойдете напрямик в жаркие суконные объятия. – Сухо сказал Луканов. – Но, а так у вас есть шанс отделаться легким наказанием. Тем более что смысла в вашей погрешке-отвлечалке не было никакого. Мы бы все равно определили бы истину. Да и пожить вы не успели. Соседи спугнули, точнее тот редкий шум, который они учинили на лестничной площадке.

-Ксения, вы знали про старинный свиток барона де Рэ? – Спросил Алексей.

-Его-то мы и искали. Черт, нужно было хватать, что есть, а не искать этот свиток.

-А зачем он вам? – Делано удивился Савелий Платонович. – Что вы затевали с ним делать?

-Как что... Продать. Слух был, что стоит он немаленько.

-Ясно... Ксения, на зонтике выявлены ваши отпечатки. Может вы нам расскажите, как они там появились?

-Какие еще отпечатки?

-Отпечатки ваших пальцев. Ручка костяная и они прекрасно сохранились.

-А тот господин, о котором вы упоминали... Он что? За ручку не хватался? Вы, должно быть, перепутали отпечатки.

-Нет, Ксения, никакой ошибки здесь нет. Господин, взявший у вас зонтик, проявил предусмотрительность, и к ручке вообще не прикасался

-Ему нужно было попросту намекнуть на вас, Ксения. Дать понять нам, что убийство совершено именно вами, а не Груней или еще кем. Вот и все. – Заметил Алексей.

-Ксения, здесь никто не верит в домовых и в прочие чудеса.

-Ладно... В портерной подвалил ко мне какой-то господин. Вроде господин из настоящих... Эстетно расшаркался, дескать, позвольте, мадемуазель, прикурить. Спички, мол, у меня все вышли. А сам на мою грудь пялится, так и мнет ловеласным взглядом. Ну, я ему и говорю, что воспитанные мужчины в упор на женщин смотреть не должны. Что это неприлично. А он рассмеялся и предложил первым делом пива. Ну и заказал. Дорогую, пильзенскую. Я то, как дура, еще пораздумала, что он в любовники набиваться будет. А он пива выпил, стопочку беленькой опрокинул да и расслабился, дескать, как же так, Антуанетту, графинюшку мою убили. Вроде как любил он ее очень и жениться на ней замысливал. И чего он только в ней нашел?

Ну а потом спрашивает, а как бы что-нибудь из личных вещей графини добыть. Мол, на память о ней. А я, когда из квартиры Антуанетт убегали, из передней зонтик прихватила, ну вот я ему его и предложила. Его-то все равно куда-то продавать нужно было, ведь улика же.

-И что?

-Да что! Он шальной так обрадовался, что за него аж целых три рубля дал. Видать и вправду любил эту потаскушку. Целых три рубля за какой-то паршивый зонтик мне вручил!

-Как выглядел этот господин?

-Видный мужчина и обходительный. Сразу видно, что из господ. Одет хорошо, рожа холеная, при деньгах и не суетливый, - в глазах консьержки вспыхнул злобный огонек.

-Рожа значит холеная... Ну а руки что?

-Да он в перчатках был. Так и пиво пил в них.

-Опознать этого господина сможете?

-Да запросто. Чего ж тама...

-А дворник где был в это время? – Спросил Алексей.

-По своим дворничьим обязанностям. Туча тучей, но вроде как смотрел, все ли в порядке перед домом. Тоже мне, делаешь. – Ксения презрительно фыркнула. – Теперь из-за него на каторгу... это за подкоп-то сортира. Убить убил, а чуть шум почуял так враз в бега. Да и я то, дура, чего за ним побежала?

-Ну и что дальше? Взял господин зонтик и ушел?

-Да я предложила ему малость выпить у себя. Дескать, и приятно и в компании посидеть. Чего уж там-то крученому вкручивать, да и мне-то что? Года разминывать что ли? Господин-то при деньгах, да и сам похож на ничего. Фуражка на носу, сидит нога на ногу, веселый, широкий. Манеры барские, как у графа Монте-Кристо. Но он отказался, дескать, с удовольствием, но в другой раз обязательно и заспешил куда-то.

-Стало быть, вы его больше не видели?

-Нет.

-Как он представился?

-Да никак. Да и зачем мне его имя. Что мне замуж за него идти?

-Так вы ничего у него и не спрашивали? Кто он? Где живет?

-А зачем? Что я ужаленная? Мне-то что за дело?

-Ну а если бы вас дворник застукал? Чего было бы?

-Да ничего. Он сам иной раз ко мне господ приводит. Что мы, на весь дом булгачили или от меня убудет чего? Балагурство все это.

-Вы упомянули фуражку, - подал голос Алексей, - так, стало быть, он был в шинели?

-Не-а. В драповом пальто. Фуражка на нем была не казенная с кокардой там или с околышком каким, а так, купеческая, фаерая.

-Ну ладно, Ксения. Я верю вам. Но лишь потому, что очень тщеславен и льщу себя надеждой, что никто не мог бы мне лгать так, чтобы я этого не заметил. Вас сейчас отведут обратно в камеру, но если что-нибудь вспомните, то обязательно дайте знать. Договорились? До свидания.

Плежер проглотила подступившие слезы, выпрямилась, заставляя себя не дрожать. С собой она почти справилась.

Глава 43

-Допрашивать дворника будем? – Спросил Алексей, когда Ксению увели.

-А зачем? Он нас ничуть не интересуется. – Луканов продолжал сидеть, задумчиво хмуря брови. Верхний свет погасили, и горела только лампа на столе, отбрасывая круг неяркого света.

-Дьявольщина! Как же я сразу не сообразил! – Вдруг воскликнул он. - Алексей, как ты думаешь, отчего Соколовскому был нужен весь этот довольно хлопотный маскарадец? Ксения,

портерная, визитная карточка с липовым графским титулом и неровной печатью, кондитерская Мотина и неуклюжая попытка подкупа.

-Трудно сказать. Дешевый трюк и ничего больше. – Хмыкнул Алексей.

-Дешевый, - согласился Луканов. - Однако простой и надежный. Но мне почему-то подумалось, что ему был очень нужен свиток де Рэ. - И спустя некоторое время устало выговорил. - Вот именно... Свиток. Мне кажется, я... сделал неправильные выводы... Давайте-ка глянем, как теперь обстоят наши дела.

-Ты это о чем? – Сугробин устало посмотрел на пристава.

-Соколовский затеял все эту возню по одной причине. Чтобы всучить нам зонтик, с отпечатками истомившийся в девках Плежер. Зонтик! Вот единственная и реальная деталь. Причем не просто зонтик, но зонтик именно принадлежавший Антуанетт и именно с отпечатками пальцев преступника. А почему? Как думаешь?

-Гм... Но в таком случае, очевидно, что он был заинтересован в изобличении убийц.

-Несомненно! Но какая ему от этого выгода? - загадочно произнес пристав.

-Вот тут задача так задача. – Алексей протер очки и попытался сделать вид, что не сгорает от любопытства.

-Тогда восстановим все цепочку обычного сыска. Итак: полиция получает пусть и достаточно странным образом, но явный намек на то, кто истинный убийца графини. Что она делает?

-Берет подозреваемых в оборот и, рано или поздно, изобличает.

-Правильно. Что тогда делает полиция со свитком?

-Изымает его в качестве вещественного доказательства.

-Верно. А иного и быть не может. Ведь для полиции это всего-навсего улика. Но, учитывая уникальность свитка, что должна, точнее обязана сделать со свитком полиция?

-Провести экспертизу и удостовериться в его подлинности.

-Да, но проведение экспертизы предусматривает что?

-В смысле? – Не понял Алексей.

-Ну... Для свитка де Рэ, что именно...

-Химический анализ чернил, пергамента, фотографирование...

-Вот именно! Вот тут мы и допустили оплошность! Причем такую, что стыдно будет признаться.

-Какую оплошность? В чем признаваться?

-Боюсь, что сейчас мне придется неприятно удивить тебя, Алексей. Я даже сомневаюсь, смогу ли я когда-нибудь простить себе этот промах.

-Ничего не понимаю. Савелий Платонович, вы о чем?

-Когда что-то нужно, но этого не достать, то можно нужное получить, пустив туману да погуще. Соколовский устроил такую дымовую завесу, что нам откашливаться придется очень долго. Видишь ли, Алексей, этот лже-граф попросту использовал нас в своей, должен признать, гениальной комбинации. Мы стали для него промежуточной стадией. Скажи, зачем идти на квартирный разбой, если можно обойтись мелкой кражей предмета, который как бы никому и не принадлежит?

-Незачем, - согласился Алексей.

-Правильно. Свиток де Рэ сам по себе никому не нужен, ну разве что любителю раритетов. Но для практических целей вполне довольно его фотографии или...

-Негатива! – Крикнул Алексей. – Я все понял.

-Вот именно – негатива. Список, о котором говорил Соколовский, был так, фикцией, цель его была проще и гораздо реальнее - получить с содействием полиции негатив свитка де Рэ. Ценность которого после помещения его в сейф департамента полиции подскочила в разы. Ведь одно дело попросить его на время или попросту украсть у графини и совершенно другое дело свершить налет на полицейский департамент. Да и зачем? Пусть себе он и пылится в сейфе. Для инициации в магистры сойдет и негатив, с которого любой фотограф сделает сколько угодно

отпечатков. Ты помнишь, как выглядела визитная карточка Соколовского? На ней даже шрифт специально был неровный. Выделалась буква «о». Для чего, спрашивается?

-Чтобы возникли подозрения.

-Вот именно. Они и возникли, как он рассчитывал. Он все продумал, шельмец.

-Необходимо срочно позвонить в лабораторию и забрать негатив в наш сейф.

-Поздно. Уже почти десять вечера. Там давно все закрыто и никого нет, – заметил Луканов.

-Тогда завтра с утра.

-Разумеется, но я уверен, что чудной стеклянной пластинки с негативным изображением свитка в масштабе «один-в-один» уже нет.

-Или с нее сделан отпечаток.

-А вот этого Соколовский делать никак не будет.

Алексей немного подумал, передернул плечами и спросил:

-Отчего ж? Если негатив на месте, то все спокойно. И ему бояться нечего.

-Да ему и так бояться нечего. Но фокус в том, чтобы быть обязательно единственным обладателем фотографии свитка. Он, судя по всему, прекрасно знает, что в полицейском департаменте к негативам отношение плевое. Они вообще никого не интересуют, но по заведенным правилам обязательно хранятся в химической лаборатории, но хранятся абы как. Логика его, по-видимому, была такова – мы, получив фотографию свитка, подшиваем его в уголовное дело, дело передаем судебному следователю и благополучно забываем об этом деле. Ведь оно уже раскрыто, так чего ж о нем переживать? Свиток, полузабытый остается в сейфе. Как говорить – и не выкинешь и не подаришь. Числится то он за Сыскным управлением. Потому и будет храниться, пока не найдется список Радецкого. Вот только после списка и вспомнят о свитке.

Но кто раньше найдет список, это бабушка еще надвое сказала. Если мы или охранка, то Соколовский останется с носом. Если, скажем, частные лица, то тут он вне конкуренции и может назначить любую цену, ведь фотография-то только у него. Не пойдут же эти «частные сыщики» в полицию с просьбой, дескать, дайте нам на время свиток. Мы тут быстренько обтяпаем обрядец посвящения в Великие Гроссмейстеры ордена Мартинистов, да и вернем его вам.

Алексей рассмеялся:

-Это-то да. Это все равно, что явиться и признаться в убийстве Алтуфа и в сообщничестве убийства Разивильского. А там может и еще грехи всплывут. Да и у охранки возникнет столько вопросов, что отвечать на них придется лет пятнадцать с кайлом в мозолистых руках.

-В этом только одно, что радует.

-И что же? – Спросил Алексей.

-Еще одной загадкой стало меньше.

-Но искать-то Соколовского нам все равно придется.

-А зачем? Он, скорее всего, уехал за границу. Но даже если мы его и найдем, то, что мы сможем ему предъявить? Ничего. Так, мелочь, вроде странного приглашения в кондитерскую, которое мы, между прочим, и доказать не сможем. Он просто случайно сел за мой столик, а если мы и разговаривали, то всего только о погоде.

-Значит, мы пришли туда, откуда уходили. Дело Алтуфа и список.

-Вот именно. И более ничего.

-Значит, Савелий Платонович, ты абсолютно уверен, что Соколовский непричастен к убийству Алтуфа?

-Абсолютно. Для тупого убийцы у него чересчур светлая голова. Он, разумеется, может убить случайно, но пойти на убийство сознательно? Никогда! Ему это просто ненужно, он и так своего добьется.

-Он просто чудовище! И попадет под суд не после обеда, так после ужина.

-Давай без эмоций и пустых обид отдадим ему должное – он гений. Вспомни, как этот волк запросто ушел от семерых козлят, оставив им лишь то, что заранее и решил оставить – зонтик. – Савелий Платонович даже не шелохнулся, продолжая смотреть прямо перед собой.

-Итак, моя записная книжка подсказывает, - сказал Алексей, впихивая книжку во внутренний карман, - что мы еще не сделали визита к купцу Каблукову. Правда, я не понимаю, что именно мы там забыли, но тем не менее.

-Завтра к нему. Утром. А теперь пойдем, поздно уже и у меня жутко разболелась голова от вони этой краски. Интересно, она вообще когда-нибудь высохнет?

Туман сгустился и крупными каплями выпадал на оконное стекло ...

Глава 44

Утром, съездив в химическую лабораторию Сысского управления, Сугробин лично убедился, что Луканов был прав – негатив свитка де Рэ бесследно исчез. В половине двенадцатого он приехал к Савелию Платоновичу. Почти сразу же вслед за ним пришла Кристина и принесла, как обещала, дивную японскую акварель с рыбками. Акварель настолько понравилась Алексею, что он, не доверив Митьке, собственноручно вбил гвоздик в стену, чтобы ее повесить. Луканов в акварельной суетне не участвовал, сидел отрешенно и о чем-то напряженно размышлял.

Еще не пришедший в себя от радости попугай, весело вертелся на своей жердочке и выкрикивал ругательства, какие обычно произносятся в компании пьяной и непристойной. Все же, вероятно помня о вестиб-люйных сквозняках, кричал он довольно-таки тихо и с длительными интервалами.

Обсудив акварель и поведение реабилитированного попугая, Алексей рассказал Кристине о пропаже негатива свитка де Рэ. Кристина слушала молча, не перебивая.

-Что ж... - Сказала она, глоточками попивая жасминовый чай. – Теперь все внимание на список. В конечном счете, выиграет тот, кто первый найдет его. Так что, господа, у нас есть верный шанс оставить Соколовского ни с чем.

-Сегодня уже десятый день, как мы возимся с делом Алтуфа. – Проворчал Луканов. - Это дело мне уже снится. Пора с ним заканчивать.

-Пора. – Согласился Алексей. – И у нас намечен визит к купцу Каблукову.

-Кстати, чуть не забыла, я ведь принесла газеты. Кто будет их просматривать?

Алексей скривился как от зубной боли:

-У меня ныне не библиотечный день.

-Хорошо. Давайте решим так – вы идете к Каблукову, а я, с вашего, Савелий Платонович, позволения, останусь и просмотрю газеты.

-Отлично. – Луканов встал. – Ну что, господин Сугробин, пойдем на Кирочную?

-Разумеется.

Брать извозчика сыщики не стали. Кирочная от дома Луканова всего в пятнадцати минутах неспешного променада.

-Савелий Платонович, - нарушил молчание Алексей, - каково твое мнение о Кристине?

-Самое что ни на есть положительное. Редкостная женщина и вполне способная разнести в пух и прах мое сложившееся мнение о женщинах вообще.

-Жаль только, что она служит в «охранке»...

-Она вовсе и не служит в ней. Я сегодня до твоего прихода навел кое-какие справки у прокурора Зенона. Наша Кристина оказывается еще сложнее, чем на это показалось.

-Вот как? И что же он рассказал о ней?

-Кристина Юрьевна Беляева, девица двадцати четырех лет, единственная дочь генерал-майора от инфантерии графа Беляева, закончила Смольный институт... Ну что тебе еще? Думается вполне достаточно.

-Но «охранка»! Графиня, дочь генерала, смолянка и агент «охранки»?

-Она совсем не агент. Это у нее попросту особая страсть к приключениям. Жалование она от «охранного» отделения не получает и вольна в любой момент выйти из игры. Что, как мне видится, она уже и сделала. Покинув нашего шерами Силина и перейдя к нам... просматривать газетки. И если хочешь знать мое мнение, то изволь, сделала она это по причине увлечения тобой.

-Вы думаете, что Кристина заметила меня?

-Тут и думать нечего. Да собственно вы оба хороши. Но смотри, Алексей, не обожгись. Кристина натура увлекающаяся, сегодня любит, завтра уже не любит. Как знать? Но я рад за тебя. С такой женщиной как Кристина даже дружить приятно. Она умна, мила и образованна.

-Но меня настораживает, что она неліцеприятно отзывалась о Антуанетт. Меня это немного покорибило.

-Алексей, запомни раз и навсегда. То, что говорит одна женщина о другой не стоит никакого внимания. Всякая женщина в глубине души ненавидит всю женскую породу. Так уж оно есть, потому и не пытайся переделать женщину: выйдет себе дороже. И вообще, либо принимай ее такую как она есть, либо отправляйся на поиски другой, но учитывай, что поиски будут тщетными - *déjà éprouvé*.

-А что это за «*déjà éprouvé*»?

-Если принять за истину, что любовь это болезнь, то вполне разумно применить психиатрический термин «*déjà éprouvé*», означающий, что больной столь страстно что-то вождделел, что теперь ему мнится что это «что-то» он уже на самом деле имеет. Иными словами – не обольщайся и не впадай в любовный экстаз. Женщинам весьма быстро надоедают мечтатели и романтики, они мыслят конкретно. Кристина не из тех, кто будет проклинать мужскую породу, склеивая разбитое девичье сердечко. Она просто умна. Кроме того, есть люди, любить которых важнее, чем их знать. И пока все об этом, мы пришли.

Сыщики остановились у крыльца. Три мраморные ступеньки вели вверх к дубовой двери. Вывеска, начертанная золотыми буквами на шершавом матовом стекле, гласит: «Хранение продуктов холодом. Заморозка ягод, грибов. Т-во Каблукова». Перед дверью мокрое место, как будто из двери выплеснули ведро воды.

-Звони.

Алексей надавил кнопку звонка и только тут вспомнил, что они так и не условились, за кого себя будут выдавать Каблукову. Говорить же что они из полиции было крайне нежелательно. Он повернулся к Луканову, но спросить не успел – дверь открылась.

Дверь открыл старик в вязаной безрукавке, с масляным личиком:

-Чего надодь-то?

Но сразу же раздался довольно слащавый голос:

-Входите, господа, будьте любезны.

Сыщики вошли в вестибюль. Пахнуло свежестью зимнего утра.

-Чему обязаны? – Спросил молодой человек невзрачного вида, чистенький, бритый, но волосы его зализаны как у приказчика магазина дамского конфекциона. Старик, что открыл дверь, помаргивая бесцветными ресницами и шаркая валенками в кожаных калошах, скрылся в боковой двери.

-Добрый день, - внушительно произнес Луканов, - нам необходимо переговорить с господином Каблуковым.

-Мы с удовольствием готовы выслушать вас. Вы по какому вопросу?

-По юридическому.

-Обратитесь, пожалуйста, в юридическую контору «Мозин со товарищи». Они ведут все наши юридические вопросы. Адрес вам известен? – По лицу молодого человека скользнула презрительная усмешка.

-Нет. – Луканов сделал успокоительный жест. - Но нам он и не нужен. Позвольте представиться. Я – старший поверенный Петербургской коллегии адвокатов, Мищенко Аркадий Геннадьевич, а это мой помощник господин Анташев. Мы по поводу жалобы госпожи Брянской, владелица дома и двора что расположены напротив вашего предприятия со стороны двора. Если господин Каблуков не намерен принять нас сейчас же, то сообщите ему, что следующая наша встреча состоится в суде.

Лицо молодого человека пугливо и как-то угодливо вытянулось, но глаза его смотрели настороженно. Указав на стулья у стены, он льстиво произнес:

-Обождите здесь, господа, я тотчас же узнаю, сможет ли вас принять Семен Парфенович.
Ждать пришлось минут пять.

-Прошу вас, господин Мищенко.

Сыщики в сопровождении молодого человека прошли тесным, затхлым коридором в кабинет Каблукова.

Семен Парфенович стоит в дверях и широко, гостеприимно улыбается. Он в черном сюртуке, невысокого роста, плотный, с равнодушным лицом и холодными серыми глазами. Широкие щеки его обтекают квадратную челюсть и складками спадают на воротник белоснежной сорочки. Блестят очки в золотой оправе.

-Прошу вас. Проходите. Усаживайтесь.

-Спасибо. – Небрежно бросил Луканов и осмотрелся.

Просторная комната с высокими потолками. Стены обшиты панелями темного ясеня. Широкий дубовый письменный стол производит благородное впечатление антиквариата. Напротив, у стены кожаный диван и два глубоких кресла, между ними лакированный столик. У окна еще два кресла: на одном из них валяется шелковый котелок и перчатки, на другом темно-коричневой телячьей кожи скоросшиватель.

-Мой секретарь упомянул о какой-то жалобе. Вы не могли бы разъяснить мне более подробно.

-Разумеется. Мы собственно за этим и пришли. Ведь согласитесь, всякое дело можно разрешить и без судебного разбирательства.

-Конечно-конечно. Я с вами э... Простите, как вас по имени-отчеству?

-Аркадий Геннадьевич.

-Аркадий Геннадьевич, я с вами полностью согласен. Прошу вас, господа, курите. – Каблуков, открыв коробку, протянул ее Луканову, а затем Сугробину.

Прикурив, Луканов продолжил:

-Прежде всего, нам хотелось бы уточнить, как вам удалось открыть склад с холодильной установкой в этом доме?

-Я не понимаю вас. Что вы имеете в виду?

-Дело в том, что согласно решению Медицинского совета запрещается размещать предприятия в жилых и густо заселенных районах. Ваше предприятие, Семен Парфенович, несомненно, весьма нужное. Однако, учредив в этом доме хранение и заморозку продуктов вы грубо нарушаете постановление Медицинского совета.

-Скверное дело! Но, простите, как... каким же образом я его нарушаю?

-Да очень даже простым. Вот если бы, скажем, ваше предприятие находилось бы на Лиговке, вот тогда к вам не было бы никаких претензий.

-А какие претензии ко мне сейчас?

-Шум от охлаждающих и компрессорных машин, слив воды на не принадлежащий вам двор. Грохот от ломовых извозчиков, крики и ругань грузчиков. Думаю, что пока достаточно.

-М-да... Вы описали в высшей степени мрачную картину. Вопрос лишь в том, господа, насколько она соответствует действительности. Ломовые извозчики въезжают в боковой двор, принадлежащий мне. Верно, заезжают они туда сквозь арку соседнего дома, но у меня договоренность с владельцем. Оформленная по всем правилам. Там же, во дворе и грузчики. У меня там дебаркадер устроен для погрузки-выгрузки. С улицы невидно и неслышно. Кстати, неплохо б кофейку выпить, да и по рюмке коньяку. А? Как господа?

-Иначе говоря, вы отрицаете все обвинения, которые я только что перечислил. – Савелий Платонович пропустил предложение мимо ушей и сделал вид что встает. – В таком случае мы вынуждены констатировать, что наша встреча окончилась безрезультатно. Весьма жаль. Весьма.

-Что вы, уважаемый Аркадий Геннадьевич! Бог с вами! И в мыслях не было! Я лишь осмелился отметить, что некоторые пункты, несомненно, законных претензий, сильно м-м... преувеличены.

-Неужели? Впрочем, мы готовы снять некоторые и ограничиться лишь сливом воды во двор, принадлежащий нашей клиентки госпоже Брянской.

-Хорошо. Я вам чрезвычайно благодарен, Аркадий Геннадьевич. Но о каком сливе идет речь? Я готов тотчас же вместе с вами удостовериться, что это недоразумение.

-Ваши неприятности, господин Каблуков, возможно серьезнее, чем вы думаете. Но давайте посмотрим. Если окажется, что госпожа Брянская, скажем, несколько преувеличивает свои претензии, мы откажемся вести ее дело. Думаю, что начать можно с последнего, пятого этажа.

-Прошу вас, господа. Я сам лично проведу вас по всему зданию. На пятом у нас низкотемпературная установка.

-Это как следует понимать? – Спросил Сугробин.

-Мы приготавливаем коммерческий лед в брикетах для мороженщиков, мелких мясных и рыбных лавок.

-Понятно. Но как лед доставляется вниз. Брикет видимо тяжелые?

-У нас проведены специальные трубы. Брикет спускается по ним своим ходом, трубы имеют различные наклоны и повороты, и потому скорость брикетов небольшая. Это чтобы они не раскалывались. Устройство, по типу чикагских боен. Там живой скот загоняется на последний этаж своим ходом, а вниз спускается под силой тяжести в виде туш, колбас и субпродуктов. Удобно и весьма экономно.

-То есть брикеты попросту скидываются вниз по специальной трубе? – Сказал Луканов.

-Вот именно.

-Разумно. Ну а на остальных этажах, что у вас?

-На первом канцелярии и ледники. На втором склад. На третьем и четвертом холодильные камеры для хранения мяса, рыбы, ягод, в общем, всего, что потребуется.

Сыщики походили по дощатому настилу сквозной галереи пятого этажа, поглазели в окна на двор госпожи Брянской, в котором был найден Алтуф и на уже запылившиеся окна его квартиры. Луканов заинтересованно скользнул взглядом по окнам доктора.

Где-то монотонно и тихо гудит электрический мотор. Легкий аммиачный запах. Кафельные стены, высокие сводчатые потолки без следов протечек. Ничего примечательного. Слева окна, справа двери морозильных камер. Внимание привлек лишь одинокий рельс, проложенный в полутора саженях от пола.

-А это что? – Не выдержав, спросил Алексей.

-Монорельс. По нему гоняют платформу с брикетом льда от морозильных камер до спуска наклонной трубы.

-У вас все предусмотрено. Брикет-то, поди, тяжелые.

Каблуков сложил губы бантиком, поднял брови и склонил голову набок:

-От одного до трех пудов каждый будет.

В центре галереи монорельс имеет ответвление прямо в окно.

-Странно. А это для чего? – Поинтересовался Луканов.

-Видите ли. У меня был план арендовать двор Бряцовой и сделать спуск льда прямо на подводы. Когда происходит разгрузка товаров с нижних этажей, то труба забита говяжьими и свиными тушами, или рыбными паками, а погрузку ледяных брикетов приходится на время откладывать. Это очень неудобно и клиенты недовольны.

-Но как же... Этот ваш монорельс не доходит даже до окна.

-Так удлинить его минутное дело. Вон, видите? Красная большая кнопка. Если ее нажать, то выдвинется удлиняющая балка с лебедкой на конце. Там все рассчитано. Монорельс уже с лебедкой в аккурат на два с половиной аршина и будет нависать над двором.

-И как давно вы этим пользовались? – Луканов подошел почти вплотную к монорельсу и с большим любопытством осмотрел червячный вал механизма выдвижения балки. От его цепкого взгляда не ускользнуло, что смазка вала совсем недавно потревожена.

-Пока ни разу.

-Что же? Вот так вот смонтировали и все? А вдруг не работает?

-Нет, конечно, когда установили, один раз опробовали. Без нагрузки, разумеется.

-Когда это было? Вернее, когда вы опробовали механизм?

-Весной, в апреле. Число не помню. Но можно уточнить в канцелярии.

-Не стоит... Так за чем дело стало? С арендой-то?

-Ну, некоторые финансовые трудности. Госпожа Брянская запросила за аренду просто-таки непомерную цену. Сказала что, дескать, она покрыла свой двор асфальтом и потому сдавать его за так, не намерена. Пришлось пока отложить эту затею. – И Каблуков презрительно прошипел. - Верно, и сейчас ее жалоба связана с моим отказом арендовать двор по ее цене.

-И кто тут у вас следит за машинами. Нам бы переговорить с ним. – Спросил Луканов.

-А его сегодня нету. Он через день работает и будет завтра. Нынче ведь отгрузки брикетов нет, так что же ему тут делать? Сейчас вообще для льда не сезон наступает. Дело-то к зиме.

-А как его зовут?

-Павел Мартынов.

-Давно он у вас служит?

-Полтора месяцев. Мне его рекомендовали. Человек он серьезный, самостоятельный и сливать воду от испарителей во двор не будет.

-Он, по вашему мнению, может подстроить козни?

Каблуков аж глаза вытаращил от удивления, а затем красноречиво ткнул указательным пальцем в сторону труб, проложенных по низу внутренней стены:

-Да это, господа, как вы можете убедиться сами, технически невозможно. Да и зачем? Талая вода по трубам сама в канализацию уходит. Брянская попросту перемудрила со своей поспешной жалобой.

-Да. Вы, по-видимому, правы. Во всяком случае, я теперь чувствую себя значительно менее уверенно: ваше предприятие солидное и благоустроенное.

-Скажите, а посторонний может проникнуть сюда? – Флегматично спросил Алексей.

-Нет. Это решительно невозможно. – Немного помолчав, Каблуков драматическим шепотом добавил. - Все здание под круглосуточный охраной.

Через два часа сыщики, уверив Каблукова в полной убежденности в несостоятельности жалобы госпожи Брянской, вышли на улицу.

Глава 45

Едва Луканов и Сугробин вошли, как в вестиб-люй влетела Кристина:

-Господа! Наш проповедник ныне читает лекцию на Николаевской в зале, принадлежащем иновещерской церкви Николая Чудотворца. Начало через полчаса.

-Вот как... - Несколько растерялся пристав.

-Нужно идти, Савелий Платонович. Тут совсем рядом, как раз к началу и поспеем.

-Да-да... Разумеется.

-Я с вами, - твердо заявила Кристина.

-А он вас не узнает? Впрочем, что с того? – Луканов скептически взглянул на Кристину. – Но верно вам собираться необходимо не менее тридцати минут?

-Отнюдь. – Беляева накинута пальто и аккуратно одела шапочку. - Я готова, господа.

Алексею она показалась еще легантнее, чем утром...

Спустя двадцать минут они шли по мраморному, наборному полу мимо мерцающих свечей. Зал заполнен почти полностью, преимущественно восторженными девицами и дамами «которым не везет в жизни».

Сыщики сели в третий ряд, рядом с центральным проходом. Подходить к иконостасу, сооруженному у маленькой сцены, и преклонять колени, как это делали все приходящие, прежде чем сесть в зале, они, разумеется, сочли лишним.

-Ну, как вам, господа, - прошептала Кристина. – Мне нравится. Свечечки горят. Иконки золотом отсвечивают...

-Ага... Ладаном пахнет, - в тон продолжил Алексей, - а вон и одуревший от фантазий на тему собственной значимости лектор-распорядитель явился.

Сугробин кивнул на господина среднего роста, что вышел из боковой двери и теперь, поглаживая свою мушкетерскую бородку, пристально осматривал зал. Большинство из присутствующих обращались с ним очень почтительно и приветствовали его поклоном. Однако лицо Ухтомского - а то, что это был именно он, у сыщиков не возникло никакого сомнения - сохраняло выражение невозмутимого равнодушия и какой-то еле уловимой благодати. Во внешнем облике чувствовалась церковная школа, потому он и вел себя как деревенский батюшка - в меру фамильярно, в меру благодно.

-Т-с-с... - Луканов, сидя в середине, сжал ладони Алексея и Кристины. - Ну, никакого благочестия. Вот сейчас возьмут и выставят нас за дверь. Тогда под дождем будем ждать окончания проповеди, чтобы только поговорить с Ухтомским.

Сидящая сзади дама средних лет наставительно поправила:

-Господа... Господа, следует говорить «отец Родион».

-Благодарю вас, - Луканов повернулся к даме. - Вы простите моих спутников. Они люди молодые... Сами понимаете. Но просветите нас, пожалуйста, по поводу отца Родиона.

-Да вы что не знаете? - Возмущенно прошипела дама. - Он же Просвещенный! Новый бог! Вы обязательно подойдите к нему за благословением. А у вас, мадемуазель, верно жизнь не складывается... И не спорьте со мной, я вижу, что не складывается. Просто вижу. Вам надобно свечку поставить у иконостаса. Идите сейчас же и поставьте. Свечки матушка Марфа у входа продает. Можете взять образок Чудотворный, а после освятить его у отца Родиона.

Кристина резко повела плечами, как обычно отгоняют назойливую муху, и осталась на месте.

-Ох, молодежь! - Горемычно вздохнула дама. - А вот у вас, - обратилась она к Сугробину, - верно...

Но закончить она не успела. Где-то наверху запел стихирь разноголосый хор. Пел он недолго и, дойдя до верхнего «си» резко умолкнул. К иконостасу подошел господин в черной тройке и хорошо поставленным голосом прочел, судя по всему, стих из псалтыря и напомнил, что общинная копилка для пожертвований, находится слева от входной двери. Перекрестившись на все четыре стороны, он низко поклонился отцу Родиону и скрылся за дверью.

На сцену легко вспрыгнул Ухтомский. Зал оживленно зашелестел. Ухтомский поднял правую руку и поводил ею, очевидно творя крестное знамение или благословляя всех присутствующих. Кое-кто зааплодировал. С заднего ряда послышался всхлип, дама сзади сыщиков забунила молитвы.

-Основная роль нашей религии в современном обществе в том, - начал Ухтомский, то, повышая то, понижая голос, - чтобы учить искусству жизни, учить, вместо того, чтобы обожествлять какое-нибудь изображение, как это делают еретики... Наша Гностическая церковь единственная, которая служит истинному богу Эону Иисусу! Богу всех живущих! Так воздадим славу Эону Иисусу!!!

Зал разразился криками - «Слава!!!». Многие встали, у кого-то потекли слезы. Но почти все иступленно и как-то обречено кричали «Слава!!!».

Ухтомский поднял руки. Дождавшись тишины, он продолжил:

-Наш святой великомученик Стефан Орлеанский, преданный огню в 1022 году католическими еретиками за служение богу, покровительствует нам. Именно сегодня я, идя на встречу с вами, братья и сестры, снискал благодатную весть от него. Вот истинные слова нашего спасителя-параклета - «Читайте и изучайте четвертое Евангелие, Евангелие от Иоанна». Так воздадим славу Стефану Орлеанскому за его любовь к нам и его заботу о нас.

Снова все повторилось с иступленными криками «Слава!!!». Казалось, что в зале собрались не взрослые, но дети, что взбунтовались против жестокости старших и со всей присущей им непосредственностью требовали от Эона Иисуса лучшей жизни для себя. Зыбко замерцала под потолком зала благодать.

Отец Родион вошел в раж и почти полностью потерял контроль над собой и понес непроходимую окоlesiцу.

-Еще великий Парменид утверждал «легкость - позитивна, тяжесть – негативна». Мы же предлагаем вам и вашим близким вечность! Полюби в себе истинного бога Эона Иисуса! Воздай ему хвалу! Воздай ему славу!! Стратотерпие!!!

-Что это за бог такой, - прошептал Алексей, - который нуждается в хвале и славе?

-Да не удивляйся, - перегнувшись через Луканова, - тихо сказала Кристина, - все боги убогие потому и нуждаются в прославлениях.

-Т-с-с... - Прошипел Савелий Платонович, - а мне так очень нравится. Я, пожалуй, после лекции пойду за благословением отца Родиона.

Алексей прыснул:

-Освятить наручники для сего отца?

-Господа! – Возмутился господин в черном фраке, важного и благородного вида, что сидит слева. – Прекратите немедленно! Как вы можете?! В храме святого Эона Иисуса!!

Меж тем отец Родион, трагически вибрируя голосом, заливался:

-...местом в Библии. Откройте евангелие от Иоанна на главе десятой и прочтите стих восьмой - «Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники». Наша главная задача - найти бога в себе, развивать любовь к нему, превратить все личное и социальное в инструмент его. Отринь богатство! Отринь суетное! Стань истинным!

Известно, что ухудшение настроения прямо пропорционально повышению температуры тела и зал, судя по всему, накалился уже до критической температуры взорвавшись овациями. Кто-то упал в экстатический обморок, за ним еще один и их, неуклюже ударяя о скамьи и косяки, понесли к выходу.

Отец Родион сквозь шум продолжил свои заклинания:

-...и бог говорит нам, что в Судный день оживлять истинно верующего - одно удовольствие. Господи! Пред тобою все желания мои, и воздыхание мое не сокрыто от тебя. Сердце мое трепещет. Оставила меня сила моя, и свет очей моих!.. Лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом и томлением духа!

-Все, - твердо заявил Луканов, - допекло слушать эту тарабарщину торговца верой. Вы как хотите, а я на воздух. Гм... С голубиной кротостью и христианским смирением.

Пригнувшись, под укориженными взглядами неофитов, сыщики пошли к выходу.

Вдогонку грозно, отдаваясь эхом, оглашалось:

-Доколе вы будете налегать на человека? Вы будете низринуты, все вы, как наклонившаяся стена, как ограда пошатнувшаяся...

-Уф-ф... - Перевела дух Кристина. – Ну как вам, господа, сия лекция?

-М-да. – Пробурчал Алексей. – Не проповедь, а труха, но бабы остались.

-Алексей, - укориженно произнес Луканов, - что за выражение – «бабы»? Кстати, там и господа присутствуют.

Дождавшись окончания лекции и когда последний неофит покинул импровизированную церковь бога Эона Иисуса, сыщики вошли в зал.

-В чем дело? Вы что-то потеряли? – Сердито окрикнул их Ухтомский. – Па-а-прашу оставить помещение... - И замахал руками, словно собираясь что-то кинуть.

-Но непосильным оказалось сие бремя! – Невозмутимо спародировал проповедника-лектора Луканов. – И не приняла душа аскетического отторжения. Однако, великолепная, должен признать, работа. И как? Прибыльная? Кстати мы из Сысского управления.

-Простите, господа! - лицо Ухтомского страдальчески сморщилось, и он, казалось, готов был вот-вот разрыдаться. - Я об этом не подумал совершенно... Но я не хотел причинять вам никаких неприятностей. Я просто подумал, что...

-Неприятностей? – Удивился Савелий Платонович и внимательно осмотрел «отца Родиона» с ног до головы. – Это, сударь, у вас неприятности, а у нас одна рутина. Присядьте, любезный. У нас есть несколько вопросов к вам.

Ухтомский мгновенно стал любезен, даже чересчур, любезнее, чем это уместно при обычном разговоре. Однако разговор с ним занял всего полчаса. В общем-то, Луканову и так было ясно, что сей «батюшка» никак непричастен к убийству Антуанетты. Ну не может же слизняк обидеть орла. Огромный сыщицкий опыт говорил, что все проповедники, велеречивые и солидно-вальяжные прилюдно, весьма малодушные в обычной обстановке. Все же Луканова так и подмывало отправить Ухтомского в камеру, для остратки. Отрядив Алексея за околоточным, он составил протокол о нарушении Ухтомским порядка проведения добровольных собраний, что влекло для Ухтомского административную высылку из Петербурга.

Пугливо озираясь, «отец Родион» робко протестовал, чем ни мало развеселил городского, держащего его без всякого пиетета за шкирку.

-Что, сгинула улада неспешности? – Добродушно басил городской. – Ничего, у нас в кутузке грешники томятся... Для вас, любезнейший, в самый раз будут. Может и обратите кого на путь истинный.

Движения Ухтомского стали резкими и беспорядочными. Бряцая целлулоидовыми манжетами, он тяжело вздыхал, всем видом своим показывая, что грешная камерная братия ему не по душе.

-Что с вами, сударь. – Поинтересовался Алексей. – Вы же сами только что утверждали, что в этом мире все наперед прощено. Стало быть, все бесстыжее и дозволено. Смиритесь и скажите сами себе утешные слова.

-Боже мой, - сокрушался Ухтомский, - горесть как снег на голову!

-Сошло ледяной лавиной. – Эхом отозвался Сугробин.

Луканов ухмыльнулся, но тут же посерьезнел и глубоко задумался – «Ледяная лавина», пробормотал он и вдруг ему вспомнился червячный вал, идущий от электродвигателя в механизме удлинителя монорельса. Весь вечер он таинственно молчал.

Выпавший накануне снег успел растаять и вновь моросил дождь... Тридцатое ноября, последний день осени, под шелест промозглого ветра тихо уходил в девятнадцатый век. Следующий ноябрь уже будет в веке двадцатом...

Глава 46

Второго декабря Луканов проснулся поздно. Накануне выдался тяжелый день: производились аресты и допросы по делу Алтуфа. Войдя в гостиную, он обнаружил смирно сидящих Алексея и Кристину.

-Доброе утро, Савелий Платонович, - кротко произнесла Кристина.

Алексей, с красными от недосыпа глазами, кивнул.

-Ну, а вы что? – Проворчал пристав. – Вчера же весь день на ногах. Потом допросы... Чего не спиться-то?

-А мы выпались. – Сказал Алексей и, получив легкий толчок локтем в бок, спохватился и густо покраснел. – Ну... Я в смысле...

-Вот и прекрасно. Митька, кофе и, черт с тобой, если есть блинчики, то давай и их.

В прихожей раздался звонок.

Митька стряхнул довольную улыбку и по обыкновению угрюмо пошел открывать. Попугай перестал ерзать по жердочке и, наклонив голову, прислушался.

Пришел радостно-возбужденный Зенон. Еще с порога он, широко раскрыв объятия радостно закричал:

-Ну, Савелий Платонович!.. Ну, сукин кот!.. Такое дело раскрыть! Невероятно! Я только что из Царского села. Сам государь император меня принял и выразил свое убогаторение.

-Остынь, Андрей Устинович. Что кричать? Говоришь «убогаторение»? Гм... И на том спасибо. Большого-то от Николая и ждать-то не приходится.

-Вся прокуратора ульем гудит. Генерал-губернатор...

-Все ясно. Спасибо, господин прокурор. Вы пришли вовремя и Митька сейчас подаст кофе.

-Да, в самом деле, Савелий Платонович? – Спросил Алексей. – Ведь даже я, будучи все время возле тебя, так и не понял, как ты это дело раскрыл. Вчерашние аресты все в точку. Ни одного промашки. И даже список Радецкого целехонький!

-Ваше превосходительство, - капризно попросила Кристина, - ну расскажите, пожа-а-алуйста.

-Так прочтите протоколы допросов. Там все изложено.

-Это-то понятно. Но услышать от тебя весь ход расследования... - Зенон закурил и бросил спичку мимо пепельницы.

-Ну что ж... В самом начале наших поисков мы не знали точно, ни в чем они должны были состоять, ни в каком направлении их вести. У нас не было ни версии, ни гипотезы, нам нечего было доказывать, мы, я и Алексей просто хотели разгадать любопытную загадку.

-В том-то и дело, черт возьми! - воскликнул прокурор. - Вся сложность именно в том, что вначале было голое место!

-Гениальным мыслителем меня, конечно, не назовешь. – Продолжил Луканов. - Если я успешно справляюсь со своей работой, то это в первую очередь благодаря терпению и выносливости. И отчасти - везению. После твоего неизгладимого визита, господин Зенон, когда ты настаивал на забвении дела Алтуфа...

-Каюсь... Но то меня оправдывает, что я исходил из лучшего побуждения...

Луканов махнул на Зенона рукой:

-Ладно. Чего уж там... Ну так вот. После твоего визита я под видом мастерового отправился в дом Алтуфа и довольно плодотворно поговорил с дворником Василием Ивановичем. Он сообщил, что под квартирой Алтуфа второй месяц живет доктор, который за значительную переплату договорился с домовладелицей о съеме второй квартиры в этом же доме, но только обязательно над ним.

Согласитесь, это довольно странное желание. Если бы речь шла о соседней квартире, это было бы понятно – доктору тесно в одной квартире со своей семьей или он желает открыть практику и принимать больных. Но доктор холост, и приема больных на дому не производит. Это первое что меня заинтриговало.

Второе, это уже ты, Алексей. Если помнишь, ты пришел со сведениями от Сакердона О Гапоне и Разивильском и, мимоходом, сообщил о найденной в кармане Алтуфа визитнице и портмоне с довольно немало суммой в двести сорок рублей.

Но Сакердон всего лишь судебный следователь и он не мог знать об этом. Во всяком случае, узнать так быстро. Следовательно, Сакердон сам проявляет интерес к этому делу. Интерес довольно странный если не сказать - подозрительный.

Кстати, Алексей, вот ответ на тот вопрос, которым ты задавался, когда мы расследовали еще дело Радецкого. Помнишь?

-M-M...

-Ты спрашивал, отчего Сакердон так навязчиво преследовал Радецкого. Так вот, ему нужен был список, что был у адвоката-вымогателя. Он еще тогда знал о нем.

-Но откуда у Разивильского вдруг появился список? – Спросила Кристина.

-Немного предыстории... Когда Сакердон умчался из квартиры Радецкого, оставив нас в жутком расстройстве. То он и вправду отнес его господину Силину. Сгоряча. После, опомнившись, он выкрал вторую часть бумаг Радецкого. То есть, которая и известна нам ныне как «список Радецкого». Силин на тот момент не знал о ценности именно второй части и преспокойно отбыл в свою «охранку». Но через пару недель пропажа вскрылась. Сакердон же изображал святую невинность, дескать, список взял – список сдал. Формально придаться к нему нельзя было, как не было и полной уверенности, что список присвоил именно он.

Но Сакердон вовсе не собирался становиться Великим гроссмейстером мартинистов и ему был нужен верный человек, который сможет помочь ему продать этот список.

Разивильский, на взгляд Сакердона, был именно такой человек. Он знал, что этого недоучившегося попа питерская «охранка» по доносу Гапона вычеркнула из своих списков. Следовательно, он уже не агент «охранки», но «засвеченный» и его прошлым сотрудничеством с «охранкой» можно при случае поприжать. Говоря иначе, немного пошантажировать.

Одного не учел Сакердон, того, что Разивильский решит самостоятельно продать список, и делиться ни с кем не пожелает. Вот тут появился некий Фрикур он же Павел Мартынов, он же... Впрочем, чтобы не путаться ограничимся этими двумя именами.

Мартынов был многим обязан Сакердону, который десять лет назад спас его от каторги. К тому же дело, предложенное Сакердоном, виделось сверхприбыльным и он тут же согласился участвовать в нем.

Итак, задачей Сакердона было поиск прикрытия, а Мартынова – поиск исполнителя. Цель всего предприятия - убийство Разивильского и изъятие у него списка. Похищать или еще каким то образом изымать у Разивильского список было полдела. Сам Разивильский теперь превратился в опасного свидетеля и его просто необходимо было убрать раз и насовсем.

-Но почему сразу убивать. – Удивилась Кристина. – А если бы на Моховой у этого Разивильского не случилось бы с собой списка? Что тогда?

-Да ничего. Разивильский был опасен сам по себе. Потому-то Сакердон и был вынужден пойти ва-банк. Либо пан, либо пропал.

Но здесь у сообщников вышла вторая промашка. Они, точнее Фрикур велел Алтуфу скинуть тело Разивильского в Обводный, но вот если бы он скинул тело в Неву, то мы его никогда бы не нашли. Труп попросту унесло бы в Финский залив.

Способ убийства Алтуфа, Сакердон хорошо обдумал. Но для исполнения его замысла необходимы были некоторые условия. Ему повезло, и он довольно быстро обнаружил дом на Фурштадской. После снял под видом доктора свободную квартиру и через некоторое время, предложив хозяйке двойную цену, снял квартиру над собой, в которую и вселился ничего неподозревающий Алтуф.

-Но это вероятно все достаточно сложно. – Засомневался Зенон.

-Отнюдь. На съемы квартир и подготовку дела ушло всего три дня. Но вот посылать Алтуфа с ходу после вселения было в самом деле опасно. Сообщники решили понаблюдать за ним с неделю и только после этого натравить на Разивильского.

Ксения нам уже рассказала некоторые подробности убийства Разивильского. Как действовал Алтуф в общем-то понятно, он попросту всыпал в бокал Разивильского цианистый водород, после забрал портмоне и маленький чехольчик со списком и, отвезя тело на Обводный, скинул труп Разивильского в воду.

Но у Алтуфа разыгралась алчность, и он решил, скажем так, немного поворошить Мартынова-Фрикура и выманить у него побольше денег. Но убийство самого Алтуфа уже было спланировано. И спланировано столь блестяще, что любые желания самой жертвы не имели никакого значения.

-Как это? – Удивился Зенон. – А если он не пришел бы на встречу.

-Алтуф обязательно пришел бы на встречу, чтобы забрать 50.000 рублей и заявить о своем разросшемся аппетите. Он просто-таки обречен был прийти на встречу. Необходимо напомнить о стремительном взлете Алтуфа из барака и нищенского прозябания до барской жизни. Но, все по порядку. Утром после убийства Разивильского Мартынов-Фрикур позвонил Алтуфу и сообщил, чтобы тот вышел во двор, а в центре двора на уровне головы, якобы находится некий тайник, в котором лежат деньги и в который нужно положить кожаный чехольчик. Так вот, Алтуф, будучи абсолютно уверенный, что деньги уже в этом тайнике, и сомневаясь, что сможет встретиться с Фрикуром еще раз и тот просто скроется, сразу же выставил свое условие – деньги он забирает, а чехольчик с собой брать не будет и передаст его только после того как ему заплатят еще 100.000 рублей. Фрикур был заранее готов к такому повороту и, для вида появившись, согласился.

Алтуф вышел во двор, где и был убит, а его квартиру быстро обшарил доктор, живущий этажом ниже, то есть Сакердон. Конечно, Сакердон не сразу нашел список. Днем помешала

полиция и даже прибывшая «охранка», которая, вероятно, уже успела напасть на след списка. Но след был вялый и не очень убедительный потому-то «охранка» и не вцепилась в дело Алтуфа.

Мы, я и Алексей тайно осматривали квартиру Алтуфа, еще тогда у нас появились некоторые сомнения: кто-то пользовался электричеством в квартире. Смотря из квартиры Алтуфа во двор я случайно увидел отражение в зеркальном стекле дома напротив... Сакердона. Он находился в квартире четвертого этажа и, подняв голову, очень внимательно прислушивался к тому, что делается в квартире Алтуфа.

-А... - Понимающе протянул Алексей. – Теперь ясно, почему мы так быстро покинул квартиру...

-Именно. Но в тот момент я подумал о другом. Сакердон судебный следователь, а мы попали в квартиру не совсем законно... Вот собственно потому-то я и стал выталкивать тебя из квартиры.

-Теперь ясно, почему Сакердон звонил тебе именно из квартиры Алтуфа. – Понимающе покачал головой Зенон.

-Вовсе нет. Сакердон для маскировки просто перекинул свой телефонный провод в распределительной коробке, что расположена на лестнице, но по случайности, а если точнее по незнанию накинуд свой провод на контакты квартиры Алтуфа.

-Но зачем он тогда звонил? – Спросил Алексей.

-Как зачем? Он к тому времени уже в бега подался. Сидел безвылазно в квартире на Фурштадской. По тону, по интонации пытался разведать обстановку.

-Но как же был убит Алтуф? – Спросил прокурор.

-На Алтуфа, пока он увлеченно нашаривал мифический тайник, с пятого этажа сбросили брикет льда. Аква пурэ - чистая вода, чистое убийство. Вот и все. Лед достаточно быстро растаял и никаких следов. Сплошные дожди, асфальт и без того не просыхает... Мы были в холодильнике купца Каблукова и сами видели, что достать из морозильника брикет льда, подвести его к окну, прицепить, удлинить монорельс и сбросить брикет дело минутное. Кстати, эту мысль третьего дня, сам того не зная, мне подкинул убогий проповедник Ухтомский.

-Но полиция?... Как они не обратили внимания на куски льда?

-Да очень просто. Если бы дело происходило в марте или апреле, то тогда обязательно обратили бы внимание на куски льда. Но человек видит лишь то, что он замечает, а замечает то, что, так или иначе, присутствует в его сознании... Ну не бывает в ноябре сосулек и потому не могут они срываться с карниза крыши. Все видели эти осколки, но никому не пришло в голову связать их со смертью Алтуфа.

-Гениально! – Воскликнул Зенон. – Даже такую деталь Сакердон предусмотрел. Гениально. Но, а что Соколовский? Где же он?

-А кому он нужен? Сидит сей волк в окружении Красных Шапочек где-нибудь под Парижем и локти от досады кусает. Негатив свитка де Рэ ныне не стоит даже той стеклянной пластинки, на которой он отпечатан.

-А вот теперь, господа, я повторю свой вопрос - откуда вдруг стало известно, что именно в списке Радецкого находится ключ расшифровки свитка де Рэ? – Алексей откинулся на спинку кресла и раскурил сигару.

-Ну-у... Господин Сугробин, ответ до неприличия простой. – Сказал Зенон. - Об этом узнали, когда Радецкий дерзнул шантажировать барона Экслера. Это было перед самой смертью Радецкого. Барон Экслер уже в больших летах и не боялся той легкомысленной записки, что по молодости он написал на обороте списка. Он и известил «охранку». Дальше вы знаете. Что до Сакердона, то он пятнадцать лет охотился за этим списком.

-М-да... Пятнадцать лет охотился, теперь лет десять-пятнадцать каторги. – Заметил Алексей. – Высокая цена за клочок бумаги.

-Значит «охранка» пронюхала о списке еще при жизни Радецкого? Так значит и визит мосье Филиппа в Россию не случает? Во всяком случае, по времени приезд этого кудесника подозрительно совпадает... – Ввернула Кристина.

-А вот об этом, мадемуазель, лучше не знать. Лучше забыть и никогда не задумываться...

Закончить Зенон не успел. Поступью Наполеона, спешащего к Аустерлиц в гостиную влетел репортер уголовной хроники «Петербургского листка» Адам Иванович Шнейфер, более известный под псевдонимом «Экзекутор».

-Всем добрый день, господа! – Радостно закричал он с порога. - Наконец таки я вас нашел, Савелий Платонович! Признаюсь, мне пришлось-таки побегать за вами!

-Уж не скипидаром ли от вас пахнет? – поинтересовался Алексей. Он первый пришел в себя от неожиданного визита Экзекутора.

-Это новый мужской одеколон «Жанне». Очень популярен во Франции. Вы разве не читали мою статью о нем? Нет? Вы многое потеряли. Статья удалась мне! Просто-таки шикарная! Но открою вам свой профессиональный секрет, господа, я хорошенько общелкал материал и... немедленно в печать!

-Я бы поклялся на годовой подшивке вашего «Листка», что это именно скипидар. А статья ваша о французском одеколонном скипидаре верно в стиле «где-то в Гаскони»?

-Я пришлю вам флакон, - примиряюще пообещал Экзекутор.

-О нет, что вы! Не хочу причинять вам лишних хлопот.

-Никаких хлопот. Честное слово. Савелий Платонович, редакции необходимы ваши комментарии. Два-три предложения, не больше. Попробуйте сказать емко.

-Комментарии к чему, собственно? – Спросил медленно приходящий в себя Луканов.

-Вот послушай. Я тут целую ночь, знаете ли, творил: «Отец Петербургского сыска Савелий Платонович Луканов чуть не умер при родах нового направления уголовных преступлений, а именно совершения убийства без применения орудия убийства...».

- «Отец... чуть не умер при родах»? – Удивился Савелий Платонович. – Да вы, уважаемый ночь не творили, а, верно... своим одеколоном давились!

-Что вы! Но поймите, это же газета! Гипербола для лучшего усвоения материала.

-Чьих? То есть, что? Простите? Гипербола, вы говорите?

-Вероятно, это специально вывернуто наизнанку... - Предположила Кристина.

-Да уж... В семейной жизни не соскучишься! Но позвольте - это как «отец умер при родах»?

-Не вникайте, Савелий Платонович. Лучше вслушайтесь в поэтику... - Загорячился Адам Иванович, поблескивая пенсне. - В поэтику жанра!

-В «поэтику»... Да у вас, сударь, в голове что-то вывернуто наизнанку.

Сугробин и Беляева встали и подошли к окну. Кристина взяла Алексея за руку и немного повернулась к нему...

ЭПИЛОГ

Через две недели великий маг и чародей Филипп Ансельм-Вашо был с позором изгнан из России, но его место тут же занял Анкосс-Папюс. Однако его скоморошья инициация в гроссмейстеры мартинистов «по рукописи» Паскуалли, совершенная ранее (в 1888 году), вероятно отложила свой отпечаток и наследник российского престола царевич Алексей, родился только в 1904 году. Но с появлением при дворе Распутина, Папюса мгновенно выдворили из России.

От огорчения потери столь состоятельных клиентов как императорская семья Филипп Ансельм-Вашо скончался 2 августа 1905 года. Папюс умер 25 октября 1916 года, прожив, кстати сказать, всего 51 год.

Но ровно через год после описанных нами событий в Париже одновременно остановились все маятниковые часы и многие люди ощутили головокружение. Никаких атмосферных аномалий, которые могли бы стать причиной вышесказанного, не наблюдалось.

Но это уже другая история, о которой в другой раз...